

Социалистический Вестник

Сборник № 1

АПРЕЛЬ 1964 ГОДА

Социалистический Вестник

Сборник № 1

Апрель 1964 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Ю. Денике: США после Кеннеди 3

На сельскохозяйственные темы

С. Шварц: Противоречия советской сельско-
хозяйственной политики 15

С. Ш.: Меняется лицо сельскохозяйственного пленума
ЦК 38

М. Вишняк: Новая идея Хрущева — «общенародное
государство» 46

В. Александрова: Возвращение человека 56

Обозреватель: Женщины среди советской элиты 70

Эрнст Гальперин: Диллемма Ф. Кастро. Письмо из Гаваны 77

От коммунизма к демократическому социализму

Герман Вебер: Мой путь 93

Страницы истории

С. Шварц: К истории формирования меньшевизма и
большевизма 103

На заре Коминтерна: Рассказ «товарища Томаса» с пре-
дисловием и примечаниями Б. Николаевского 123

Produced by Rausen Language Division, 142 East 32nd Street, New York 16, N. Y.

Ю. ДЕНИКЕ

США после Кеннеди

В последнем выпуске «Социалистического Вестника» я говорил о времени президентства Кеннеди, как об «эре Кеннеди». Эта эра, которую можно было считать установившейся по меньшей мере на восемь лет, а в зависимости от личности его преемника и на более долгий срок, была прервана убийством президента Кеннеди, не продлившись и трех лет. Прервана, но это еще не значит, что она уже закончилась. Как одну из возможностей развития, можно себе представить, что президент Джонсон будет в полном смысле слова продолжателем своего предшественника и тогда Америке предстоит на длительное время оставаться в эре Кеннеди, которая в этом случае станет «эрой Кеннеди-Джонсона». Существуют, конечно, и другие возможности, но сейчас было бы слишком рано предугадать, а тем более оценить степень вероятности каждой из них. Нельзя, однако, и совершенно обойти вопрос о теоретически возможных альтернативах, поскольку он неразрывно связан со всем комплексом проблем американской политики и жизни, как они представляются после смерти президента, открывшего новую эру американской истории. Как бы эти проблемы в дальнейшем не решились, после того, что было сделано президентом Кеннеди, от них уйти уже нельзя. Несмотря на то, что Кеннеди еще только начинал, и ему не было суждено довести до конца какие-либо из положенных им «начал».

Вопрос об альтернативах дальнейшего развития не может не беспокоить уже потому, что одной из мыслимых (что еще не значит «возможных») альтернатив является возврат к прошлому, к тому, что предшествовало президентству Кеннеди, — если не во всех частностях, что вообще уже немыслимо, то в основной тенденции, на которой нам придется остановиться. Такая альтернатива стала бы возможной в случае избрания на предстоящих выборах республиканского президента, что в данный момент и сами республиканцы считают маловероятным, а большинство политических комментаторов совершенно исключенным. Но я думаю здесь не о таком крайнем случае, как республиканская победа на выборах, а о возможности — и на мой взгляд опасности — того, что в обостренной и сумбурной атмосфере предвыборного времени усилится давление тех сил, на которых покоялась «неподвижность», характеризовавшая американскую политику, когда она определялась республиканской администрацией, — по более привычному нам выражению, республиканским правительством. В таком случае вопрос сводился

бы к тому, в какой мере такое развитие может оказать сдерживающее или даже парализующее влияние на политику президента Джонсона.

Неподвижность, о которой я здесь говорю, нужно понимать не как состояние — отсутствие движения, а как тенденцию — отсутствие способности двигаться (или воли к движению), что лучше передается обычным теперь термином «иммобилизм». И эта неподвижность относительная. Абсолютной неподвижности, вероятно, вообще не бывает. Всегда что-то движется, что-то меняется. Основная или преобладающая тенденция определяется соотношением различных тенденций — сил движения и сил инерции. Эра Эйзенхауэра характеризовалась преобладанием инерции, эра Кеннеди преобладанием движения. Тем не менее и иммобилизм правительства Эйзенхауэра не был абсолютным. Его министр иностранных дел (государственный секретарь) Доллес отличался даже очень большой активностью, на которой однако все же лежала печать иммобилизма, так как она была лишена гибкости, была скована определявшими ее формулами, за которые Доллес продолжал держаться и тогда, когда он, казалось бы, должен был убедиться в их устарелости или коренной порочности. В результате он был, как мне уже приходилось писать, несравненным мастером создавать безысходные ситуации. Словом иммобилизм может быть весьма сложным явлением и может быть даже прикрыт эффектной активностью, которая в лучшем случае немногим отличается от бега на месте, а в худшем приводит к опасным кризисам.

Во внутренней политике иммобилизм выражался в более чем осторожном, прямо таки боязливом подходе к большим и трудным проблемам, в боязни идти дальше не дающих серьезных результатов паллиативов, в то время как большие проблемы не только созревали, но, как проблема равноправия негров, уже перезревали, приближаясь к пункту взрыва. Не говоря пока об отдельных проблемах, укажу на то, что иммобилизмом страдала не только государственная политика, но и вся экономика страны, словно утратившая свой динамизм и находившаяся в состоянии по крайней мере относительного застоя, против чего республиканская администрация ничего не предпринимала. Именно по этому экономическому иммобилизму Кеннеди в своей избирательной кампании наносил особенно сильные удары, провозгласив своей задачей, в случае избрания его президентом, «снова привести страну в движение». И это было не просто одно из обычных предвыборных обещаний, но действительный стимул его политики. Но он успел только начать, тем более, что он приступил к выполнению своих намерений не в бурном порыве, а весьма осторожно, считаясь с различными тактическими соображениями и в особенности с трудностями проведения своих мероприятий в конгрессе.

От Линдона Джонсона с его кипучей энергией и ненасытной жаждой всякого рода активности меньше всего можно ожидать склонности к иммобилизму. Он, без сомнения, как и Кеннеди, хочет, чтобы Америка «двигалась», хотя, наверное, не совсем так, как этого хотел Кеннеди. Кеннеди и Джонсон люди различного склада. Джонсон гораздо менее интеллектуален, чем Кеннеди, менее восприимчив к новым идеям, и я бы сказал: менее вдумчив. Если несколько суеверивая активность не мешает ему думать, то — по крайней мере, по моему впечатлению — не оставляет ему времени для того, чтобы задумываться, не просто думать, а размышлять. А Кеннеди задумывался и размышлял, как вероятно, ни один президент до него (не исключая Вильсона и Ф. Д. Рузвельта). Но основное направление политики Джонсона надо считать прогрессивным, несмотря на то, что за те же годы, когда он играл доминирующую роль в Сенате, он приобрел репутацию не либерала, каким он раньше был, а скорее умеренного консерватора. Изменил ли он тогда свои убеждения? Защищая Джонсона против такого упрека, один английский автор в своей характеристике Джонсона писал, что изменился не сам Джонсон, а изменился его штат — Техас, благодаря нефти превратившийся из отсталого аграрного штата в высоко индустриальный, находящийся под господством нефтяников. С этим Джонсон должен был считаться, потому что без согласия и поддержки нефтяных магнатов он не мог быть представителем своего штата, в котором никто не может быть избран сенатором против воли техасских мультимиллионеров. Нас это может шокировать, но такова действительность американской политики. Ведь даже такой во всех других отношениях бесспорно прогрессивный политик, как Фулбрайт, в то же время является — наверное против внутреннего убеждения — защитником сегрегации, без чего он не мог бы быть избранным сенатором от южного штата Арканзаса (вспомним Литтл Рок!). Кеннеди, как наследственный мультимиллионер, мог позволить себе быть независимым от таких специфических влияний, с которыми вынужден был считаться его преемник в то время, когда он был сенатором. Но и Джонсон, как президент может быть более независимым — уже потому, что его переизбрание будет зависеть не только от Техаса.

В данный момент мало кто сомневается в том, что в ноябре Джонсон будет выбран президентом и станет, что очень важно, президентом по воле избирателей, а не вследствие трагического случая. Но произойдет это не само собой, автоматически, а будет результатом ожесточенной избирательной борьбы и сложного тактического маневрирования. В том и другом Джонсон примет самое активное участие и будет играть руководящую роль. Он должен будет вложить в избирательную кампанию максимум своей энергии, чтобы быть самому выбранным возможно более значительным большинством и чтобы содействовать воз-

можно более полной победе демократической партии на выборах в Конгресс. Эта грандиозная операция ловли голосов должна быть основана на учете настроений в стране и, как правило, не может обойтись без той или иной степени приспособления к этим настроениям (хотя, конечно, не ко всем). Более чем вероятно, что в ходе этой операции Джонсон будет испытывать сильное давление и настроений, направленных необязательно против демократической партии и ее кандидатов, но против того «движения», на путь которого Кеннеди начал увлекать Америку; тех настроений, которые — надо это признать — давали очень широкую базу для политики иммобилизма. Эйзенхауэр был идеальным президентом для значительного большинства американских граждан и не только потому, что он был национальным героем, но и благодаря характеру его «неподвижной» политики. Кеннеди был чрезвычайно популярен, но не благодаря его идеям, а больше всего благодаря обаянию его личности или, как любят говорить в Америке, его «образа». Его переизбрание было очень вероятным, но его нельзя было считать обеспеченным. В глазах многих американцев недостатком Кеннеди было даже не существование его идей, а само то обстоятельство, что у него много идей, и то, что он хотел заставить «двигаться» людей, большинство которых этого не хотели.

Согласно, если не всеобщему, то весьма распространенному мнению, американцы являются в наше время «глубоко консервативной нацией». Об этом говорят и либералы, сожалея или возмущаясь, и консерваторы, которые на этом строят свои надежды. Это утверждение можно однако принять лишь с серьезными оговорками. Во-первых, как и все такого рода широкие обобщения, его нельзя понимать слишком буквально: оно переносит на **всех** то, что может относиться лишь к большинству, хотя бы и значительному, а кроме того оно слишком категорично. Было бы осторожнее сказать: большинство американцев в той или иной мере консервативны. Но и тут нужна очень существенная оговорка, касающаяся того, что надо в данном случае понимать под консерватизмом или — правильнее — консервативностью. Только немногие из этих консервативных американцев являются консерваторами в том смысле, что они имеют определенную консервативную идеологию и программу, т. е. являются так сказать «сознательными консерваторами». Но все они отличаются консервативностью, как характерным для них умонастроением. Может быть, лучше говорить не о консервативности, а об инертности в точном смысле слова, выражающейся в склонности жить как бы по инерции, следя испытанными проложенными путями, поскольку они дают возможность оставаться в стороне от социальных потрясений, постепенно повышать свои доходы и, что в Америке особенно важно, шаг за шагом, подыматься по социальной лестнице («статус»!). Это те американцы, для которых, как недавно писал один автор, «американское общество,

может быть, и не лучшее в мире, но оно наилучшее для американцев». Они могут приветствовать некоторые частичные улучшения, но боятся больших перемен и инстинктивно отворачиваются от больших проблем. В значительном большинстве они отталкиваются от всякого радикализма, и сейчас это сказывается в том, как сенатор Голдуотер, строящий все свои расчеты на эксплуатации американской консервативности, своими нелепо право-радикальными речами и заявлениями стал отталкивать от себя и своих вчерашних почитателей.

Это консервативное большинство нации нельзя отождествлять с избирателями республиканской партии. Оно включает и большое количество демократических избирателей, а с другой стороны всех республиканских избирателей нельзя отнести к такого рода «консерваторам». Но особенно ясным показателем не консервативности, а именно инертности является огромное количество граждан, вообще не пользующихся своими избирательными правами. Нигде больше нет такого абсентеизма как в Америке. Число голосующих на выборах в Палату Представителей редко достигает половины имеющих право голоса, а иногда опускается и ниже сорока процентов. Это чрезвычайно мало, даже если учитывать, что в южных штатах значительное количество негров всякими способами не допускаются к урнам. Исключительно высоким для Америки было участие в выборах 1960 года, когда на президентских выборах голосовало 64,6, а на выборах в Палату Представителей 59,4 процента. Но за два года до этого на выборах в Палату голосовало лишь 43,2 процента, а двумя годами позже 46,4 проц. имеющих право голоса. Всю массу неголосующих нельзя однако просто скидывать со счетов. Она представляет собой резервуар, из которого по какой-либо причине могут потечь голоса к той или другой партии. В Германии в 1930 году наци имели свой совершенно неожиданный огромный избирательный успех благодаря тому, что они сумели активизировать значительную часть немцев, раньше не голосовавших. Вероятно, Голдуотер расчитывает на то, что ему удастся расшевелить какую-то часть до сих пор совершенно пассивных граждан. Тем более что за последние годы вообще наблюдалось некоторое усиление избирательной активности — в какой-то мере, — без сомнения благодаря телевидению, что было особенно ясно в 1960 году, когда на телевидении развертывалась борьба между Кеннеди и Никсоном.

Если то, что я назвал относительной неподвижностью, определить, учитывая инертность большинства нации, как движение по инерции, то статистика выборов приводит к заключению, что, начиная с 1932 г., это движение благоприятствовало демократам. В 1932 г. Рузвельт был в первый раз избран президентом, и это было толчком, определившим дальнейшее движение. С тех пор демократы были лишь с немногими отклонениями постоянной партией большинства. Из шестнадцати парламент-

ских выборов, имевших место с 1932 г., демократы имели на одиннадцати абсолютное и на двух относительное (хотя один раз и очень незначительное) большинство, республиканцы имели абсолютное большинство два раза, ни разу не имели относительного, и один раз обе партии получили одинаковое число голосов. За последние десять лет демократы имели абсолютное большинство на всех выборах без исключения. Но это не значит, что им нечего бояться. После выборов 1958 г., когда демократы получили 56,1 процента голосов, идет снижение: 54,7 процента в 1960 г. и 52,1 процента в 1962 г. Республиканцы соответственно увеличивали свою долю голосов: 43,5 проц. в 1958 г., 44,8 в 1960 г. и 47,2 в 1962 г. Если в нынешнем году этот тренд подтвердится, то республиканцы получат на ноябрьских выборах в Палату представителей по меньшей мере небольшое относительное большинство. С другой стороны нужно иметь в виду, что потеря голосов правящей партией на выборах через два года после избрания президента представляет собой обычное явление, а во многих случаях потери были еще более значительными, чем потери демократов в 1962 г. по сравнению с 1960, годом избрания Кеннеди. Привожу два примера из многих. В 1936 г. (второе избрание Рузвельта) демократы получили на выборах в Конгресс 55,8 проц. поданных голосов, а в 1938 г. уже только 48,6 проц. В 1956 г. (переизбрание Эйзенхауера) республиканцы получили 48,7 проц., в 1958 только 43,5, что означает снижение более чем на пять процентов. По сравнению с этим и со снижением в первом случае более чем на семь процентов, снижение в 1962 г. на три с половиной процента не представляется слишком значительным. Тем не менее, если в переизбрании Джонсона почти никто не сомневается, вопрос о большинстве в Палате Представителей является спорным, и ответ на него предугадать нельзя, так как он в значительной мере будет зависеть от развития в остающееся до выборов время.

Я не знаю, как президент Джонсон читает те цифры, которые я только что привел. Видит ли он в относительной (т. е. в процентах) убыли демократических голосов определенную тенденцию развития («тренд») или следствие особых причин, одной из которых и, вероятно, главной может быть отношение к личности Кеннеди со стороны части избирателей, голосующих за демократическую партию. Значение этого фактора ясно обнаружилось на выборах 1962 г. Можно считать правилом, что кандидат победивший на президентских выборах, получает больше голосов, чем в тот же день получает его партия. Так было все четыре раза, когда избирался Рузвельт. Так было оба раза, когда победителем был Эйзенхауэр. В некоторых случаях разница была очень значительной. Так в 1936 г. Рузвельт получил 60,8 проц. голосов, а его партия на общих выборах 55,8 проц. Еще более разительные результаты 1958 г., когда переизбранный президент Эйзенхауэр получил 57,4 проц. голосов, а его

партия всего лишь 48,7 проц. Исключение — единственное за тридцать лет до 1960 года — выборы 1948 г., когда Труман получил 49,5 проц., а демократическая партия на выборах в Конгресс 51,9 проц. Но в 1960 г. разница была еще значительнее, когда Кеннеди получил 49,7 проц. против 54,7 проц. голосов, поданных за демократов на выборах в Палату Представителей. Это показывает, насколько сильно было предубеждение против Кеннеди даже и у части тех избирателей, которые голосовали за демократическую партию. Наиболее обычное а, вероятно, правильное объяснение этого предубеждения сводится к тому, что оно коренилось в «антиинтелликуализме», представляющем собой широко распространенное в Америке явление — в особенности у республиканцев, но в значительной мере и у демократов. Кеннеди для многих был слишком «интелликуален», в особенности для тех американцев, умонастроение которых я выше определил, как инертность. И это предубеждение, видимо не ослабевало, даже несмотря на то, что популярность Кеннеди возростала за все время его президентства. Отношение к нему оставалось двойственным и у многих из тех, кто были его поклонниками, но увлекались им под влиянием обаяния его личности, так сказать, «вопреки самим себе». Эта пародоксальная психология еще ждет тщательного анализа. Но сейчас она важна для нас политически, как существенный фактор, с которым президент Джонсон должен считаться в стратегии своей избирательной борьбы.

Исходя от этих соображений, можно, мне кажется предугадать, какой основной задаче будет подчинена эта избирательная стратегия. Чтобы обеспечить демократическое большинство в Конгрессе, Джонсон должен закрепить за собой тех избирателей, которые хотят видеть его продолжателем Кеннеди, и вместе с тем успокоить тех, кого отпугивало от Кеннеди их предубеждение против его «интелликуальности» и его, с их точки зрения, слишком радикальное желание заставить страну «двигаться». Это, казалось бы, значит совместить несовместимое. Но то, что невозможно в физике, может быть возможным в политике, неподчиняющейся ни строгой физической закономерности, ни логическому правилу исключенного третьего: или — или, а третьего быть не может. Преимущество Джонсона в том, что он пользуется репутацией если не вполне консервативного политика, то во всяком случае более консервативного, чем Кеннеди. Он может продолжать начинания Кеннеди, не вызывая опасений, что он доведет их до рискованных экспериментов, которых боится инертная часть нации. Он энергично двинул обсуждение, а затем принятие налогового обложения — мера слишком популярная, чтобы пугающие дефицитами консервативные критики могли обратить ее в орудие против Президента. Другие реформы принимаются теперь, как неизбежное, и многими из тех, кто еще совсем недавно их боялись. Это относится

прежде всего к законодательству о равноправии негров. Я не говорю о белых варварах в южных штатах, представители которых стараются обструкцией («фалибустер») помешать принятию этого законодательства. Но и за пределами темного царства, каковыми являются южные штаты, расистское предубеждение является весьма распространенным. Движение негров приняло однако такой бурный и часто ожесточенный характер, что его дальнейшее развитие в том же направлении представляется уже слишком опасным, вызывая прямо-таки призрак кровавой гражданской войны. Джонсон за последние годы занял очень твердую позицию в пользу равноправия, и сейчас даже на юге с этим начинают мириться менее фанатические элементы белого населения.

Здесь я не могу обсуждать все вопросы внутренней политики, которые стоят перед президентом Джонсоном, и оставляю в стороне все сравнительно второстепенное и то, что не может играть большой роли в избирательной кампании. То законодательство, о котором до сих пор шла речь, представляет собой прямое наследство, полученное Джонсоном от Кеннеди. Тут Джонсон заканчивал или заканчивает то, что было начато без его инициативы. Свое «лицо» он проявил однако в той прямотаки фантастической энергии, с которой он содействовал проведению в жизнь этого законодательства посредством множества личных разговоров и бесчисленных телефонных звонков. Но он должен показать, что он является продолжателем Кеннеди не только в таком узком смысле. Ему нужно было выдвинуть что-то свое, собственную большую идею и большую программу. Он сделал это, провозгласив поход против бедности. Это была идея совершенно в духе политики Кеннеди, который думал над ней, но не успел ее конкретизировать в определенной программе, что делает теперь Джонсон, наметив на первый год ассигновку в размере около миллиарда долларов. Судя по тому, сколько и как за последнее время пишется о бедности и даже о вопиющей нищете в самой богатой в мире стране, можно было бы заключить, что эта проблема стала серьезной внезапно два или три года тому назад. Но это было бы только отчасти правильно. Проблема бедности в Америке была нисколько не менее серьезной сколько угодно лет тому назад, и о ней даже никогда не молчали, хотя говорили гораздо меньше, чем говорят теперь. Но инертное большинство нации закрывало на нее глаза, как бы инстинктивно избегая видеть то, что может нарушить его душевное спокойствие. Даже те многочисленные граждане, — а их действительно много, — которые щедро жертвуют на разные филантропические цели, в том числе и на помощь «наиболее нуждающимся», — даже эти сердобольные граждане не замечали, что совсем близко от домов, в которых они живут, имеются целые кварталы угнетающей нужды. Слишком трудно это допустить тем, кто считают, что «наша страна, может быть,

и не лучшая в мире, но во всяком случае наилучшая для нас, американцев». А очень многие глубоко убеждены, что они живут в почти идеальном обществе, где случаи нищеты могут быть только редкими исключениями. К тому же разговоры о бедности, как широко распространенном явлении, имеют привкус критики капитализма и даже симпатий к социализму!

Сейчас уже не оспаривается, что это явление широко распространенное, охватывающее по различным исчислениям от 20 до 25 проц. населения или в круглых цифрах от 35 до 45 миллионов человек. Возможно, что более высокие цифры являются преувеличенными. Статистические расчеты вообще дают различные результаты в зависимости от того, как определяется граница доходов, ниже которой начинается область бедности. Но можно исходить из следующего бесспорного расчета, произведенного на основании очень тщательной официальной статистики: одна пятая американских семей получает в год лишь пять процентов всей суммы доходов населения, то-есть в среднем одну четверть средней для всего населения. Особое политическое значение имеет распределение семей этой низшей по доходности группы между «белой» и «не-белой» (обычное в американской статистике разделение) частями всего населения. Группа бедных семей включает 17 процентов «белых» и 44 процента «не-белых» семей. К этому нужно добавить, что доходы «не-белых» мужчин в среднем составляют лишь 52 процента средних доходов «белых». Проблема бедности тесно сплется с проблемой преодоления неравноправия негров, которое не сводится только к фактическому ограничению гражданских прав, а выражается и в том, что негры имеют значительно меньше шансов материального успеха — вследствие неблагоприятных социальных условий, неудовлетворительной постановки обучения и — увы! — вследствие препятствий, которые многие профсоюзы чинят повышению их трудовой квалификации. Но и вообще, распространяясь не только на негров, одной из важнейших задач борьбы против бедности является повышение образовательного уровня детей из бедных семей.

Я пишу эту статью до опубликования конкретных данных о программе президента Джонсона, которая по соображениям бюджетной экономии, вероятно, будет выглядеть довольно скромно. Но не думаю, что это уменьшит ее политическое значение. Программа борьбы против бедности будет естественно прежде всего популярна среди тех, кого она непосредственно касается, т. е. среди бедной части населения. Возможно, что она будет побуждать до сих пор не голосовавших выйти из состояния политической пассивности, чтобы голосовать за демократического президента и его партию. За программу будут и все те, кто были горячими сторонниками Кеннеди и будут видеть в ней свидетельство того, что Джонсон действительно является продолжателем политики своего предшественника. В то же вре-

мя эта программа имеет то преимущество, что она не дает никакого боевого материала политическим противникам Джонсона, т. е. республиканцам и наиболее реакционной части демократов. Можно — и с разных сторон несомненно будут — критиковать частности программы. Но нужно, действительно быть Голдуотером (это имя заслуживает стать нарицательным), чтобы отрицать существование широко распространенной бедности или утверждать, что не все бедные люди заслуживают лучшей участи. А, с другой стороны, программа борьбы против бедности будет ее различными сторонами привлекательна для различных групп населения тем, что при ее последовательном и энергичном проведении она облегчит реальное равноправие негров и должна будет привести к широкой и более чем назревшей реформе школьного образования и к увеличению кадров квалифицированных рабочих, все более необходимых вследствие технологического прогресса.

В области внутренней политики позиция Джонсона представляется очень сильной. Благоприятным для него фактором является и то, что предвыборная борьба развернется при высокой экономической конъюнктуре. Снижение налогов дает существенный эмоциональный толчок и спросу потребителей и капиталовложениям. Если, как предсказывают некоторые экономисты (в настоящее время меньшинство), это мероприятие даст лишь временное повышение конъюнктуры, но приведет к инфляции и даже суворой депрессии, — это во всяком случае не произойдет до президентских выборов. Сейчас видна лишь одна опасность, которая может серьезно повредить и самому Джонсону и еще больше демократической партии в ее целом. Это возможность, что обструкция южных сенаторов не даст пройти законодательству, дающему гражданское право неграм. Последствия этого не могут не быть чрезвычайно бурными, и возмущение негров может зайти очень далеко. В общем же сами республиканцы отдают себе отчет в том, что во внутренней политике у них нет сильного оружия против Джонсона и демократов. Тут они вынуждены ограничиваться общими фразами без малейшей надежды увлечь ими избирателей. Центр тяжести своей критики — и критики ожесточенной — они перенесли на внешнюю политику, где положение Джонсона является гораздо более трудным и слабым. Как потому, что, чувствуя себя совершенно в своей стихии во внутренней политике, Джонсон является своего рода новичком в политике международной, так и объективно вследствие запутанности внешнеполитических проблем и обилия унаследованных Джонсоном безысходных ситуаций — унаследованных потому, что Кеннеди не успел ликвидировать значительной доли им самим полученного наследства.

Я, конечно, не могу ставить себе задачи на немногих страницах анализировать все проблемы американской внешней политики, и, не касаясь частных пунктов, остановлюсь — что и по

существу всего важнее — на общих условиях, которые приводили и приводят к перманентному кризису этой политики. Не буду перечислять и все имевшие место за последнее десятилетие неудачи американской политики, для каждой из которых можно найти виновников — иногда подлинных, а иногда объявленных таковыми «козлов отпущения». После всех злоключений этой политики нельзя не поставить вопроса, почему же проблема ее коренного пересмотра оказывается исключительно трудной, хотя необходимость его, казалась бы, является очевидной и срочной — как это и осознал президент Кеннеди, не успевший однако пойти дальше первых, хотя и чрезвычайно важных шагов по пути этого пересмотра. Он вынужден был двигаться сравнительно медленно, сознавая, что страну нужно подготовить к пересмотру основ внешней политики путем длительного политического воспитания. Мы тут встречаемся снова с инертностью, о которой была речь выше, но уже в своеобразно радикальном варианте. Именно эта инертная масса не может освободиться от сложившихся после войны представлений о всемогуществе Америки благодаря ее богатству и военной мощи. «Все мое — сказало злато. Все мое — сказал булат». Но, хотя у Америки и злато и булат, но далеко не «все мое» — конечно, не в смысле присвоения каких либо земель, но в смысле возможности решать, как она того хочет, все международные проблемы. Признать, что это невозможно, и что необходимо значительное ограничение американской внешней политики, словом признать ограниченность своих возможностей, как это имел мужество сделать Кеннеди, — что Америка хоть и **могущественна**, но не **всемогуща**, — этому огромная масса американцев решительно сопротивляется. И тут инертность выражается не в пассивном упорстве, а в истерической, во многих случаях совершенно дикой озлобленности, разжигаемой бессовестной республиканской демагогией (при участии и части демократов).

Главным источником озлобления, по существу бессильной злобы, является именно постоянно обнаруживающийся недостаток сил, чтобы «раздавить гадину», т. е. коммунизм во всех его проявлениях и всюду где бы то ни было. В своем огромном большинстве американцы так же хотят похоронить коммунизм, как Хрущев хочет похоронить капитализм. Если бы то и другое удалось, я не стал бы плакать ни на тех ни на других похоронах. Но могильщики обеих сторон должны понять, что история идет не по их пути и не обещает абсолютного торжества одной стороны и уничтожения другой, а в случае безумной попытки добиться своего водородными бомбами грозит гибелью обеим сторонам. Для тех, кто, как и автор настоящей статьи, в сущности почти целиком отдал свою жизнь борьбе против коммунизма, это очень горькое заключение, прийти к которому стоило напряженных размышлений, а высказать которое и долгой внутренней борьбы. Но политика должна быть свободна от бес-

смысленных мечтаний. Если она ставит себе непосильные цели, она не ослабляет противную сторону, а ее усиливает и может привести к катастрофическим взрывам. Поэтому так необходим коренной пересмотр американской внешней политики. Кеннеди к этому шел, сначала лишь ощупью, а в последний год перед своей смертью осторожным, но твердым шагом. Пойдет ли президент Джонсон тем же путем? Сейчас на это можно лишь ответить, что во всяком случае не до его переизбрания. Коренной пересмотр политики несовместим с предвыборным маневрированием. Но и помимо этого еще не ясно, достаточно ли он сам подготовлен к такому пересмотру. Кроме того вокруг него нет, кажется, людей, которые могли бы его ориентировать в этом направлении. Пока он сохраняет тех, кого он унаследовал от Кеннеди, и, что касается специалистов по внешней политике, то это — государственный секретарь Ростоу люди в общем средние. Выбор Кеннеди не всегда был так удачен, как в случае с секретарем обороны МакНамара, человеком действительно очень выдающимся. Только упомяну также о трудностях, постоянно возникающих в Конгрессе, в этом отношении отражающем закоренелую инертность страны. Нужно также признать, что решения, которые рано или поздно придется принимать, и объективно являются чрезвычайно трудными. Признать ограниченность своих возможностей, соответственно ограничить свои цели, сократить свои обязательства — об этом и говорить не так легко иначе как в форме общих пожеланий. Но как это конкретизировать? Где себя ограничить? От чего отказаться? Ведь до сих пор не удается освободиться от такой нелепой фикции, будто правительство Китая находится не в Пекине, а на Формозе, или перестать снабжать оружием оба находящиеся в конфликте государства (напр. Индию и Пакистан). Большая общая проблема распадается на множество частных случаев и внутренне противоречивых задач. Трудно себе даже представить, как во всем этом может разобраться один человек, к тому же имеющий массу забот и помимо внешней политики. Когда после выборов Джонсон будет составлять свое новое правительство, может быть, он найдет и более способных сотрудников для своей внешней политики. Но и тогда Америке будет не хватать — президента Кеннеди.

16-го марта 1964 года

НА СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ТЕМЫ

С. ШВАРЦ

Противоречия советской сельскохозяйственной политики

Руководители советской сельскохозяйственной политики опять переживают состояние какой-то нервной тревоги и ищут панацеи. И, как уже стало обычным, — одновременно и бьют тревогу, и, обращаясь к началу после-сталинской эры, пытаются показать, какими гигантскими шагами Советской Союз будто бы идет вперед по пути к изобилию и к широкому удовлетворению потребностей страны в продуктах сельского хозяйства. При этом каждый раз выясняются новые подробности того действительно трагического положения, в котором находилось сельское хозяйство ко времени ухода Сталина с исторической сцены. Вот и сейчас, почти непосредственно после расширенного февральского пленума ЦК, президиум ЦК собрал «работников, которым партия доверила руководство сельским хозяйством», т. е. фактически тех же, кто только что участвовал в заседаниях пленума, чтобы «поставить перед ними практические вопросы по осуществлению решений февральского пленума ЦК». И Хрущев начал здесь свой доклад с описания действительно невыносимого положения сельского хозяйства Советского Союза к моменту смерти Сталина. Из доклада Хрущева (он состоялся 28-го февраля и напечатан в «Правде» от 7-го марта) мы в частности узнаем, что к концу сталинской эры **«труд большинства колхозников практически не оплачивался»**. Так, например, на один трудодень в 1952 году выдавалось: в Калужской и Тульской областях — 1 копейка, в Рязанской и Липецкой — 2 копейки, в Костромской и Курской — 4 копейки. **Многие колхозы годами не выдавали на трудодень ни одной копейки**. (Здесь и ниже подчеркнуто мною. — С. Ш.). При этом Хрущев рассказал о следующем почти невероятном факте:

«В 1952 году Сталин предложил создать комиссию, которая разработала бы практические меры по развитию животноводства в колхозах и совхозах. Мне пришлось быть в этой комиссии. Вместе с товарищами Микояном, Игнатовым и другими мы разработали предложения, они были довольно скромными. Чтобы повысить материальную заинтересованность в увеличении производства, намечалось, в частности, несколько поднять заготовительные цены на мясо, молоко и другие продукты. Доложили Сталину, он посмотрел и сказал: нет, не годится, поработайте еще, дайте новые предложения и учтите, что надо поднять налог на колхозы и колхозников примерно на 40 миллиардов рублей. И

это в то время, когда все денежные доходы колхозов составляли 42 миллиарда рублей (в старых деньгах). Как же можно было добавлять еще 40 миллиардов к тому, что уже платили колхозы? Если бы продать все имущество колхозов, то и тогда они не выплатили бы такой налог».

Хрущев, к сожалению, не сообщает, как комиссия «поработала еще», но что цены, которые государство и в 1953 году платило за принудительно сдаваемую ему продукцию сельского хозяйства действительно носили конфискационный характер, он показывает очень наглядно. Хрущев приводит средние закупочные цены на сельскохозяйственные продукты в 1953 году — «закупочные», а не «заготовительные», это были тогда цены по двум формам принудительных поставок, причем «закупочные» цены всегда были значительно выше «заготовительных», — и сопоставляет их с соответственными ценами 1963 года, тоже, как известно, часто еще не покрывающими себестоимости сельскохозяйственной продукции. Приведу из большой таблицы Хрущева несколько примеров: закупочные цены за центнер с-х. продукции достигали соответственно в 1953 и 1963 годах в рублях (в 1953 году, конечно, в перерасчете на новые деньги) следующих размеров:

пшеница	0,97	и	7,56
кукуруза	0,54	и	7,66
горох	1,31	и	20,23
говядина	2,03	и	79,90
молоко	2,52	и	12,18
яйца (1,000)	19,90	и	70,00

Т. е. закупочные цены в 1953 году составляли соответственно лишь

13 — 7 — 6 — 2,5 — 21 — 28

процентов закупочных цен 1963 года.

Что советское сельское хозяйство к концу властования Сталина непосредственно подошло к катастрофе, теперь уже не вызывает сомнений. Резкая перестройка всей сельскохозяйственной политики принудительно диктовалась всей обстановкой и такая перестройка действительно вскоре и началась. Пленум ЦК компартии в сентябре 1953 года был началом этого развития, которое за истекшие десять лет ознаменовалось рядом крупных мероприятий и резких поворотов, но с самого начала страдало от глубокого внутреннего порока, сказывавшегося на всех ступенях этого развития и в немалой мере парализовавшего значение громадных усилий, затрачивавшихся для достижения подъема сельского хозяйства.

Попытаемся в основных чертах проследить развитие советской сельскохозяйственной политики, начиная с сентября 1953 года, и выяснить, что же мешало тому, чтобы принимавшиеся

меры, иногда очень решительные, действительно сказались прочным, значительным и непрерывным подъемом всех отраслей сельского хозяйства, т. е. привели бы к результатам, на которые рассчитывали руководители советской политики, которые они каждый раз заранее широко афишировали и которые частью ожидались и в широких слоях населения Советского Союза, — ожидались, но не осуществились.

Сентябрьский пленум ЦК (1953 г) — поворотный пункт развития

Сентябрьский пленум 1953 года еще не был «расширенным» пленумом в современном смысле; эта практика пришла позже. В печати был опубликован только многочасовой доклад Хрущева «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» и осталось даже неизвестным, кто принимал участие в продолжавшемся несколько дней обсуждении этого доклада. Пленум принял ряд решений, за которыми в течение ближайших немногих недель последовало несколько постановлений Совета Министров СССР и ЦК компартии (тогда еще в таком именно порядке: СМ и ЦК, а не наоборот), сыгравших очень значительную роль в развитии советского сельского хозяйства. При этом и в докладе Хрущева и в этих постановлениях особенно подчеркивалась настоятельная необходимость решительного поворота в развитии животноводства и еще относительно оптимистически оценивалось состояние зернового хозяйства. Сейчас этому даже трудно поверить, но Хрущев в своем докладе на пленуме прямо сказал:¹ «Мы в общем удовлетворяем необходимые потребности страны по зерновым культурам в том смысле, что страна наша в основном обеспечена хлебом, мы имеем необходимые государственные резервы и осуществляем в определенных размерах экспортные операции по хлебу» (Семитомник, т. 1, стр. 10). И еще решительнее: «В то время как сельское хозяйство в целом, развиваясь по принципам расширенного воспроизводства, далеко продвинулось вперед, животноводство развивалось крайне медленно» (стр. 20). Т. е. с животноводством трудно, но зато зерновое хозяйство развивается полным ходом, «по принципам расширенного воспроизводства». Неужели Хрущев этому верил? Ведь ему были и книги в руки. Тем более после его работы (может быть, председательствования?) в комиссии 1952 года,

¹ Докладом Хрущева на сентябрьском пленуме ЦК 1953 г. открывается собрание «речей и документов Н. С. Хрущева», задуманное было, как пятитомник (с сентября 1953 г. до октября 1961 г., до XXII съезда компартии) под общим заглавием «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства», но очень скоро продолженное и превратившееся в семитомник (по март 1963 г.). Для краткости цитируется в этой статье, как семитомник.

с которой была речь выше. Прошло, однако, еще четыре месяца, пока он решился отказаться от этой лакировки. В «записке» в президиум ЦК от 22-го января 1954 года «Пути решения зерновой проблемы» (все еще не публично: записка эта оставалась секретной восемь лет, пока она не была опубликована в семитомнике) Хрущев осторожно писал, что «объявленное нами решение зерновой проблемы не совсем соответствует фактическому положению дел в стране с обеспечением зерном» (т. I, стр. 85). Хрущев вскрыл в этой записке и механику проводившейся годами систематической фальсификации данных о сельскохозяйственных итогах с объявлением в качестве данных об амбарном урожае данных о хлебе на корню («по видовому урожаю») и притом с дополнительной фальсификацией этих данных путем «подправок» их в соответствии с более высокими цифрами плановых заданий (стр. 88).

И только на февральско-мартовском пленуме ЦК 1954 года вопрос о тяжелом состоянии зернового хозяйства был поставлен — опять в докладе Хрущева — открыто, и то с какой-то странной заминкой: доклад Хрущева на пленуме был прочитан 23-го февраля, но был напечатан в «Правде» лишь почти через месяц — 21-го марта. Ограничусь здесь по необходимости лишь немногими выдержками из этого доклада:

«За период с 1940 по 1953 год общие посевные площади увеличились на 6,8 миллиона гектаров, тем не менее посевы зерновых культур сократились на 3,8 миллиона гектаров.

Сокращение посевов зерновых культур имело место в большинстве районов страны. Особенно значительно оно было в основных зерновых районах страны. Так, по Украинской ССР посевы зерновых сократились на 1,1 миллиона гектаров, в районах Поволжья — на 924 тысячи, в центральных черноземных областях — на 713 тысяч, в районах Северного Кавказа — на 309 тысяч гектаров.

Почему все это произошло? Может быть, увеличились посевы наиболее ценных технических, а также овощно-бахчевых культур и картофеля? Ничего подобного. Общие посевы этих культур остались неизменными. Зато площади под кормовыми культурами увеличились на 10,6 миллиона гектаров, в том числе укосные площади многолетних трав расширились на 4,5 миллиона гектаров» (т. I, стр. 240).

Но, может быть, увеличение посевных площадей многолетних трав за счет сокращения посевов зерновых по крайней мере привело к значительному увеличению производства кормов для скота? Как это ни поразительно, но даже и этого не случилось:

«В действительности производство кормов уменьшилось и обеспеченность скота кормами продолжает оставаться неудовлетворительной. Это и понятно, так как расширение посевных кормовых культур в значительной мере шло путем увеличения посевов многолетних трав, а последние в условиях южных районов Украины, многих районов Северного Кавказа, Поволжья, Сибири, Южного Урала и северо-восточных областей Казахстана дают низкие урожаи с гектара посева и гораздо меньше кормов, чем посевы зернофуражных культур» (стр. 241).

В этой связи уже на февральско-мартовском пленуме 1954 года были подняты вопросы о распашке целинных и залежных земель и об отказе от травопольной системы земледелия. К этому мы еще вернемся. Но прежде необходимо остановиться на изменениях сельскохозяйственной политики, наметившихся на сентябрьском пленуме 1953 года и в ближайшие после него недели.

Укрепление партийного руководства

На сентябрьском пленуме и в постановлениях правительства, придавших намеченные на пленуме мероприятия силу закона, была облегчена система поставок сельскохозяйственных продуктов и повышенены заготовительные цены прежде всего на продукты животноводства, картофель и овощи, а вскоре и на зерновые и технические культуры, внесены значительные смягчения в систему принудительных поставок личными хозяйствами колхозников, улучшена оплата сельскохозяйственного труда и вообще приняты меры к обеспечению **материальной заинтересованности** сельского населения в подъеме сельского хозяйства. Все это действительно сказалось в ближайшие годы значительным подъемом сельскохозяйственного производства. Это можно считать общеизвестным и на этом сейчас можно не останавливаться. На чем остановиться необходимо, это на **мероприятиях политического характера**, намеченных на пленуме и с большой решительностью проводившихся затем в жизнь. И если первая группа мероприятий в целом имела для развития сельского хозяйства положительное значение, вторая группа означала, как сейчас будет показано, значительное усиление авторитарного характера всей системы управления сельским хозяйством и сыграла роль тормаза сельскохозяйственного развития.

Развитие сельского хозяйства в советских условиях и сейчас это прежде всего развитие колхозного хозяйства, хотя за последние десять лет роль совхозов чрезвычайно выросла, а колхозное хозяйство в целом даже абсолютно несколько уменьшилось. Но десять лет назад колхозы в сельском хозяйстве это

было почти все.² И вопрос о подъеме сельского хозяйства был прежде всего и больше всего вопросом о подъеме колхозов.

Подводя итоги сентябрьского пленума ЦК 1953 года, обозреватель советского сельскохозяйственного развития писал в «Социалистическом Вестнике»:³

«Просто поразительно, до чего руководители коммунистической с.-х. политики уже и сами не замечают, как самая мысль о колхозах, как самоуправляющихся крестьянских организациях, бесследно вытравлена из их сознания. Сейчас и в докладе Хрущева, и в резолюции сентябрьского пленума, и в ряде правительенных постановлений с большой откровенностью отмечается множество глубоких недостатков организации сельского хозяйства в Советском Союзе и намечен ряд мер, которые должны были бы устраниить эти недостатки. Но ни в одном из этих документов нет и намека на обращение к самодеятельности колхозного крестьянства, на попытку улучшить организацию сельского хозяйства на путях крестьянского хозяйственного самоуправления. Современная коммунистическая мысль ищет преодоления всех трудностей исключительно на путях укрепления организации сверху, усиления авторитарного начала, создания хорошей бюрократической организации. Точно дух старого прусского чиновничества витал над авторами этих постановлений, вдохновляя их на их неблагодарный труд.

‘Насущной задачей улучшения руководства сельским хозяйством является повышение роли районных комитетов партии и райисполкомов в развитии колхозов, МТС и совхозов’, подчеркнул в своем докладе Хрущев. В улучшении ‘руководства’ — руководства, приходящего в колхозы сверху и извне, — начало и конец всей коммунистической мудрости».

«Повышение роли районных комитетов партии и райисполкомов» — это еще была «лакированная» формула. В действительности роль райисполкомов — как-никак органов советского самоуправления — была именно в этот период резко сужена, так как райисполкомы лишены были того органа, через который они только и могли оказывать сколько-нибудь заметное влияние на развитие колхозов. Как это, может быть, ни поразительно, но то ли на сентябрьском пленуме, то ли в это же время президиумом ЦК было решено просто уничтожить районные управле-

² Из всех посевных площадей на долю совхозов (и других государственных хозяйств) приходилось в 1953 году 11,6 процента, в 1962 году 43,9 процента, на долю колхозов соответственно 84,0 и 53,0 процента, на долю подсобных хозяйств колхозников и рабочих и служащих 4,4 и 3,1 процента. Исчислено по абсолютным данным, заимствованным из «Народного хозяйства СССР в 1962 г.», стр. 252.

³ См. статью «На сельскохозяйственные темы в «Социалистическом Вестнике», октябрь-ноябрь 1953 года.

ния (отделы) сельского хозяйства, в которых при всех их недостатках все же, случалось, веяло каким-то «земским» духом. Коммунистическое руководство само испытывало какую-то неловкость, уничтожая районные отделы сельского хозяйства, и это решение на первых порах было просто скрыто от широких кругов населения: в печати оно замалчивалось и только с января 1954 года сообщения об этом начали как бы мимоходом проскальзывать в печати; и в конце января министр сельского хозяйства Бенедиктов на всесоюзном совещании работников МТС уже прямо говорил об упразднении районных управлений сельского хозяйства; но даже и теперь это было сообщено в «Правде» лишь 11-го февраля. С этого времени уничтожение районных управлений сельского хозяйства перестало быть полу-тайной.

Но зато повышение роли районных комитетов партии в руководстве сельским хозяйством действительно развернулось во всю и для этого была даже создана специальная стройная организация. Прежде всего по прямому постановлению пленума была упразднена в МТС должность «заместителя директора по политической части». Вместо «замполита», уже по самому своему положению помощника директора МТС, в каждую МТС было решено ввести специального секретаря райкома. Секретарь райкома в каждой МТС, уже совершенно независимый от директора МТС и непосредственно подчиняющийся первому секретарю райкома, и при нем «группа работников», — они получили название «инструкторов», причем в каждый колхоз назначается специальный инструктор (иногда один инструктор на два колхоза), — это и есть основной скелет организации, созданный на сентябрьском пленуме для партийного руководства на местах сельским хозяйством и в особенности колхозами.

Эта перестройка партийного «руководства» дополнялась радикальной реорганизацией агрономической и зоотехнической службы в колхозах. До сентябрьского пленума колхозные агрономы и зоотехники работали под общим руководством участковых агрономов и зоотехников МТС, но непосредственно подчинялись правлениям колхозов. После сентябрьского пленума все это было изменено. В постановлении СМ СССР и ЦК компартии от 21-го сентября 1953 года «О мерах по дальнейшему улучшению работы МТС» предписывалось «иметь в штатах МТС агрономов и зоотехников для постоянной работы в колхозах с тем, чтобы каждый колхоз постоянно обслуживался одним-двумя специалистами сельского хозяйства. Для обслуживания отдельных наиболее крупных колхозов допускать содержание в штатах МТС по одному специалисту на бригаду и ферму». Так колхозные агрономы и зоотехники перешли в штаты МТС, — сплошь и рядом оставаясь жить в колхозах, — и стали совершенно независимы от колхозных правлений. Подчинены они были непосредственно главному агроному и главному зоотехнику МТС,

облечеными очень широкими правами и назначавшимся на должность областными отделами сельского хозяйства. В свою очередь и агрономы и зоотехники МТС, работающие в колхозах (часто вчерашние колхозные специалисты сельского хозяйства), оказались облечеными очень широкими полномочиями по отношению к колхозам: на них была возложена «ответственность за выполнение агрономических и зоотехнических мероприятий, предусмотренных договором МТС с колхозом, за выполнение колхозами плана по урожайности сельскохозяйственных культур и продуктивности животноводства, за правильную организацию труда». Все это ставило их над правлениями колхозов, которым они дают «указания» (и этот термин уже был узаконен в постановлении). Практически агрономы и зоотехники, работающие в МТС и колхозах, являлись дополнительным инструментом описанного выше партийного «руководства» сельским хозяйством.

Это был момент высокого взлета партийной самонадеянности, когда коммунистическому руководству казалось, что «партия» все может, все лучше всех знает. И «партия» считала, что через МТС она действительно сможет авторитетно, компетентно и успешно руководить всей жизнью колхозов. «Правда» в передовой от 29-го января 1954 года так и писала, что «МТС теперь выступает не только в качестве производителя предусмотренных договором работ в различных отраслях хозяйства, но и в качестве руководителя и организатора колхозного производства».

Так в колхозной жизни восторжествовало **авторитарное начало**, подавляя и вытравляя чахлые ростки крестьянского хозяйственного самоуправления. Но эта **победа авторитаризма над автономизмом** далеко не была окончательной и с колебаниями борьба этих враждебных друг другу начал продолжалась в течение всех последующих лет, продолжается и теперь. Об этом еще будет речь ниже.

Эпопея освоения целины

Авторитаризм против автономизма это основное, но не единственное проявление авторитарного начала в советской сельскохозяйственной политике. Другим его проявлением оказывается признание **универсальной мудрости власти**, ее неоспоримого превосходства над всяkim действительным знанием и независимым опытом. Это другая форма все той же партийной самонадеянности, о которой была речь выше. Она продиктовала в феврале 1954 года решение о **подъеме целины**, о немедленном гигантском расширении посевных площадей путем распашки миллионов гектаров целинных и залежных земель, — **вопреки осторожным, но**

настойчивым предостережениям со стороны тех, кто действительно «лучше знали».⁴

Рамки этой статьи, посвященной характеристике основных черт советской **сельскохозяйственной политики** за послесталинские годы, не позволяют мне остановиться сколько-нибудь подробно на **фактическом развитии сельского хозяйства** в этот период. Отмечу поэтому лишь, что гигантская и действительно не знающая в истории примеров эпопея подъема целины оказалась **трагическим экспериментом**, дорого обошедшись стране и народу, и остановлюсь вкратце в виде иллюстрации на Казахстане, на долю которого приходится более половины поднятых целинных и залежных земель.

Весною 1954 года Хрущев лично слетал в Казахстан и имел возможность убедиться на месте, в каких уродливых условиях полной неподготовленности проводится кампания по подъему целины. Об этом он довольно откровенно доложил в «записке в Президиум ЦК КПСС» от 5-го июня 1954 года, оставшейся, правда, секретной и опубликованной только через восемь лет в «семитомнике» (т. I, стр. 296-305). Но эти наблюдения не помешали Хрущеву настаивать со всей энергией на продолжении кампании нарастающими темпами, — со всеми последствиями, о которых осторожно предупреждали специалисты сельского хозяйства, знакомые с климатическими и почвенными условиями Казахстана. Приведу только несколько цифр.

В докладе на февральско-мартовском пленуме ЦК (1954 г.), на котором и было формально принято решение о спешной распашке миллионов гектаров целины, Хрущев исходил из оптимистических расчетов о средней урожайности на распаханных землях первоначально в 10-11 центнеров с гектара с вероятным быстрым подъемом до 14-15 центнеров с гектара (Семитомник, т. I, стр. 236-237). Это звучит сейчас, как горькая ирония. После первой благоприятной «отдачи» на девственных землях урожайность начала быстро падать, что видно из следующей таблицы:

⁴ Сейчас даже трудно было восстановить картину этой осторожной оппозиции; она с самого начала натолкнулась на решительное сопротивление со стороны коммунистического руководства и едва прорывалась в печати. Но внимательный современник мог составить себе по отрывочным сообщениям известное представление об этой оппозиции и о колебаниях власти, конец которым — и оппозиции и колебаниям — был положен опубликованием 11-го февраля «обращения» ЦК КПСС к избирателям (в виду предстоящих выборов в Верховный Совет СССР), в котором сообщалось о предстоящем освоении «нескольких миллионов гектаров» целинных и залежных земель. См. об этом в статье «Кризис зернового хозяйства» в «Социалистическом Вестнике», июнь 1954 года.

Урожайность зерновых в Казахстане (в центнерах с гектара)

1956	1958	1959	1960	1961	1962
10,6	9,4	8,6	8,5	6,6	6,5

Данные приводятся по статистическим сборникам «Сельское хозяйство СССР», Москва, 1960 г., стр. 214, и «Народное хозяйство СССР в 1962 г.», Москва, 1963 г., стр. 274. Цифра для 1957 года, особенно низкая благодаря тяжелой засухе (4,6 ц/га), в таблице мною опущена. Для 1963 года, опять особенно неблагоприятного, у меня еще нет данных; цифра для этого года вероятно окажется ниже цифры предыдущего года.

В 1963 году наметился какой-то поворот — не в развитии сельского хозяйства на поднятых целинных землях, а в основной установке сельскохозяйственной политики. Самая идея быстрого увеличения сельскохозяйственного производства путем **расширения посевных площадей**, на которой были построены все планы освоения целины, начала терять в глазах коммунистического руководства свою привлекательность и мысль его начала все больше сосредоточиваться на **повышении урожайности** на уже освоенных площадях. В последние месяцы печать на все лады повторяла эту мысль и в этой связи, как сообщили иностранные корреспонденты, в Москве заговорили о вероятном изменении политики освоения новых площадей целины. Предположения эти нашли свое подтверждение в сообщении из Москвы о беседе Хрущева 21-го февраля с известным итальянским издателем Джулио Эйнауди, (готвящим издание «выступлений Н. С. Хрущева по вопросам мира и мирного сосуществования»). В «Правде» (от 23-го февраля 1964 г.) сообщалось лишь, что Хрущев имел с Эйнауди «дружескую беседу». Но московский корреспондент «Нью Иорк Таймс» сообщил, что в этой беседе был затронут и вопрос о целинных землях и что Хрущев при этом заявил, что «целинные земли, отведенные под посевы пшеницы, страдающие от засухи и эрозии почвы, вновь будут превращены в пастбища» («Нью Иорк Таймс» от 23-го февраля). Московская пресса обошла это сообщение молчанием, хотя, казалось бы, если оно не отвечало действительности, легко было — и было необходимо — его опровергнуть. Но сообщение это явно встревожило коммунистическое руководство и на него решено было ответить категорическим заявлением — о громадном экономическом успехе освоения целины. И это, увы, должен был сделать сам Хрущев в своей речи на созванном на 28-ое февраля «совещании руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов», о котором уже была речь выше. Из речи Хрущева на этом совещании мы узнаем, что «за счет одного товарного зерна государство не только покрыло все вложения в сельское хозяйство целинных районов, но сверх того получило чистого дохода за девять лет около 3 миллиардов ру-

блей». Речь Хрущева на совещании 28-го февраля была напечатана в «Правде» от 7-го марта, а еще через два дня в «Правде» же было опубликовано обращение ЦК и Совета Министров ко всем, кто потрудился для освоения целины, написанное в чрезвычайно приподнятых тонах. «Освоение целинных земель — всенародный подвиг, он будет жить в веках». И будто бы и экономически освоение целинных земель блестяще себя оправдало:

«Затраты государства на освоение новых земель возмещены полностью и с превышением. По данным Центрального Статистического Управления при Совете Министров СССР, в освоение новых земель государство вложило 6,7 миллиардов рублей, а стоимость только товарного зерна, полученного с этих земель, составила около 10 миллиардов рублей. Вместе с тем увеличились примерно на 4,7 миллиарда рублей производственные фонды совхозов и заготовительных органов районов освоения целины».

Что в освоении целинных земель были элементы массового героизма, действительно верно. Но отсюда еще очень далеко до того, чтобы можно было признать операцию по освоению целины исторически и экономически оправданной. Экономически в особенности. Вероятно, большинство читателей даже не сразу заметило глубокую порочность приведенной в обращении ЦК и СМ аргументации. Как это из факта, что стоимость зерна, проданного государству с освоенных новых земель, составила около 10 миллиардов рублей, следует, что 6,7 миллиардов капитальных вложений в освоение целины «возмещены полностью и с превышением»? (На этих же данных очевидно основано и замечание Хрущева о «чистом доходе» от освоения новых земель в размере «около 3 миллиардов рублей»). В огороде бузина, а в Киеве дядька! За товарную продукцию на сумму в 10 миллиардов рублей государство должно было уплатить — 10 миллиардов рублей. И оно никак не могло покрыть при этом 6,7 миллиардов, вложенных в операцию по освоению целины. О таком покрытии могла бы быть речь, если бы государство при уплате за сельскохозяйственную продукцию вычло в погашение вложенных им средств 6,7 миллиарда рублей, о чем, конечно, не было и речи. (А ведь за счет этих 10 миллиардов, оказывается, и «производственные фонды совхозов и заготовительных органов районов освоения целины» — но не колхозов! — «увеличились примерно на 4,7 миллиарда рублей»). Даже и при блестящем развитии сельского хозяйства на новых землях оказавшиеся необходимыми для освоения их огромные вложения едва ли могли бы окупиться в такой короткий срок. Но что в действительности развитие здесь сельского хозяйства носило чрезвычайно неблагоприятный характер, достаточно известно из множества «критических и самокритических» заявлений. Или, может быть,

все эти злочастные Беляевы, Даулиновы, Соколовы пострадали напрасно и вместо бесславного снятия их с высоких постов они в сущности должны были «получить Героя»?

Проблески ослабления авторитарного курса

Экскурсия в Казахстан заставила нас несколько нарушить хронологию и забежать вперед. Вернемся к развитию, как оно развертывалось в пятидесятых годах. Мы уже видели, что в изменениях сельскохозяйственной политики, начавшихся с сентябрьского пленума ЦК 1953 года, причудливо сочетались положительные мероприятия по усилению материальной заинтересованности сельскохозяйственных производителей в развитии сельского хозяйства с мертвящим усилением «руководства» компартии во всех областях сельской жизни. Но в обстановке стихийно прорывавшейся и нараставшей в широких слоях населения потребности в каком-то смягчении режима, в «оттепели», по счастливому и сразу ставшему чрезвычайно популярным выражению Эренбурга, опубликовавшего в мае 1954 года свою знаменитую одноименную повесть, — сохранение авторитарного режима во всей его суровости становилось невозможным. И коммунистическое руководство начало осторожно и нерешительно отступать.

В начале марта 1955 года была сделана попытка ослабить бюрократический и централистический характер планирования сельского хозяйства, совершиенно исключавший возможность сколько-нибудь нормального развития хозяйственной инициативы в колхозах. Постановление ЦК и Совета Министров от 9-го марта 1955 года «Об изменении практики планирования сельского хозяйства» прежде всего дало неумолимую характеристику существовавшего до того порядка планирования:

«Сложившийся порядок планирования, при котором до колхозов доводились планы посева, строго определявшие, какие культуры и в каких размерах нужно сеять, какие виды скота и в каких количествах колхозу необходимо содержать, приводил во многих случаях к нерациональному ведению хозяйства. Шаблонное планирование посевных площадей вызывало неправильное размещение сельскохозяйственных культур, которое не соответствовало экономическим и почвенно-климатическим условиям колхозов, накопленному опыту ведения сельского хозяйства, сложившейся культуре земледелия и не способствовало увеличению валовых сборов сельскохозяйственных культур. Такое планирование не позволяло также колхозам правильно организовать ведение общественного животноводства, добиваться увеличения производства мяса, молока, яиц, шерсти и других продуктов.

Только результатом неправильного планирования и стремлением Госплана СССР и Министерства сельского хозяйства СССР предписывать все сверху можно объяснить, что южным районам

страны и особенно Украины навязывались посевы яровой пшеницы, несмотря на то, что местные работники, основываясь на многолетнем опыте работы, доказывали целесообразность посевов озимой пшеницы. В то же время районами Сибири, Урала и Казахстана, в течение ряда лет, несмотря на возражения местных работников, планировались посевы озимых культур, хотя озимые хлеба в условиях этой зоны, как правило, дают урожаи, значительно ниже яровых хлебов».

До постановления 9-го марта данные подробно разработанного в центре плана, охватывавшего все стороны хозяйства, разверстывались сверху до низу и доходили до колхозов уже в форме прямых предписаний, что, как и когда производить. Постановление 9-го марта предусматривало, чтобы в таком порядке устанавливались и доводились до колхозов лишь данные о всех видах обязательств колхозов по отношению к государству. На основе этих данных колхоз **«совместно с МТС»** и вырабатывает свой детальный план, в котором уже предусмотрено все и который затем поступает на утверждение райисполкома с тем, что **райисполком может «рекомендовать» колхозу «необходимые изменения»**. При сложившейся обстановке, однако, и **«совместная с МТС»** выработка колхозом плана обычно означала выработку его по указанию МТС, и **«рекомендации»** райисполкома были равносильны предписаниям.⁵ А практика часто оказывалась и того хуже, и **«бюрократическое, чрезмерно раздутое, оторванное от жизни планирование»** (по формуле постановления 9-го марта для **«сложившегося порядка»**) так и не было изжито и в разных, часто очень уродливых формах продолжалось и продолжается до сих пор. Об этом свидетельствует большое число жалоб, поток которых не прекращается до сих пор⁶ и несколько поразительных образцов которые Хрущев привел в своей речи 28-го февраля текущего года. Но уже самый факт многочисленности этих часто открытых жалоб говорит о том, что что-то начинает сдвигаться в сознании людей, — особенно после начавшегося в 1956 году развенчания **«культы личности»**. И уже не только экономическая необходимость, но и формирующееся новое сознание людей, особенно людей еще только вступающих в сознательную жизнь, толкают руководство компартии к поискам новых мер, до известной степени идущих навстречу потребности колхозного крестьянства в осуществлении каких-то элементов хозяйственного самоуправления.

Было бы, однако, ошибкой не видеть, что и постановление

⁵ См. статью **«Новая система планирования сельского хозяйства»** в **«Социалистическом Вестнике»**, май 1955 года.

⁶ См. об этом статьи **«Перед пленумом ЦК»** и **«На сельскохозяйственные темы: Не дают работать»** в **«Социалистическом Вестнике»**, январь 1961 г. и июль-август 1963 года.

«Об изменении практики планирования сельского хозяйства» — при всех его недостатках и при еще больших недостатках практики проведения его в жизнь — явилось какой-то брешью в системе авторитарного управления сельским хозяйством, что возврата к тому положению, которое было так убедительно охарактеризовано в постановлении 9-го марта, уже быть не может и что внутренне противоречивый характер этого постановления содействует пробуждению и росту в колхозных кругах готовности к какому-то сопротивлению попыткам коммунистической бюрократии навязывать колхозам свою волю.

Вторым знаменательным событием в этот период, которое говорит о внутренних колебаниях в системе авторитаризма и практическое значение которого оказалось гораздо больше, чем значение реформы планирования сельского хозяйства, была ликвидация МТС и передача (конечно, за плату) сельскохозяйственной техники колхозам. В течение более четверти века МТС были основным бастионом компартии в деревне. Еще на пленуме ЦК в январе 1955 года Хрущев обронил крылатую фразу о МТС, как «важнейших опорных пунктах руководства колхозами со стороны социалистического государства» (Семитомник, т. I, стр. 480). Еще на XX съезде компартии в феврале 1956 года было постановлено:

«Поднять роль МТС в развитии всех отраслей сельскохозяйственного производства в колхозах и в дальнейшем организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Повысить ответственность МТС за выполнение планов производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, за механизацию трудоемких процессов в растениеводстве и животноводстве» (Стенографический отчет, т. II, стр. 463-464).

Прошло еще два года, и эта крепость пала. Событие это развязало скованную было общественную мысль и сопровождалось открытым прорывом на авансцену советской жизни колхозно-кооперативной идеи, сразу натолкнувшейся на отпор. Самое упразднение «важнейшего опорного пункта» в деревне сопровождалось попыткой диктатуры задержаться на полпути и сохранить в качестве орудия власти в деревне созданные вместо МТС РТС (Ремонтно-технические станции). Обо всем этом у нас подробно сообщалось⁷ и, стесненный рамками этой и без того растянувшейся статьи, я должен сейчас ограничиться этими краткими замечаниями об эпопее падения МТС.

В атмосфере, создавшейся в связи с ликвидацией МТС, или вернее: в атмосфере какого-то смягчения в руководящих комму-

⁷ См. статьи «Закат МТС?», «Вынужденное отступление», «Закат МТС и его ‘всенародное обсуждение’» и «Закат РТС?» в «Социалистическом Вестнике», февраль-апрель 1958 и декабрь 1959 года.

нистических кругах авторитаристских настроений, которое нашло свое выражение в отказе от МТС и в свою очередь стимулировалось этим отказом, — в колхозной среде начал живо обсуждаться вопрос о межколхозных связях и межколхозных объединениях, прежде всего для кооперативной организации ремонта сельскохозяйственной техники, но и гораздо шире — для разрешения совместными усилиями и на началах самоуправления ряда экономических и культурных задач. Было бы, правда, ошибкой думать, что идея межколхозных объединений возникла лишь в связи с передачей сельскохозяйственной техники колхозам. Идея эта существовала давно и во второй половине двадцатых годов даже сказывалась уже заметно в жизни деревни. Но в начале тридцатых годов эти зачатки были задушены и только к концу 2-ой мировой войны, когда после страшных разрушений военного времени перед деревней встала проблема восстановления, идея межколхозных связей стала оживать и быстро получила довольно широкое распространение (особенно в форме межколхозных строительных бригад), к счастью, не очень привлекая к себе внимание коммунистического начальства.

Вопрос о межколхозных объединениях и межколхозных связях в течение всего 1958 года не сходил с порядка дня. В декабре 1958 года, на созданном ЦК расширенном пленуме, посвященном сельскохозяйственным итогам года и задачам сельского хозяйства на 1959 год, вопрос этот обсуждался широко. Уже самый факт созыва такого рода пленума был новым и значительным событием. К участию в пленуме было привлечено, наряду с большим числом руководящих партийных и советских работников, значительное число работников сельского хозяйства и не только, даже не столько из сельскохозяйственных учреждений, сколько непосредственно из среды совхозов и — еще больше — колхозов. Ниже, в статье «Меняется лицо сельскохозяйственного пленума ЦК», читатель познакомится с характерными чертами начавшего было входить в быт расширенного сельскохозяйственного пленума ЦК: на первых трех пленумах — в декабре 1958 г., в декабре 1959 г. и в январе 1961 года — энергично велась борьба за и против усиления колхозно-кооперативного начала в жизни колхозного крестьянства и с чрезвычайной наглядностью сказывались колебания по этому вопросу на верхах компартии. Пленум 1961 года был последним пленумом, на котором еще продолжалась, хотя и в ослабленной форме, борьба за колхозно-кооперативную идею и еще в какой-то мере веяло, выражаясь термином старой русской демократической публистики, земским духом. Но уже к концу пленума стало ясно, что авторитарные тенденции вновь крепнут. Внешне сельскохозяйственные расширенные пленумы ЦК, хотя и менее регулярно, продолжали созываться, четвертый в марте 1962, пятый совсем недавно, в феврале текущего года. Но общественный дух, пробивавшийся на них, особенно на пленумах 1958 и 1959 годов,

отлетел. И вместе с закатом расширенного сельскохозяйственного пленума, как он был созван впервые в 1958 году, отодвинулась далеко на задворки и идея межколхозных объединений. На пленумах ЦК в марте 1962 года и в феврале 1964 года о ней уже просто не упоминалось. Это не значит, что межколхозные объединения умерли. Нет, они продолжают жить и многие из них, повидимому, растут. Но до поры до времени они остаются точно выключенными из сферы общественного внимания.

Назад или вперед?

В рамках этой статьи я вынужден при анализе развития советской сельскохозяйственной политики сосредоточиваться преимущественно на основных вопросах организации и управления сельским хозяйством, скажем условно, на **организационной и политической** стороне советской сельскохозяйственной политики. **Материального содержания** этой политики, как раз в последние годы выдвинувшей ряд новых проблем — назову только важнейшее: переход к более интенсивным системам земледелия (в связи с ликвидацией травопольной системы земледелия), химизация сельского хозяйства, развитие орошаемого земледелия и вставшая несколько раньше проблема выдвижения кукурузы на одно из первых мест в зерновом хозяйстве, — в этой статье я уже не могу анализировать и разве что коснуться его мимоходом, поскольку это бросает свет на организационно-политическую проблематику советского сельскохозяйственного развития.

*

После немногих лет колебаний в пользу какого-то смягчения авторитарного курса коммунистическое руководство вернулось в 1962 году к более решительному проведению политики укрепления партийного руководства сельским хозяйством. Это сказалось прежде всего в намеченной и проведенной в первой половине 1962 года перестройке управления сельским хозяйством, вернее, в создании — впервые! — органов власти, на которые возложена была задача **непосредственного руководства** всеми сельскохозяйственными предприятиями страны. Вопрос был широко и открыто поставлен на состоявшемся в марте 1962 года четвертом расширенном сельскохозяйственном пленуме ЦК. Уже по самому своему составу гораздо более партийный и бюрократический, гораздо менее общественный, чем три его предшественника, пленум этот был посвящен «задачам партии по улучшению руководства сельским хозяйством». Хрущев в своем докладе на пленуме, говоря о задаче «перестройки управления сельским хозяйством», так прямо и брякнул:

Хотел бы подчеркнуть, что я веду речь *не об общем руководстве, а именно об управлении сельскохозяйственным производством*. Учреждений которые осуществляют общее руководство сель-

ским хозяйством, у нас более чем достаточно, а вот органа, который бы управлял сельским хозяйством, занимался организацией производства и заготовок, глубоко вникал в нужды колхозов и совхозов, направлял развитие каждого хозяйства в отдельности, добиваясь наиболее эффективного использования земли, — такого органа управления у нас нет. Не было его по существу и за все годы Советской власти. Сельское хозяйство было и остается малоуправляемым» (Семитомник, т. 6, стр. 398).

Для осуществления этой задачи «направления развития каждого хозяйства в отдельности» и были созданы колхозно-совхозные и совхозно-колхозные производственные управлении, охватывающие каждое несколько районов и несущие ответственность за каждый отдельный колхоз или совхоз. Управления эти были организованы отнюдь не в демократическом порядке путем избрания их колхозами и совхозами, как можно было бы подумать по их названию, а в строго авторитарном порядке путем формирования их обкомами партии. При этом с самого начала были приняты энергичные меры к тому, чтобы обкомы не привлекали в состав производственных управлений наиболее выдающихся работников колхозов и совхозов. Это может показаться, невероятным, но Хрущев в своем заключительном слове на мартовском пленуме прямо предостерегал против этой «опасности» (!!):

«Есть опасность, что обкомы (крайкомы) партии начнут выдвигать для работы в управлении лучших директоров совхозов, наиболее опытных председателей колхозов. Нельзя становиться на такой путь» (Семитомник т. 6, стр. 456).

Это не была несчастная обмоловка, это был твердо взятый курс. Когда в конце марта Бюро ЦК КПСС по РСФСР собралось на расширенное заседание для обсуждения вопроса о проведении в жизнь перестройки управления сельским хозяйством, Воронов, заместитель председателя Бюро, со всей строгостью предупредил, чтобы при формировании управлений «ни в коем случае не брать руководящие кадры из колхозов и совхозов» («Правда» от 28-го марта 1962 г.). И в те же дни «Правда», подводя итоги «первых шагов по проведению перестройки управления сельским хозяйством», с какой-то нарочитой резкостью подчеркнула, что когда встанет вопрос, откуда брать работников для производственных управлений, ответ должен быть совершенно ясный: «Только не из колхозов и совхозов» («Правда» от 30-го марта).

Производственные управлении явились основным звеном целой системы органов авторитарного управления сельским хозяйством снизу доверху. Всюду в них были введены парторгии ЦК или обкомов с группой «инструкторов» — для каждого кол-

хоза, иногда для двух-трех колхозов по инструктору. Над межрайонными производственными управлениями были поставлены областные Управления производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов, а над ними облеченные большой властью областные Комитеты по сельскому хозяйству, как партийно-советские органы с решительным признанием **примата партии** и с 1-ым секретарем обкома во главе. По такому же образцу были созданы республиканские и общесоюзный Комитеты по сельскому хозяйству.⁸

Система эта за истекшие со времени ее создания два года окрепла, но никак нельзя сказать, что окрепло и советское хозяйство. И в методах руководства сельским хозяйством, параллельно развитию новой системы управления, вновь начала крепнуть характерная для всякого авторитаризма уверенность в универсальной мудрости власти, проявившаяся, как мы уже наблюдали, и в кампании по освоению целины. В 1962 году эта черта проявилась с чрезвычайной резкостью — еще гораздо резче, чем при освоении целинных и залежных земель, — в развернувшейся ожесточенной кампании против травопольной системы земледелия. На том же мартовском пленуме 1962 года, на котором было принято решение о создании производственных управлений, подробно обсуждался и вопрос о травопольной системе земледелия, — если можно назвать обсуждением одностороннюю и полемически заостренную критику определенной системы при полной невозможности для сторонников этой системы не то что серьезно обосновать ее, но хотя бы кратко ответить на часто явно недобросовестные обвинения. А между тем сторонниками травопольной системы земледелия было к этому времени подавляющее большинство агрономов и почти вся агрономическая профессура.

Поход на травопольную систему начался еще осенью 1961 года. Застрельщиком в этой кампании несомненно был сам Хрущев, который и вел ее с каким-то ожесточением. Достаточно вспомнить его выступление на всеукраинском совещании работников сельского хозяйства в декабре 1961 года, на которое были приглашены не только весь состав украинского партийного и советского руководства и много научных работников, но и все председатели колхозов и директора совхозов — всего около 12.000 человек! На этом совещании в защиту травопольной системы земледелия имел смелость выступить президент украинской академии сельскохозяйственных наук П. А. Власюк, кстати, автор большого учебного пособия, которым пользуются — вернее, до вчерашнего дня пользовались — все, кто изучают агро-

⁸ См. обо всем этом статьи «Мартовский пленум ЦК КПСС» и «Политическое наступление на сельскохозяйственном фронте» в «Социалистическом Вестнике», март-апрель и июль-август 1962 года.

номию в высших учебных заведениях Украины на украинском языке. О том, что говорил Власюк, в обширном отчете «Правды» (от 25-го декабря 1961 года) нет ни слова. Но беспримерное даже в советских условиях нападение на него Хрущева («Нельзя так выступать. Это не выступление, а акробатика... Это же нечестно... Заявление тов. Власюка говорит о его нечестности» и т. д.) было напечатано во всех больших советских газетах и Власюку не дано было ответить на него ни одним словом.

Коммунистическое руководство отдавало себе отчет в том, что в вопросе о травопольной системе земледелия оно имеет против себя подавляющее большинство ученых и специалистов сельского хозяйства. Хрущев на совещании работников сельского хозяйства Сибири, состоявшемся в Новосибирске в конце ноября 1961 года так и сказал:

«Значительная часть наших кадров, особенно специалистов сельского хозяйства, обучалась на основе травопольной системы, и им, видимо, не легко переучиваться, отказаться от того, чему учили преподаватели и профессора... Министерству сельского хозяйства надо решительно повернуть учебные заведения на тот курс, который подсказывает сама жизнь. Следует перестроить учебные программы. Мы сейчас критикуем травопольную систему, а все учебники построены на ее ошибочных положениях. Поэтому специалисты, окончившие учебные заведения, приходят в колхозы и совхозы и начинают свою работу с того, чему их учили...»

Давайте выбросим травопольную систему из учебных программ. А может быть, кое где заменить и преподавателей, которые не захотят перестроиться. Ничего страшного в этом нет...» (Семитомник, т. 6, стр. 186-187).

Полемика Хрущева в Киеве против президента украинской академии сельскохозяйственных наук явилась наглядной иллюстрацией того, как «партия» помогает ученым «перестраиваться». И еще через три месяца на мартовском пленуме ЦК министр сельского хозяйства Ольшевский, прямо признал, что «критику основ травопольной системы начали не работники науки», что «они не играли ведущей роли в этом деле, как следовало ожидать», но и до сих пор «многие из них еще не сделали должных выводов из критики травополья» и «только сейчас, в результате огромной работы, проведенной партией после XXII съезда, началось по настоящему исправление допущенных ошибок».

Мартовский пленум ЦК был достойным завершением этой кампании и, он закончился безоговорочным, полным и, конечно, единогласным осуждением травопольной системы:

«Пленум ЦК КПСС осуждает травопольную систему, как не-

состоятельную с научной точки зрения, непригодную для социалистического сельского хозяйства»⁹.

Это иллюстрации того бурбонского духа, который господствовал в последние годы — вернее, стремился господствовать — при решении не только вопросов управления сельским хозяйством, но и важнейших вопросов агрономической политики, требующих знания, опыта, творческой — т. е., конечно, и свободной — инициативы тружеников сельского хозяйства. Во всей атмосфере мартовского пленума 1962 года всего этого уже не было и в помине, и не приходится удивляться, что прозябанье советского сельского хозяйства продолжалось (интересно отметить, что о созыве в 1963 году расширенного сельскохозяйственного пленума ЦК уже и вопроса не возникало) — и что одного тяжелого по метеорологическим условиям года оказалось достаточно, чтобы страна в 1963 году оказалась почти на пороге катастрофы.

В очень тревожных настроениях начался и 1964 год. Это нашло свое отчетливое выражение и в расширенном пленуме ЦК, который, наконец, собрался в феврале этого года. Некоторым важным особенностям этого пленума посвящена ниже особая небольшая статья. Здесь же я хотел бы только отметить, как на этом пленуме явно сказались колебания в вопросе о дальнейшем проведении казалось бы стабилизовавшегося в последние годы сурового, авторитарного курса сельскохозяйственной политики.

С одной стороны, министр сельского хозяйства СССР Воловченко в своем докладе настаивал на том, что «руководители и специалисты колхозов и совхозов должны сами определять, за счет чего будет произведено нужное количество кормов. Всякие попытки навязывать сверху задания по посеву тех или иных культур следует решительно осуждать», что надо «доводить до колхозов и совхозов только планы продажи государству продукции земледелия и животноводства, предоставляя им возможность самим решать, какие культуры и на каких площадях сеять, какой скот и в каком количестве содержать». С другой стороны, председатель Главного комитета по орошаемому земледелию Алексеевский, с удовлетворением сообщил, что «на комитет и его органы на местах возложена вся полнота ответственности не только за подачу воды в хозяйства, как это было до сих пор, но и за ее правильное использование, за всю организацию сельскохозяйственного производства на орошаемых землях». А по частным вопросам и Воловченко настаивал на усиление роли

⁹ См. обо всем этом и по существу об отказе от травопольной системы статьи «Новая угроза сельскому хозяйству. Перед мартовским пленумом ЦК компартии» и «Мартовский пленум ЦК КПСС» в «Социалистическом Вестнике», январь-февраль и март-апрель 1962 года.

органов власти и, например, по вопросу о внедрении достижений науки и передовой практики — на «обязательности к исполнению» в колхозах намечаемых в этой области мероприятий.

Стоит отметить, что и в вопросе о травопольной системе земледелия, борьба против которой еще вчера велась с таким ожесточением, на февральском пленуме зазвучали какие-то полу-примирительные ноты. Опять это был Воловченко: конечно, ЦК правильно «развенчал травопольную систему земледелия», которая «была задумана ее автором как единственная система для всей страны», но —

«Из совершенно правильной критики травопольной системы некоторые работники сделали неверные выводы, ослабили внимание к травосеянию вообще. Кое где даже побаиваются сеять клевер и люцерну: 'А вдруг попадешь в травопольщики'.

Это совершенно неправильно. Отказ от травопольной системы земледелия отнюдь не означает, что вообще не надо сеять травы, где это целесообразно и выгодно».

И еще:

«Необходимо сказать о восстановлении семеноводства трав, особенно люцерны, клевера и лугопастбищных. За последние годы на местах неоправданно перестали заниматься этим делом. А заниматься им надо».

Но Хрущев в своей речи на пленуме был еще чрезвычайно осторожен, а обширное постановление пленума (более полуторы страницы «Правды») просто не коснулось ни одним словом всего этого комплекса вопросов (ни вопроса о границах вмешательства в жизнь колхозов, ни вопроса о травопольной системе земледелия).

Прошло две недели, и тот же Хрущев (на совещании 28-го февраля) уже с большой резкостью говорил о «некоторых местных органах», которые «навязывают колхозам планы сева по культурам, бесцеремонно устанавливают структуру посевных площадей, парализуют деятельность руководителей хозяйств, специалистов, глушат инициативу колхозников». Хрущев подробно цитировал ряд сообщений из разных областей о действительно чудовищных случаях грубого и невежественного вмешательства производственных управлений и партийных органов в хозяйственную деятельность колхозов и сам поставил вопрос:

«Что это, единичные случаи?! К сожалению, нет. И с этим мириться нельзя. Сейчас готовится проект постановления ЦК и Совета Министров, в котором осуждаются администрирование и извращения принятых ранее решений о планировании сельскохозяйственного производства».

Выработка этого постановления потребовала еще трех недель, что заставляет думать, что вокруг него велись на верхах горячие споры; подписано оно было 20-го марта и опубликовано лишь 24-го марта. О напряженной обстановке, в которой оно вырабатывалось, говорит и полемически заостренное название постановления: «О фактах грубых нарушений и извращений в практике планирования колхозного и совхозного производства». И та же полемическая заостренность чувствуется во многих формулировках этого постановления.

Постановление 20-го марта в критике создавшегося положения и в намечаемых им мероприятиях идет гораздо дальше всего того, что говорилось на февральском пленуме или в речи Хрущева 28-го февраля. К сожалению, недостаток места не позволяет мне остановиться на очень ярко показанных в постановлении «грубых нарушениях и извращениях в практике планирования колхозного и совхозного производства». Сосредоточимся на практических выводах постановления:

«1. Осудить, как вредную, тормозящую развитие сельского хозяйства практику шаблонного планирования, бесцеремонного навязывания сверху колхозам и совхозам заданий по размерам посевных площадей, их структуре, поголовью скота и другим производственным показателям. Запретить местным партийным, советским и сельскохозяйственным органам устанавливать для колхозов и совхозов производственные задания по каким-либо показателям, кроме утвержденных государственным планом.

Поручить ЦК компартий союзных республик, крайкомам и обкомам партии, Советам Министров республик, крайисполкомам и облисполкомам привлекать к строгой партийной и государственной ответственности лиц, нарушающих права колхозов и совхозов в планировании производства. Материальный ущерб, понесенный в результате такого нарушения, должен быть возмещен за счет тех, кто толкнул хозяйства на путь убытков.

2. Установить, что набор культур, размеры посевных площадей, поголовье скота, сроки выполнения сельскохозяйственных работ, агротехнические и зоотехнические приемы и мероприятия по внедрению достижений науки и передовой практики определяются, исходя из местных условий, непосредственно в колхозах и совхозах их специалистами и руководителями с широким привлечением к этому делу колхозников и рабочих совхозов».

Это в сущности попытка возвращения к тексту постановления 9-го марта 1955 года, фактически превратившегося в пропавшую грамоту, дополненная установлением материальной ответственности нарушителей прав колхозов. Но в постановлении 20-го марта имеются еще два, принципиально очень важных новшества:

(1) «Если при планировании посевных площадей, урожайности, показателей развития животноводства возникает расхождение между руководителями колхоза, совхоза и руководителями производственного управления, то *последнее слово остается за правлением колхоза, за директором совхоза*. Нельзя навязывать сверху планов посева. Если последнее слово будет за производственным управлением, тогда будет подорвана ответственность колхозных и совхозных кадров за правильное использование земли, выполнение планов производства и продажи государству сельскохозяйственных продуктов».

(2) «Считать утратившим силу пункт пятый постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 9 марта 1955 года 'Об изменении практики планирования сельского хозяйства', которым предоставлялось право райисполкомам рассматривать планы посева по культурам и планы развития животноводства в колхозах и при разногласиях с колхозами возвращать эти планы для пересмотра».

Выше, при анализе постановления 9-го марта 1955 года, отмечалось, что права колхозов самим вырабатывать свои планы сводились на нет (а) необходимостью делать это «совместно с МТС» и (б) предоставлением планов на утверждение райисполкома с правом райисполкома «рекомендовать» колхозам те или другие «необходимые изменения». МТС за истекшие годы вообще сошли со сцены, а теперь упразднено и право райисполкома навязывать колхозам те или иные изменения планов.

В какой степени все это станет действительностью, это другой вопрос, ответ на который будет в значительной мере зависеть от готовности колхозных работников и — шире — колхозного крестьянства отстаивать свои права и бороться за те начатки хозяйственной автономии, которые им «обеспечивает» постановление 20-го марта. Но уже самое появление этого постановления говорит о том, что борьба эта, может быть, не безнадежна.

Авторитаризм сейчас празднует победу. Надолго ли? Жизнь возьмет свое. Борьба против реакционной утопии всевластного государства и всевластной партии, которая будто бы все может, будет продолжаться: **борьба против неизбежно тяготеющего к бюрократическому перерождению авторитаризма — не во имя «малоуправляемости», «неуправляемости» или «самотека», а во имя широкого и активного самоуправления, во имя полного творческих сил автономизма.**

«Социалистический Вестник», март-апрель 1962 г.

С. Ш.

Меняется лицо сельскохозяйственного plenuma ЦК

Состоявшийся в первой половине февраля текущего года расширенный пленум Центрального Комитета компартии во многих отношениях представляет интерес. Пленум был посвящен вопросам интенсификации сельского хозяйства и, на первый взгляд, как бы продолжал начавшую было складываться традицию ежегодных сельскохозяйственных пленумов ЦК, первым из которых был — сейчас уже можно сказать, исторический — декабрьский пленум ЦК 1958 года. Но от своих предшественников, как и вообще от всех происходивших когда бы то ни было пленумов коммунистического ЦК, недавний февральский пленум отличался очень резко. Это вообще только номинально были пленум ЦК. Конечно, и члены ЦК присутствовали на заседаниях пленума вместе со многими сотнями «приглашенных для участия в работе пленума» партийных и советских и — в значительно более скромном числе — колхозных работников. Но в действительности, как мы сейчас увидим, члены ЦК, кроме Хрущева, вообще не играли на пленуме никакой роли, и пленум в основном был авторитетным собранием виднейших работников сельскохозяйственной администрации, конечно, за немногими исключениями коммунистов, но не только не входящих в ЦК, но и вообще стоящих вне партийной иерархии, — собранием, которому партийное руководство как бы передоверило («делегировало») авторитет пленума ЦК.

На собрании выступили три докладчика — министр сельского хозяйства СССР и руководители центральных государственных органов по сельскохозяйственной технике и по орошаемому земледелию — и пятнадцать содокладчиков, по числу советских республик, все 15 — министры сельского хозяйства или министры производства и заготовок сельскохозяйственных продуктов в своих республиках и все, кроме трех, первые заместители (девять) или просто заместители (трое) председателей Советов Министров союзных республик.

Итого 18 докладчиков и содокладчиков; но никто из них не является ни членом ЦК, ни кандидатом в члены ЦК, ни членом Центральной Ревизионной Комиссии КПСС (насчитывающих вместе 395 человек), а 11 из 18 не были даже делегатами последнего (XXII) съезда компартии, число участников которого перевалило за 4.800. И вот что, может быть, даже еще поразительнее. После докладов и содокладов состоялись пре-

ния, во время которых выступили 23 участника пленума и в заключение, как уже повелось, Хрущев (но не докладчики). И из всех 23 выступавших — только 4 члены ЦК (первые секретари ЦК Эстонской компартии, Алтайского и Целинного крайкомов и ЦК комсомола), да и то первые трое выступили в самом конце дебатов, точно кто-то спохватился, что нельзя же проводить пленум ЦК совсем без участия в прениях его членов. Но зато среди остальных 19 участовавших в прениях были 5 академиков, 8 директоров научно-исследовательских институтов и аналогичных учреждений, начальник Главного Среднеазиатского Управления по ирригации и строительству совхозов, 4 директора совхозов и звеньевой по комплексной механизации возделывания картофеля Центральной машиноиспытательной станции (и ни одного председателя колхоза или хотя бы колхозного специалиста сельского хозяйства), — и из всех 19 только один, президент ВАСХИЛ Ольшанский (бывший министр сельского хозяйства СССР), является кандидатом в члены ЦК и только он же и еще шесть участвовали в XXII съезде компартии.

Здесь мы почти наглядно наблюдаем процесс выдвижения на авансцену партийной жизни технической интеллигенции и отодвигания на задний план профессионалов партийной работы. Это закономерный процесс, подготовленный всем новейшим развитием компартии,¹ но, признаюсь, размах этого развития, как он выяснился на пленуме, был для меня неожиданным. Может также показаться неожиданным, что этот сдвиг нашел свое выражение прежде всего в жизни сельскохозяйственной технической интеллигенции, а не промышленной, занимающей, казалось бы, гораздо более выдающееся положение. Вероятно, это почти внезапное продвижение верхнего слоя сельскохозяйственной интеллигенции связано с особенно трудным положением сельского хозяйства, требующим принятия каких-то новых мер, становящихся явно не по плечу профессиональной партийной бюрократии.

И еще одна черта сказалась при этом с большой отчетливостью. Это относительная молодость выдвигающегося сейчас нового слоя, еще не оказывающего большого влияния в чисто политических делах, но уже очень влиятельного в одной из важнейших областей социально-экономической жизни страны. Остановимся на выступавших на пленуме 18 докладчиках и содокладчиках. Только один из них — украинский министр сельского хозяйства Спивак — родился еще в 1902 году и после продолжительной и успешной партийной карьеры стал в 1952 году украинским министром сельского хозяйства. Но уже министр сельского хозяйства СССР Воловченко родился в 1917 году; крестьянский сын, ставший агрономом, он лишь в 1946 году,

¹ См. статью «К социологии компартии» в № 1/2 «Социалистического Вестника» за прошлый год.

после военной службы, записался в компартию, и работал все время в качестве совхозного агронома, за исключением короткого периода в 1949-1950 годах, когда он был заведующим сельхозотдела райкома; с 1951 года он директор совхоза вплоть до назначения его в марте 1963 года министром сельского хозяйства СССР. Остальные 16 докладчиков и содокладчиков, по-видимому, и еще моложе. Ни о ком из них нет данных в «Ежегоднике БСЭ», в котором с 1958 года заведен очень обширный биографический отдел со множеством кратких биографических справок (о Воловченко биографическая справка появилась в «Ежегоднике, 1963»). В очень обширном биографическом справочнике, посвященном Советскому Союзу, выпущенном в 1962 году известной международной издательской фирмой, специализировавшейся на издании биографических справочников, имеются скучные данные о шести из этих лиц, но только для одного из них приводится год рождения (1920) и о всех шести сообщаются данные об их карьере лишь с середины пятидесятых годов.

Это, конечно, не люди младшего, это люди среднего поколения советских работников, только юность, а частью только детство которых прошли под душевным гнетом, царившим в годы большой чистки, и последние предвоенные годы, и которое окончательно сложилось уже в годы войны, а то и после войны. Несколько сторонясь политики в собственном смысле слова, они упорно работали — каждый в своей области — и дождались времени, когда не партийно-политическая бойкость, а специальные знания, опыт и преданность своему делу в какой-то мере открывают путь к социальному подъему. Правда, и сейчас еще эти люди очень оглядываются на коммунистическое начальство и чувство независимости у них еще только в зародыше. Но они знают себе цену и знают, что время работает на них, а иные, может быть, уже понимают, что время еще энергичнее работает на тех, кто придет завтра и кто будет смелее и независимее их.

*

Усиление авторитета и влияния сельскохозяйственной технической интеллигенции это наиболее бросающаяся в глаза черта февральского расширенного пленума ЦК. И это несомненно положительная черта. Но в этом развитии есть и оборотная сторона медали. Когда в декабре 1958 года впервые собрался расширенный пленум ЦК, посвященный вопросам сельского хозяйства, с участием очень большого числа не только партийных и советских, но и колхозных работников с пространными, изо дня в день, сообщениями в печати о работе пленума, — это было событием в советской общественной жизни. Пленум заслушал обширный доклад Хрущева «об итогах развития сельского хозяйства за последние пять лет и задачах дальнейшего увеличения производства сельскохозяйственных продуктов». Читатели, вероятно, помнят, что эти пять лет, после знаменитого сентябрьского пленума ЦК 1953 года, действительно были пе-

риодом значительного подъема советского сельского хозяйства. После доклада Хрущева развернулись широкие и относительно свободные прения, в которых участвовали главным образом члены ЦК (35 членов и кандидатов в члены ЦК и кроме того 1 член Центральной Ревизионной Комиссии), но и 29 не-членов ЦК — партийных и советских работников, ученых, работников совхозов и колхозов, последних 10 человек, в том числе 7 председателей колхозов. В качестве центрального вопроса сельскохозяйственной политики выдвинулся при этом вопрос об организации колхозами на кооперативных началах использования и ремонта сельскохозяйственной техники. Вопрос этот встал в стране очень остро, ввиду ликвидации в течение 1958 года Машинно-Тракторных Станций (МТС) с передачей сельскохозяйственной техники колхозам и явной неудачи Ремонтно-Технических Станций (РТС), пришедших на смену МТС в качестве органов «руководства» колхозами. Но поразительно, что об этой колхозно-кооперативной теме и в связи с нею о колхозных объединениях вообще энергично и положительно говорил Хрущев, правда, явно избегая ставшего популярным термина «межколхозные объединения» и говоря лишь о «межколхозных производственных связях», и Хрущева поддержали 1-ые секретари украинской и армянской компартий и секретарь Читинского обкома; но никто из выступавших на пленуме представителей колхозов, судя по отчетам «Правды», не решился коснуться этой острой темы.²

В декабре 1959 года вновь собрался расширенный сельскохозяйственный пленум ЦК. На этот раз Хрущев вместо доклада выступил с большой речью после прений, а с докладами выступили председатель Совета Министров РСФСР и первые секретари коммунистических ЦК шести союзных республик (Украины, Казахстана, Белоруссии, Узбекистана, Таджикистана и Азербайджана), и в общем пленум сохранял тот же характер, который отличал декабрьский пленум предыдущего года. И опять в центре внимания оказался вопрос о межколхозных объединениях и о передаче колхозам некоторых функций РТС. В первые два дня пленума докладчики говорили об этом очень положительно. Но за кулисами происходила какая-то напряженная борьба. И на третий день пленума обстановка резко переменилась и интерес к колхозно-кооперативной теме увял. Это нашло свое выражение и в речи Хрущева в конце пленума и в принятом пленумом обширном постановлении.³

² См. статью «На аграрном фронте. Декабрьский пленум ЦК КПСС» в № 1 «Социалистического Вестника» за 1959 год.

³ См. статью «На сельскохозяйственные темы. Декабрьский пленум ЦК КПСС» в № 1 «Социалистического Вестника» за 1960 год.

Но идея ежегодных расширенных сельскохозяйственных пленумов еще продолжала жить. В своей речи на пленуме в декабре 1959 года Хрущев даже заявил, что «мы посоветуемся в Президиуме ЦК и, может быть, для подведения итогов развития сельского хозяйства за второй год семилетки соберем специальный пленум в декабре 1960 года». Такой пленум действительно был даже уже назначен на 13 декабря, но за три дня до предположенного его открытия он был перенесен на январь (даже без указывая точной даты его созыва), и **третий расширенный сельскохозяйственный пленум ЦК** открылся 10-го января 1961 года.

В течение всего 1960 года вопрос о межколхозных объединениях широко обсуждался в колхозных и в партийных кругах, что нашло свое выражение во множестве сообщений в печати. К концу года казалось, что идея межколхозных объединений и даже их союзов побеждает. Но уже первые дни январского пленума показали, что закулисная борьба вокруг этой идеи продолжается с возрастающей остротой и с переменным успехом. В качестве докладчиков на январском пленуме 1961 года выступили председатель Совета Министров РСФСР Полянский и первые секретари ЦК остальных 14 союзных республик. Три докладчика, выступившие в первый день пленума, ни одним словом не обмолвились о межколхозных объединениях (а ведь от РСФСР и Украины выступали, как и годом раньше, Полянский и Подгорный, в прошлый раз горячо ратовавшие за межколхозные объединения). Но на следующий день дальнейшие докладчики с симпатией говорили о межколхозных объединениях и положительное отношение к ним продолжало чувствоваться на пленуме вплоть до речи Хрущева, когда все опять переменилось: в своей речи по окончании прений Хрущев просто обошел молчанием вопрос о межколхозных объединениях и даже о межколхозных производственных связях и соответственно было выдержано и принятное пленумом пространное постановление.⁴ Это не предвещало благоприятного дальнейшего развития.

Расширенные сельскохозяйственные пленумы ЦК, как они созывались начиная с декабря 1958 года, задуманы были как какое-то общественное событие, которое должно усилить в широких общественных кругах интерес к вопросам развития сельского хозяйства и стимулировать общественную активность в колхозах. Но никто не решился открыто поставить вопрос о превращении колхозов в организацию действительного крестьянского хозяйственного самоуправления, ни даже о предоставлении колхозам возможности постепенно развиваться в этом направлении. И, вероятно, только невозможностью постановки об-

⁴ См. статьи «Перед пленумом ЦК», «Бег на месте» и «Зигзаги сельскохозяйственной политики» в №№ 1, 2/3 и 4 «Социалистического Вестника» за 1961 год.

щего вопроса о демократической эволюции колхозов и объясняется тот факт, что вопрос о межколхозных объединениях приобрел в эти годы такое большое значение и отношение к идею межколхозных объединений стало как бы лакмусовой бумажкой, определяющей отношение к внесению элементов демократизма в колхозную жизнь.

Партийное руководство долго колебалось в этом вопросе, но зачатки «весенних» настроений вскоре выветрились, и одновременно и интерес в руководящих коммунистических кругах к своеобразной общественной трибуне, каким-то суррогатом которой явились расширенные сельскохозяйственные пленумы ЦК, видимо, начал блекнуть.

Сначала, правда, как-то само собой принималось, что в декабре/январе 1961/1962 года будет создан новый расширенный сельскохозяйственный пленум ЦК по образцу трех пленумов 1958/61 годов, но к концу 1961 года мысль о созыве такого пленума для обсуждения итогов 1961 года и задач и перспектив развития сельского хозяйства в 1962 году была молчаливо оставлена. Вместо того 2-го ноября 1961 года, непосредственно после окончания XXII съезда компартии состоялось «совещание»⁵ делегатов съезда, в какой-либо степени связанных с сельским хозяйством, и Хрущев прочитал здесь обширный доклад о состоянии сельского хозяйства и об очередных задачах сельскохозяйственной политики, доклад, даже основное содержание которого осталось широкой публике неизвестным и который был опубликован лишь двумя годами позже в шестом томе Хрущевского семитомника «Строительство коммунизма в СССР и развитие сельского хозяйства». О созыве расширенного пленума по ставшему уже привычным типу, после этого уже не было и речи, и только в марте 1962 года состоялся четвертый расширенный сельскохозяйственный пленум ЦК, но уже в более узком составе, с привлечением к участию в пленуме, кроме членов ЦК и ЦРК, главным образом руководящих сельским хозяйством партработников и руководящих работников связанных с сельским хозяйством ведомств, но без привлечения к участию в пленуме работников совхозов и колхозов. Как и в декабре 1958 года, пленум открылся докладом Хрущева. Но задачей пленума было не обсуждение итогов и ближайших перспектив развития сельского хозяйства, а обсуждение «Современного этапа коммунистического строительства и задач партии по улучшению руководства сельским хозяйством». Об этом уже шла речь выше. Это только по внешности было полу-продолжение практики расширенных пленумов 1958-1961 годов. В действительности с этой

⁵ Совещанием это собрание можно назвать разве лишь условно: на собрании был заслушан обширный доклад Хрущева, но никакого обмена мнений за этим не последовало.

практикой было покончено. Кстати сказать, о межколхозных объединениях на этом пленуме уже даже не вспоминали.⁶

После этого ни в декабре 1962 года, ни в январе или марта 1963 года о расширенном сельскохозяйственном пленуме уже не было и речи, и только почти через два года, в **феврале 1964 года**, вновь состоялся — **пятый** по счету — расширенный сельскохозяйственный пленум ЦК, только по внешности — по огромному количеству приглашенных к участию в нем лиц, особенно специалистов сельского хозяйства, но и «председателей некоторых колхозов и директоров совхозов» и «передовиков сельского хозяйства» — напоминавший первые расширенные сельскохозяйственные пленумы ЦК. Но это было только внешнее сходство. Темой пленума была «Интенсификация сельскохозяйственного производства на основе широкого применения удобрений, развития орошения, комплексной механизации и внедрения достижений науки и передового опыта для быстрейшего увеличения производства сельскохозяйственной продукции», и, как показано выше, активную роль на пленуме играли почти исключительно специалисты сельского хозяйства, занимающие руководящие посты в административных сельскохозяйственных органах и в научных сельскохозяйственных учреждениях. И, на-против, почти никакой роли не играли на пленуме основные партийные кадры, связанные с сельским хозяйством, и партийное руководство вообще, не исключая и почти всей массы членов ЦК.

Это со стороны партийного руководства было невольным и молчаливым признанием его неспособности справиться собственными силами с вставшими перед них трудностями и вывести советское сельское хозяйство из его тяжелого состояния — топтания вот уже в течение пяти лет на месте, несмотря на значительное увеличение за эти годы сельскохозяйственной техники, рост механизаторских кадров, значительное увеличение производства минеральных удобрений, расширение посевных площадей, увеличение капиталовложений. В начале этого пятилетия в руководящих коммунистических кругах еще робко теплилась мысль о необходимости искать выхода из трудностей на путях какого-то смягчения авторитарного характера всей системы управления сельским хозяйством и апелляции к общественной активности и к творческой энергии сельского населения. Это нашло свое выражение в решении об изменении планирования сельского хозяйства и отсюда же родилась мысль о расширенных сельскохозяйственных пленумах ЦК и колебания в вопросе о межколхозных объединениях. Но коммунистическое

⁶ См. статьи «Новая угроза советскому сельскому хозяйству» и «Мартовский пленум ЦК КПСС» в №№ 1/2 и 3/4 «Социалистического Вестника» за 1962 год.

руководство вскоре испугалось собственной смелости. Последний — пятый — расширенный сельскохозяйственный пленум был попыткой обеспечить возможность успешного продолжения авторитарной сельскохозяйственной политики, опираясь на сельскохозяйственную техническую интеллигенцию и сохраняя в неприкосновенности систему организованного недоверия к широким массам сельского трудящегося населения. Но в среде коммунистического руководства царит какая-то тревожная неуверенность в возможности подъема на этих путях сельского хозяйства. Не прошло и двух недель после окончания пленума и президиум ЦК созвал (на 28-ое февраля) новое «совещание руководящих работников партийных, советских и сельскохозяйственных органов», — по сообщению московских корреспондентов иностранной печати, около 700 человек, — фактически что-то близкое к расширенному пленуму ЦК с преобладанием на этот раз партийных работников, на которых лежит в центре и на местах руководство сельским хозяйством.⁷ 7-го марта был опубликован большой доклад, прочитанный Хрущевым на этом совещании, в котором Хрущев попытался отстоять какие-то скромные организационные корректизы к господствующей политике и немного смягчить ее антиколхозный характер. Но эта тема уже выходит за рамки этой статьи и трактуется в этом сборнике в другом месте.

⁷ Возможно, что созыв этого совещания был вызван желанием ослабить возникшее в некоторых партийных кругах недовольство характером недавнего расширенного пленума ЦК, в работах которого, как мы видели, «партия» фактически почти не участвовала. — Повидимому, — судя по суммарному отчету в «Правде» от 29-го февраля, — и это «совещание» ограничилось заслушанием доклада Хрущева и никакого обсуждения доклада на «совещании» не было.

М. ВИШНЯК

Новая идея Хрущева — «общенародное государство»

Н. С. Хрущев тароват на выдумки. Он доказал это всем своим прошлым, еще со сталинских времен начиная. Достаточно напомнить, как он ратовал за укрупнение колхозов и создание агрогородов; за кукурузу; за целинные земли; за отказ от травосеяния; за введение укрупненных совнархозов; за разделение управления советской экономикой на два сектора — промышленности и сельского хозяйства; за организацию управления экономикой на производственно-территориальной базе (вместо территориальной); а теперь ратует за «большую химию» или «химизацию», которой предстоит исправить все ошибки и недочеты советской сельско-хозяйственной политики в прошлом.

С ростом политического влияния прожектерство в экономической области перестало удовлетворять первого секретаря коммунистической партии, главу советского правительства. Появились более общие и универсальные идеи. С 14 февраля 1956 г. его *idée fixe*, к которой он возвращается при всяком удобном и неудобном случае, стало «мирное сосуществование» стран с разными социальными системами — капиталистическими и социалистическими. А пять с половиной лет спустя, на XXII съезде партии, Хрущев, а за ним вся советская печать, выдвинула и стала пропагандировать и другую идею — «общенародное государство»,* которое, судя по новой Программе партии, не то уже пришло, не то придет на смену «пролетарской диктатуре» в Советском Союзе.

Проф. Филип Мозли считает, что «мирное сосуществование» и «общенародное государство» представляют два «излюбленных Хрущевым вклада в коммунистическую теорию и советскую политику». Не подлежит сомнению, что обе эти идеи являются главными мишенями в обстреле, которому китайская коммунистическая партия подвергла советского собрата. Теперь совето-китайский конфликт осложнился личными нападками, и органы китайского Ц. К. партии «Хун-Ци» (подобие советского «Коммуниста») и «Жэньминь-жибао» (подобие московской «Правды») называют Хрущева «более опасным врагом коммунистического единства, нежели такие мятежники, как югославский Тито и Лев Троцкий», — на что Хрущев выдвинул встречное обвинение против китайских «новоиспеченных троцкистов», «раскольников» и «ревизионистов».

* Новая программа употребляет термин «общенародное государство» одновременно с — «всенародным государством». Фактически установленось первое выражение.

Но в документе, с которого началось обострение конфликта, в «Открытом письме» Пекина Москве от 14 июня 1963 г. шел идеологический спор: о «некоторых лицах в международном коммунистическом движении» без того, чтобы их назвать по имени и заклеймить, было лишь сказано, что «они обслуживаются нужды империализма и создают новую 'теорию'». Эту взятую в кавычки «теорию» письмо сводит к гому, что Москва односторонне суживает революционное движение до мирного сосуществования стран с различными социальными системами и одновременно — возвещает, что диктатура пролетариата больше не необходима и ее должно заменять «общенародное государство».

О превращении советского государства пролетарской диктатуры в государство общенародное возвещено было на XXII съезде КПСС в октябре 1961 г. в речи Хрущева и официально закреплено в новой Программе, утвержденной съездом. Обосновано оно было, конечно, ссылками на Маркса-Энгельса-Ленина. Применительно к новому лозунгупущены были в оборот и специальные термины и выражения, которые с утомительным однообразием стали повторяться в бесчисленном множестве статей, посвященных «общенародному государству с общенародным правом» или «социалистическому общенародному государству» в советских общих и юридических изданиях. Не только «Советское Государство и Право» пишет об общенародном государстве почти в каждой книжке журнала, а то и по 2-3 статьи в книжке, но и «Коммунист», «Партийная Жизнь» и т. д. Только тема о «мирном сосуществовании» может соперничать по вниманию, которое уделяет советская печать «общенародному государству». И, будучи в чести, оно наделяется всеми атрибутами совершенства: «Новый высший тип в развитии социалистической государственности», «выразитель интересов и воли всего народа», «привлекает весь народ к управлению делами общества», формирует «элементы общественного коммунистического управления», представляет собой «государство единства и равенства» и т. д. и т. д.

«Общенародное государство» — в общей линии коммунистической идеологии и пропаганды, обычно связывающих судьбы социализма с судьбами государства. Какова будет судьба государства при торжестве социализма? На этот вопрос не было однозначного ответа. Маркс, Энгельс, и Ленин с его сподвижниками в разное время давали разные, а порой и далеко расходящиеся ответы. Одно не вызывало разномыслий и было несомненно: государству, аппарату насилия и эксплуатации, предстоит «отмереть»; но при каких условиях — сразу или постепенно «отмереть» — оставалось спорным. И это не очень тревожило социалистических идеологов, пока упразднение государ-

ства не стояло на повестке дня, а оставалось «музыкой будущего».

Для коммунистов во всем мире основоположной по этому вопросу стала книга Ленина «Государство и Революция», написанная накануне октябрьского переворота в августе-сентябре 1917 г. в Финляндии. Вся она пронизана крайним недоверием и отрицательным отношением ко «всякому государству», как «организованному, систематическому насилию над людьми». Ленин подчеркивал: «Всякое государство **не-свободно и не-народно**», но судьбы государства различны в зависимости от его формы. Буржуазная демократия, пережиток феодализма и выдумка буржуазии, «у-н-и-ч-т-о-ж-а-е-т-с-я пролетариатом в революции», заверял Ленин типографской разрядкой, тогда как «пролетарское государство или полугосударство отмирает», превращается в «чечто такое, что уже не есть собственно государство» («Сочинения». Изд. 4-ое. Т. 25 стр. 369, 370 и 391). Что станет на место того, что «уже не есть собственно государство», Ленин в положительной форме не указал.

Так думал и писал он **до** того, как государственным аппаратом в России овладела его партия. Когда это случилось, демократическое государство, действительно, в значительной степени было «уничтожено». Однако воцарившаяся «диктатура пролетариата» и провозглашение России социалистической республикой и «родиной социализма» никак не сопровождались отмиранием «государства» или превращением его в «полугосударство». Наоборот, чем дальше во времени, тем сильнее крепло советское государство, как государство, пока, не превратилось по своей напряженности в **сверх-государство** внутри и вовне. Началось это при Ленине, в пору военного коммунизма, а при Сталине, с его ускоренной индустриализацией и сплошной насилиственной коллективизацией, превзошло все бывшие в то время тоталитарные режимы. Под главенством коммунистической партии государство стало в России главнейшим, а во многих отношениях и единственным фактором, определяющим всю жизнь страны, материальную и духовную.

Параллельно с фактическим усилением роли государства, произошла перемена и в коммунистической идеологии: государство — советское, конечно, — приобретало всё более положительную оценку и оправдание на всё более длительный исторический период. У тех же Маркса-Энгельса-Ленина найдены были подходящие цитаты. Эти разные позиции, одинаково опирающиеся на авторитет первоучителей, отчетливо проявились в новейшем конфликте между коммунизмами Москвы и Пекина. Предваряя последующее изложение, скажу, что и в вопросе об общенародном государстве, как и в споре относительно «мирного существования», историческая правда на стороне Пекина, а не Москвы, пытающейся истолковать Ленина и «ленинизм» 1917-1922 гг. соответственно нуждам Хрущева 1961-63 гг.

В «Открытом письме», которое Ц. К. китайской коммунистической партии послал 14 июня прошлого года Москве, говорилось: «основной мыслью Маркса и Ленина было, что постоянное существование диктатуры пролетариата неизбежно на протяжении целого исторического периода, отделяющего капитализм от коммунизма, то есть вплоть до устранения всех классовых различий и вступления в общество без классов, вплоть до вступления в высшую фазу коммунистического общества». Москва ответила, что это «догматический, левооппортунистический подход, противоположный марксизму». Тут же пояснялось, что «догматик отгораживается от жизни частоколом цитат, он не хочет изучать действительность». Другое дело — «творческий подход» марксиста, осмысливающего происходящие процессы изменения. И «отгораживаясь» от китайского догматизма, Москва «воздвигает свой «частокол цитат» — «многие черты эволюции социалистического государства были предсказаны в работах Маркса, Энгельса и Ленина» («Коммунист» № 13 за 1963 г. Стр. 23).

В этом схоластическом споре немалую пользу принесло советским авторам ленинское различие «полугосударства» и «государства в собственном смысле слова». Не меньше помогло советским схоластикам и то, что Ленин, как и его первоучители, то отождествлял социализм с коммунизмом, то различал их, признавая социализм «не полным коммунизмом» (Ленин), «первой ступенью» или этапом на пути к коммунизму. Опираясь на слова Маркса: «между капиталистическим и социалистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе», Ленин, а за ним его последователи стали различать две «фазы» или «ступени» в переходе к коммунизму: предварительную — к социализму и — последующую — к коммунизму, «экономически вполне зрелому, вполне свободному от традиций или следов социализма» (Ленин. Там же, стр. 442).

Какова бы ни была теоретическая ценность подобного расчленения социализма на две фазы, политически оно чрезвычайно устраивало большевиков. С утверждением «пролетарской диктатуры» Россия превратилась в «Российскую Советскую Федеративную Социалистическую Республику» (РСФСР), а позднее — в «Союз Советских Социалистических Республик» (СССР). И с 1934 года на каждом съезде партии подтверждалось с энтузиазмом, что в России социализм «победил полностью и окончательно».

Между тем реальная советская действительность не при Ленине-Сталине только, а и сейчас и отдаленным образом не приближается к тому, чем представлялся социализм в течение столетия социалистам всего мира и даже наиболее честным, погибшим от руки Сталина, большевикам-коммунистам. Если исчезла эксплуатация трудящихся частным капиталом, ей на смену пришло использование прибавочного труда трудящихся государст-

вом при материальном положении трудящихся в городе и деревне далеком от положения трудящихся в странах развитого капитализма.

Советская пропаганда это отрицает, скрывает от подвластных и, по возможности, от внешнего мира. Но про себя коммунисты это отлично знают и потому социализм, деградированный при Ленине-Сталине-Хрущеве, переключился на «вторую fazu», на «развернутый коммунизм». Сейчас трудно, плохо, но в будущем «жить станет легче, жить станет веселей» — этот рефрен сталинских времен звучит и во всех речах Хрущева.

Проделать эту идеологическую операцию было не так легко. Это можно видеть по усилиям, к которым вынуждается сейчас прибегать Москва, чтобы отстоять свою позицию против «немарксистской позиции» Пекина, согласно которой «социализм не первая фаза новой формации (общества), утверждающаяся после переходного периода, а сам переходный период, ведущий от капитализма к коммунизму».

Не будем углубляться в этот средневекового типа спор о «всём переходном периоде от капитализма к коммунизму», как утверждает «Женьминьжибао», и не всём переходном периоде, а всего лишь «первой фазе» (перехода), как полагает советский «Коммунист». Гораздо существеннее признание Москвы, что диктатура пролетариата в Советском Союзе пережила себя: «выполнила свою историческую миссию и с точки зрения задач внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР»; так говорится в новой Программе КПСС. «Государство, которое возникло как государство диктатуры пролетариата, превратилось в общенародное государство».

Доказывая это, почти все авторы повторяют друг друга, пользуясь не только теми немногими мыслями, которые высказал Хрущев, выдвинув «новую идею» на последнем съезде партии, но и его словами и выражениями. Нет статьи, которая, говоря об общенародном государстве, не оперировала бы «переустройством диктатуры», «окончательной победой социализма», «строительством социализма», «развернутым», «всесторонним строительством», «поголовным вовлечением трудящихся в управление делами государства», «все станут государственными деятелями» и т. п.

Расхождение выражается в **количестве периодов**, на которые советский историк, философ, юрист или экономист, «вооруженный» марксизмом-ленинизмом, делит советскую историю, 1917-ым годом начиная и бесконечным будущим кончая. Каждый автор на свой лад определяет, когда кончилась — или кончиться — «диктатура пролетариата с подавлением сопротивления эксплуататорских классов (или их остатков)» и когда взойдет, если еще не взошла, заря плenительного **«общенародного государства»**, несущего «развернутое строительство коммунизма».

Одни довольствуются двумя периодами, другие тремя, а мало кому известный проф. Фукс идет и дальше. Установив три «этапа»: диктатура — с октября 1917 г. до середины 30-ых годов; «перерастание диктатуры в общенародное государство» с 30-ых до конца 50-ых годов; и самое «общенародное государство», конец коему не предусмотрен, — проф. Фукс наметил в первых двух «этапах» свои семь «периодов» («Сов. Государство и Право», 1963 г., № 10).

Главный редактор «Советского Государства и Права» А. И. Лепешкин высказывает общее замечание: «Общенародное государство и государство пролетарской диктатуры это — однотипные государства, они представляют собою лишь разные этапы в развитии единого исторического типа — социалистического государства». Приведя экономические, социальные и политические основания, характеризующие «однотипность» того и другого государства, автор заключает: «было бы глубоко ошибочным противопоставлять общенародное государство государству пролетарской диктатуры ... Общенародное государство — не есть новый тип социалистического государства, а является новой, более высокой ступенью развития социалистического государства, как нового, в сравнении с буржуазным государством, исторического типа государства» («Сов. Государство и Право», 1962 г., № 9).

По словам Лепешкина, отмененная XXII съездом партии «диктатура пролетариата имела целью привлечение всего народа к участию в делах государства». Однако «практического осуществления» эта благая цель не получила, по признанию того же автора. Почему? Потому что и на 47-ом году существования «социалистическое» государство не достигло еще «более высокого этапа развития демократии». Так можно утешать себя и других, но вряд ли можно объяснить и оправдать.

Можно с симпатией отнестись к тому, что коммунисты сами сейчас, видимо, испытывают чувство какого-то конфуза от своего былого прославления диктатуры, и приветствовать их желание отделаться от нее и выкинуть из программы. Но у Хрущева и К-о либо не хватило мужества, либо они оказались бессильны порвать полностью с диктатурой — даже идеологически, не то что политически. Поэтому они то и дело оправдывают благодения диктатуры пролетариата ссылкой на ее необходимость в прошлом и соблазняют идиллическим будущим.

Доводы Хрущева в пользу его новой идеи малоубедительны, потому что их сковывает прошлое, которому тоже приписывали благороднейшие цели. Тот же Лепешкин, пропагандируя общенародное государство, как усовершенствованный метод «воспитания, убеждения и организации масс со стороны государства», компрометирует свои доводы фальшивой справкой, будто и для предшествующего общенародному государству, «для государст-

ва диктатуры пролетариата метод принуждения являлся не основным, а подчиненным главному методу — методу убеждения».

Включив в свою Программу и пропаганду «общенародное государство», коммунисты зашли в тупик не только в этом пункте. И вопрос о классах в монолитном общенародном государстве, — могут ли в нем существовать классы, — тоже получил невразумительное разрешение. Раньше было ясно: нет государства без классов: где государство, — не может не быть классов; а где классы, там неизбежна и классовая борьба. Ленин положил начало путанице своим различием между государством и «полугосударством» или «государством в собственном смысле» и тем, «что уже не есть собственно государство».

Нынешние апологеты общенародного государства готовы признать, что раньше в Советской России, хоть она и превратилась в «социалистическую», сохранились «антагонистические классы — в виде нэпманов и частно-капиталистических элементов в городе и кулачества в деревне». Совсем другое дело теперь. По слову Хрущева на последнем съезде, «социализм победил в нашей стране полностью и окончательно (подчеркнуто Хрущевым), и мы вступили в период развернутого строительства коммунизма». Соответственно, советское государство теперь «из орудия классового господства становится органом выражения народной воли».

Так что же — Советский Союз превратился в бесклассовое общество — классы исчезли? Нет! Классы, оказывается, продолжают существовать и в «период развернутого строительства коммунизма», но не обычные, «антагонистические», какими им полагалось быть, а «дружественные». Это те же самые классы — рабочие, крестьяне и трудовая интеллигенция, — которые насчитывались коммунистами и раньше, во время расцвета диктатуры пролетариата, до и после истребления нэпманов и кулачков, когда об «общенародном государстве» никто еще и не заскался. Что же нового внесло последнее?

«Коммунист» авторитетно разъясняет, что классы могут существовать, как они существуют в СССР, но без классовой борьбы. А проф. Александров для согласования классовой борьбы с общенародным государством, как будто ее исключающим, вводит новое понятие — «общей классовой воли», которой предстоит борьба лишь с «отголосками (былой) классовой борьбы», с «пережитками капитализма в сознании и поведении отдельных людей».

И другой вопрос остается без ответа.

Раз в общенародном государстве имеются лишь «дружественные классы» с «общей классовой волей» и власть признается принадлежащей не господствующему классу, пролетариату, а «всему советскому народу», для чего по прежнему сохраняется всемогущество единой партии, как и в предшеству-

ющие 47 лет диктатуры? Если партийный надзор и контроль по прежнему распространяются на все стороны жизни от политики и экономики до биологии и живописи, какие основания утверждать, что с вступлением в «период развернутого строительства коммунизма» создается «политическая ассоциация всего народа, осуществляющего свой суверенитет в полном объеме и без всяких ограничений»?

Впрочем, тут же, точно для того, чтобы рассеять приятное удивление, которое вызывают эти строки, почти буквально воспроизведенные «Общественный Договор» Руссо (Кн. 1, гл. VI), главный редактор «Советского Государства и Права» прибавляет: «Советское социалистическое государство по своей сущности всегда было (подчеркнуто мною! — М. В.) и является теперь государством трудящихся и для трудящихся». Неограниченный суверенитет «всего народа» здесь исчез, уступив место тем самым «трудящимся», которые фигурировали в советской пропаганде в течение всех десятилетий диктатуры. Что же изменилось с появлением «общенародного государства»?

* * *

Если бы отказ от диктатуры пролетариата был бы искренним и действенным отказом от былого, это было бы фактом огромного значения, положительным и отрадным, чем бы отказ ни мотивировали политически и обосновывали идеологически. К сожалению, опыт советского прошлого убеждает, что не раз практиковавшееся коммунистической партией изменение во фразеологии ее пропаганды и идеологии никак не свидетельствует об изменении и политической реальности в Советском Союзе.

Было время, когда советская власть считала одной из отличительных черт своего колlettivистического строя небывалую нигде в мире «Декларацию прав трудящегося и эксплуатируемого народа». Провозглашенная большевиками впервые в заседании Всероссийского Учредительного Собрания, эта Декларация коллективных, а не индивидуальных прав, была признана 10 июля 1918 г., вместе с первой советской конституцией; «единственным основным законом Советской Федеративной Социалистической Республики».

В сохраняющей по сей день силу, так называемой, Сталинской конституции от 5 декабря 1936 г. Декларации коллективных прав уже нет. Зато имеется глава X с 16 статьями, посвященными «Основным правам и обязанностям граждан»-индивидуов. Эта конституция фразеологически радикально отличается от конституции 1918 г. — и не только в этом пункте — и бесспорно к лучшему. А фактически или практически какое это имело значение? Решительно никакого! Достаточно напомнить, что год издания новой, Сталинской конституции и признания «основных прав граждан» совпал с началом самого свирепого разгула террора, показательными процессами, пытками, массовыми казнями и т. д.

Сказанное об индивидуальных правах имеет и более общее значение. При Ленине и в первые годы после него демократия, не только реально бывшая, но и как идея, считалась выдумкой буржуазии, методом эксплуатации трудящихся, а парламентаризм отождествлялся с «креминизмом». Конституция 1936 г., утверждая в одних статьях «диктатуру пролетариата» (ст. 2, 126 и др.), в то же время исторически, политически и **формально** реабилитировала основные начала демократии и даже некоторые предпосылки к парламентаризму: всеобщее, равное, прямое и закрытое голосование, подотчетность и ответственность всех властей перед избранными всеобщим голосованием учреждениями, и проч. (ст. 32, 39, 56, 135, 136, 139, 140 и др.).

Демократия в Советском Союзе была признана, конечно, непохожей на демократию в других странах, а «советской», «социалистической», «самой совершенной в мире». Тем не менее внутреннее противоречие с диктатурой было столь кричащим, что не могло быть скрыто и от коммунистического «общественного мнения». И понадобилась ловкость и бесцеремонность самого Андрея Вышинского, чтобы заявить: «пролетарская диктатура исключает буржуазную демократию, но она не только совместима, но фактически невозможна без подлинной демократии». Это стало официальной версией, вошедшей прочно не только в арсенал коммунистической пропаганды, но и в положительное советское «право». С того времени диктатура и демократия стали мирно «существовать» в советской фразеологии.

Не будем задавать безответного вопроса: если пролетарская диктатура на самом деле «невозможна без подлинной пролетарской демократии», как в таком случае первая была возможна почти 20 лет, с 1917 по 1936 г.? Что диктатура существовала в течение десятилетий без того, чтобы о демократии даже заикнулись, — факт неопровергимый. Теперь решились устраниТЬ очевидное противоречие и отказаться от «диктатуры пролетариата»: благозвучная для советского уха в «социалистическую» пору, она перестала ею быть при «развернутом строительстве коммунизма».

Об общенародном государстве, как и о мирном сосуществовании, можно сказать, что обе идеи благотворны, но далеко не новы. Обе они — основа и задание демократии: предполагают самоуправление коллектива — народа и государства — и обеспечение прав индивида на свободу мысли, верований, творчества и личную неприкосновенность от посягательства государства и, тем более, партии. Что мирное сосуществование в коммунистических устах — орудие пропаганды и внутренне фальшиво, следует из того, что Хрущев и другие, рекламируя мирное сосуществование на словах, на деле всячески его саботируют, исключая из него мирное сосуществование идей. Для монолитного и тоталитарного государства это вполне логично и естественно.

венно. Но мирное сосуществование народов и государств не-мыслимо и неосуществимо, если в корне отвергается сосуществование одного из элементов государственной жизни — идей.

Немыслима и неосуществима демократия и без народного волеизъявления, — без того, чтобы народ принимал активное и решающее участие в управлении, чтобы государство стало «всеноародным». Это — самоочевидно и включено в самое понятие и слово «демократия», «общеноародное государство». И только не считаясь ни с логикой, ни с элементарными основами государствоведения, могли советские новаторы надумать такое маловразумительное обозначение как «народная демократия». Точно возможно демократия — не на словах только — не-народная!

«Народной демократией» коммунисты обозначили строй, который возник при ближайшем содействии советского правительства и который был политически родственен строю, существовавшему в СССР, но не вполне. «Народная демократия» это не «буржуазная демократия», но и не «социалистическая». Это наименование было дано после 2-ой мировой войны политическому строю Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и др.

Если говорить о советском строе при Хрущеве, можно сказать: это никакая не демократия — ни буржуазная, ни социалистическая, ни «народная». Это своеобразная форма абсолютизма, в котором роль былого единодержавного властителя выполняет партия, захватившая власть 47 лет назад и продолжающая бездоказательно уверять, что она не только защищает интересы народа, но и выполняет не свою, а его волю.

В. АЛЕКСАНДРОВА

Возвращение человека

Сознание множества современников Октябрьской революции было как-то сразу потрясено ее отчетливо выраженной и какой-то нарочито агрессивной антигуманистической установкой. Война была объявлена нравственным ценностям, созданным человечеством на протяжении многих веков. Весь нравственный пафос Октября словно тренировался в негодовании и ненависти. В категорию подозрительных ценностей были зачислены «человечество» и сам «человек».

Оглядываясь назад, в 1917 год, видишь, что тогда произошел как бы **геологический обвал**, под его каменной тяжестью были погребены не только преходящие, но и многие вечные моральные ценности. Но наряду с этим обвалом в глубине народного сознания происходили и другие, медленные социально-психологические процессы. Ценность первых произведений молодой литературы заключается в том, что ее писатели, иногда даже не вникая в существование этих процессов, регистрировали их в своих произведениях.

Самым значительным среди этой группы явлений был начавшийся вскоре после Октября процесс осознания себя как личности. В этом смысле до сих пор сохраняет свой интерес беседа Чапаева с политкомиссаром Клычковым в чрезвычайно популярной в свое время повести «Чапаев» Дмитрия Фурманова:

«Я, к примеру, был рядовым-то, да что мне: убьют, аль не убьют, не все ль одно? Кому я, такая вошь, больно нужен оказался? Таких, как я, народят сколько хочешь. И жизнь свою ни в грош я не ставил... Триста шагов окопы, а я выскочу, да и горлапаню: 'Ну-ка, выкуси'... А то и плясать начну, на бугре-то. Даже и думушки не было о смерти. Потом, гляжу, отмечать меня стали — на человека похож, выходит. И вот вы заметьте, товарищ Клычков, что, чем я выше подымаюсь, тем жизнь мне дороже. Не буду с вами лукавить, прямо скажу — мнение о себе развивается такое, что вот, дескать, не клоп ты, каналья, а человек настоящий, и хочется жить по-настоящему, как следует».

В этом разговоре советские литературоведы почувствовали только одно: здесь Фурманову в образе Чапаева удалось пока-

зать «не только черты народного героя, но и самий процесс рождения героя в новых исторических условиях». В действительности, в первые годы после Октября речь шла не об осознании себя как героя, а об осознании себя как личности. В этом смысле особенно показателен творческий облик Сергея Есенина и Владимира Маяковского.

Хотя Есенин как будто никогда и не боролся за свою индивидуальность, всем своим творчеством он **выпевал себя**, свою душу, свое творческое я. Частенько попадая пьяным в отделение милиции, он в своих «Стансах» (1924 г.), писал:

Я вам не кенар!
Я поэт!
И не чета каким-то там Демьянам.
Пускай бываю иногда я пьяным,
Зато в глазах моих
Прозрений дивных свет.

Иначе сложилась поэтическая судьба Маяковского. Очень связанный с режимом, вышедшим из Октябрьской революции, он сознательно «наступал на горло собственной песне», подавляя в себе свою эмоциональность и те черты своего таланта, которые нашли такое яркое выражение в его поэзии кануна Октября, например, в стихотворении «Дешевая распродажа» (1916 г.). С характерной для него нарочитой заносчивостью Маяковский в нем говорит о своей будущей бессмертной славе, но

все это — хотите?
сейчас отдам
за одно только слово
ласковое, человечье.

За человечье слово,
не правда ли, дешево?
Пойди,
попробуй, —
как же,
найдешь его!

Неисчерпаем матерьял, иллюстрирующий бездарное, начетническое толкование советскими критиками подозрительного понятия «человек». Особенно от этого пострадали рассказы молодого (ныне покойного) Всеволода Иванова, например, его рассказ «Б. М. Маников и работник его Гриша» (1927 г.). В нем писатель рассказывает, как революция способствовала пробуждению личности в пришибленных судьбою, пассивных натурах: на окраине Москвы еще до революции, жило семейство владельца маленькой домишкы Маникова; их воспитанница и племянница Вера была изнасилована и, чтобы «прикрыть грех», Маниковы женили на ней своего работника Гришу, позолотив

«грех» двумя с половиной тысячами приданных. Молодые уехали куда-то в провинцию и как в воду канули. Много лет спустя, уже в середине двадцатых годов, к Маникову явился его бывший работник Гриша и вернул ему те две с половиной тысячи. При этом Гриша рассказал Маникову, что во время революции их сын поступил матросом в Волжскую флотилию и был убит во время гражданской войны. Полученные Гришой деньги всю жизнь торчали занозой в душах Гриши и Веры. После гибели сына Гриша и Вера решили скопить деньги, чтобы с корнем вырвать из своей души это позорное для них воспоминание. Они много работали, от всех лишений Вера преждевременно умерла, но деньги они все же скопили и вот Гриша уже после смерти Веры принес их теперь Маникову... Официальные критики усмотрели в этом рассказе только «мещанские настроения» и резко осудили Иванова.

Приведенный пример иллюстрирует не столько борьбу за человека, сколько лишь первоначальный этап осознания человеком своей личности. В истории борьбы за человека прочный след оставили только два писателя из старшего поколения — оба уже покойные — Евгений Замятин и Борис Пастернак.

В 1920 году Замятин написал сатирический роман «Мы», во многом предвосхитивший роман Джорджа Орвелла «1984». Роман Замятина в Советском Союзе не появился, но в 1924 году он был опубликован в США по-английски, затем в несколько сокращенном варианте был напечатан по-русски в журнале «Воля России» в Праге и по-французски. Полностью по-русски он был издан в 1952 году в издательстве им. Чехова в Нью-Йорке.

Действие «Мы» происходит в каком-то отдаленном будущем веке в некоем «Едином государстве». О жизни и порядках этого государства рассказывает один из его граждан. Единое государство задумало и осуществляет грандиозное строительство «Интеграл». Его осуществление возможно только потому, что вся жизнь его граждан, вплоть до часов отдыха, регулируется самим государством. Автор дневника сравнивает эту всеобщую «незвободу» с танцем, весь глубокий смысл которого заключается в «абсолютной, статической подчиненности», в «идеальной несвободе». Государственный аппарат охватывает все стороны жизни его граждан. Даже искусство в Едином государстве — служит практическим целям, которые формулируются соответствующими чиновниками: «поэзия теперь не беспардонный соловьиный свист: поэзия — государственная служба, поэзия — полезность».

Ежегодно, в день праздника Единомыслия, происходят выборы главы государства. Церемония выборов — в отличие от практики давно забытых демократий — длится всего пять минут: главой государства неизменно и «единогласно» переизбирается все тот же руководитель, именующийся «Благодетелем». Но вот

внутри этого гармонического и законопослушного коллектива заводится крамола: объявляется женщина, взбунтовавшаяся против всепроникающего регламента жизни; она хочет любить того, кто ей действительно нравится, а не того, кто ей отобран; она хочет любоваться не строительством «Интеграла», а домами эпохи, когда мир еще коснел в омуте «анархии». И она поднимает знамя восстания. У нее находятся единомышленники. Герой, от имени которого ведется повествование, сам увлечен этой женщиной и как будто не может устоять от соблазна этого бунта. Однако, в последнюю минуту он пугается собственной смелости, «добровольно» подвергается мозговой операции, во время которой из его мозга удаляется центр, заведующий фантазией; после этого он вновь становится образцовым гражданином Единого государства.

Симптомы слабости обнаруживаются у рассказчика еще в то время, когда женщина-бунтарь посвящает автора дневника в план восстания. Он потрясен: «овладеть „Интегралом“ — это ведь значит...» Женщина договаривает за него: «Революция!» Но именно этого больше всего боится вновь ставший робким автор дневника. Как и все остальные граждане этого государства, он воспитан на том, что революция, приведшая к торжеству Единого государства, была «последней революцией», после которой может прийти только «контр-революция», участвовать в которой он не желает. Здесь расходятся пути автора дневника и женщины-бунтаря. Она пытается доказать ему, что самое представление о революции, как о «последней», что-то очень детское: детей пугает бесконечность; в действительности, не может быть «последней революции», как нет последнего числа. Единое государство быстро справляется с вспыхнувшим восстанием, женщину-бунтаря казнят.

Еще ярче мысль Замятиня выражена в его публицистике, собранной впоследствии — уже за-границей — в одной книге «Лица», увидевшей свет уже после смерти самого автора, (в Нью Йорке, в 1955 году). В одной из своих статей — «Завтра», — написанной и опубликованной в Петербурге в 1919 году, Замятин писал:

«Мы пережили эпоху подавления масс; мы переживаем эпоху подавления личности во имя масс; завтра — принесет освобождение личности во имя человека. Война империалистическая и война гражданская — обратила человека в матерьял для войны, в нумер, в цифру. Человек забыт — ради субботы; мы хотим напомнить другое: суббота для человека».

И Замятин бесстрашно звал русскую интеллигенцию «на защиту человека и человечности», он думал при этом не о тех «кто не приемлет сегодня во имя возврата к вчерашнему, или кто оглушен сегодняшним днем», Замятин обращался к тем, кто

сегодня видел «далекое завтра — и во имя завтра, во имя человека — судит сегодня».

Сорок лет отделяют «Письма из Тулы» (1918 г.) Пастернака от его «Доктора Живаго» (1958 г.), но кровное родство маленькой новеллы и большой эпопеи о трех поколениях русской интеллигенции бросается в глаза. Автора «Писем из Тулы» коробит развязность членов кинематографической группы, приехавшей в Тулу для съемки фильма «Смутное время». Почему негде «согреть душу огнем стыда; стыд подмок повсеместно и не горит». И вдруг его озаряет догадка: ведь пережитый им сегодняшний день происходит «в местах Толстовской биографии». Вот почему и не диво, что «тут начинают плясать магнитные стрелки». И он молит ночь, чтобы она продолжала «терзать» его: «пали до тла, гори, гори ясно, светло, прорвавшее засыпь, забытое, гневное, огненное слово 'совесть'». —

И та же страстная тоска по правде, по достоинству человека несет большие волны последней Пастернаковской эпопеи: Юрия Живаго, как и его дядю Николая Николаевича, отталкивала всякая «стадность», ему казалось при этом совершенно несущественным, «клянутся ли люди именем Владимира Соловьева, Канта или Маркса». Доктор Живаго убежден, что нельзя «насилием» прийти к добру. «К добру надо идти добром».

Словно подслушал эти мысли покойный «перевалец» Иван Катаев. В одном из его рассказов — «Молоко» (1930 г.) главное действующее лицо инструктор молочного товарищества, по прозвищу «Телочка», не только любит «ласку» в человеке, но убежден, что без ласковых, честных людей «все может пойти прахом».

Энергии на борьбу за человека у многих писателей хватало только на короткий срок. В этом смысле характерен Илья Эренбург с его романом «Бурная жизнь Лазика Ройтшванца» (1928 г.). В отличие от предыдущих и последующих его произведений, в нем писатель взглянул на совершившиеся вокруг него события глазами маленького, забитого «мужеского портного» из Гомеля. Лазик чувствует: «Когда гуляет по улицам стопроцентная история, обыкновенному человеку не остается ничего другого, как только умирать с полным восторгом в глазах». Он пробует протестовать против такого «китайского дважды два», но результатом его робких попыток являются одни неудачи и тюрьмы. Не умея сделать из своего сердца «грохочущий реферат», кочует Лазик из города в город, из тюрьмы в тюрьму, в поисках маленькой, но вечной правды — права человека на счастье, пока не убеждается под конец жизни, что счастье «это только отсталое слово могучего языка». В конце повествования Лазик добирается до Иерусалима и отправляется на могилу библейской Рахили; могилу охраняет сторож и не пускает Лазика пройти к ней. Но тут Лазику удается побороть свою робость и он объясняет сторожу, что хотя он и не ученый секретарь и не

Ротшильд, но и ему надо «подумать» перед смертью. При этом он рассказывает сторожу историю про простого мальчика Иоську. Отец взял его с собой в Йом-Кипур в синагогу, но Иоське скоро надоело слушать скучные молитвы и он вытащил из кармана жестянную дудочку — ее купила ему мать на базаре — и стал насвистывать; кругом возмущенно зашикали, но Иоська не обращал на это внимания. И тут случилось чудо: Бог, дотоле слушавший молящихся сурохо, вдруг улыбнулся и молящиеся обрадованно вздохнули: хорошо, значит, молился за них цадик. Но цадик объяснил им, что Бог услышал не его молитвы, а дудочку Иоськи, он дул «от всего своего детского сердца» и это смягчило Бога...

Почти все писатели первого революционного «призыва» много внимания уделяли «человеку», но большинство из них приносили этого человека в жертву «коллективу». Остро поставил эту проблему Константин Федин в своем первом романе «Города и годы» (1922 г.). Его главным героем является Андрей Старцов, как и сам Федин, проведший почти всю первую мировую войну в Германии в качестве военнопленного. В Германии у Старцова был друг Курт Ван, которого Андрей позже теряет из виду и вновь встречается с ним только в 1918 году в Москве. Наиболее полно их характеры раскрыты в главе, посвященной описанию этой встречи. В то время как мировоззрение Вана за четыре года радикально изменилось (он стал теперь большевиком), Андрей сам сказал Курту, что он остался «прежним», пацифистом, ненавидящим войну, убежденным в том, что «зло рождает зло». Курт с этим несогласен и добивается, чтобы Андрей доказал ему, что «злом нельзя добиться добра». Андрей этого, конечно, не может доказать. Тогда по мнению Курта, надо принять, что для изменения существующего несправедливого социального устройства существует только «один путь». На него и вступил Курт Ван. Отвлеченно рассуждая, Андрей должен согласиться с этим, но при этом все в нем протестует против этого революционного «дважды два» и он признается своему другу, что «это страшно и... унизительно». Он с таким усилием признается в этом, словно его при этом «душили слезы».

Тема человек и общество была развита Фединым и в романе «Братья» (1926 г.) в образе музыканта Никиты Карева и вполне раскрыта в романе «Необыкновенное лето» (1947-1948 гг.) в мыслях писателя Александра Пастухова.

Большие исторические события по мнению Федина (и Пастухова) сопровождаются не только всеобщим возбуждением или упадком человеческого духа, но и огромными страданиями. Те, кому ясен смысл происходящего, хотя они тоже подвергаются страданиям, переносят их все-таки легче, чем те, кто страдает, не зная во имя чего они должны так страдать. Художник, по самому своему существу не может не сочувствовать тем, кто страдает. Чем крупнее талант художника, тем больше он сочув-

ствует страдающему. Трагический конфликт художника с современной властью заключается в том, что она не только оспаривает право художника на сочувствие страдающим людям, но требует взвеличения победителей. Но ни Федину, ни его герою не удалось удержаться на этой высоте.

Фединский «путь» проделало много писателей и проделало его, пожалуй, легче, чем Федин. В споре между интересами личности и коллектива многие из них не только выбрали интересы коллектива, но активно включились в кампанию, которую вели официальные публицисты и критики, разоблачая природу «мелкобуржуазного индивидуализма» тех, кто пытался в тяжелых условиях защитить человека. Вспомним хотя бы Полю Мехову из романа Гладкова «Цемент» — это честная, ищущая натура, но автор не прощает ей, что она мечется не только в своей личной жизни, но не останавливается перед авторитетом компартии и сомневается в ее мудрости и непогрешимости.

Еще выпускнее конфликт между отдельным человеком и коллективом показан Гладковым в его ныне забытой повести «Трагедия Любаши» (1935 г.). В центре ее энергичная молодая работница-активистка Любаша. За ее энергию ее ставят во главе бригады. Но вот вследствие плохого качества сырья бригада Любаши оказывается «в прорыве» и Любаша из героинь попадает в категорию золушек. Против нее на собрании выступает даже ее муж. Он — коммунист и требует, если Любаша не справится с прорывом, исключить ее из партии. Самолюбие Любаши уязвлено. Как-то в выходной день, проходя мимо книжного магазина, она увидела в витрине роман Виктора Гюго «Отверженные». Что-то «близкое» зазвучало ей в этом заглавии и Любаша подумала: «Почему наши писатели не пишут о таких вот женщинах, как она, о ее тоске, о ее болях, и страданиях? В их книгах много крику и восторгов насчет достижений, но люди с их муками, с душой, дрожащей от слез и обид... люди, которым дорого обходятся эти достижения всей страны и даже одного завода, не чувствуются, точно вещи и машины дороже их, точно они становятся на место машин и заводов, а вещи и машины — на место людей». В защиту Любаши высказывается только одна старая работница, Капитоновна. На производственном совещании она говорит об отношении к Любаше: «Надо бы, милые, не от злобы, а по-родному... Горе да беду одинаково делить... Побольше бы ласки к человеку, ухо бы поближе к сердцу».

Нельзя здесь не отметить, что эта гуманистическая тенденция встречала отпор не только в официальной публицистике, но иногда и в художественной литературе — в виде полемического изображения «мелкобуржуазных индивидуалистов». Даже Фадеев в «Разгроме» (1927 г.) не удержался от того, чтобы вступить на эту наклонную плоскость, и вывел «мелкобуржуазного индивидуалиста» в образе эсера-максималиста Мечика, который

примкнул было к партизанскому отряду, но быстро устал от нелегкой и опасной жизни и ушел из отряда, предварительно совершив предательство, из-за которого гибнут многие члены отряда.

В менее острой форме очень многие писатели в начале тридцатых годов разоблачали эгоизм одиночки, отрицая за ним право бороться за себя, как за личность. Эта антигуманистическая установка достигла своего апогея в годы первой пятилетки. В серии романов, посвященных индустриализации («Энергия» Гладкова, «Время, вперед!» В. Катаева, «День второй» Эренбурга, «Я люблю» Авдеенко, «Большой конвойер» Ильина, пьеса «Аристократы» Н. Погодина, и др.) отчетливо показано как ускоренная индустриализация привела к возникновению широкого слоя капитанов советской промышленности, которые осуществляли эту индустриализацию, не считаясь с лишениями и настроениями рабочих. Вот почему читатель и не верит тем героям послевоенной беллетристики, которые как Балуев («Знакомьтесь, Балуев!» В. Кожевникова, 1960 г.) выдвинулись в годы первой пятилетки и которых писатель теперь изображает как гуманных и дальновидных руководителей. Едва ли реальный Балуев был в те годы либеральнее и мягче Гладковских Бадынина и Ватагина (в романах «Цемент» и «Энергия»).

Первая ощутительная брешь в этой антигуманистической концепции была пробита вскоре после начала советско-германской войны. При всем трагизме положения это время ознаменовалось в литературе большим творческим подъемом. В первые же дни войны, когда вдруг были сметены географические границы и неприятелем заняты обширные области, — сотни тысяч офицеров, инженеров, врачей, партийцев вдруг словно открыли огромную нищую крестьянскую страну. Тогда впервые в душах молодежи возникло чувство вины перед этой страной.

В произведениях первых двух лет войны внезапно исчез «принудительный ассортимент» героев — секретарей парткомов, ответственных руководителей строительства, вообще «начальства». Им на смену пришли рядовые советские люди, иногда даже недавние сидельцы концлагерей, как Федор, сын доктора Таланова в пьесе Леонова «Нашествие», как крестьянин Горшков в «Рассказах Ивана Сударева» А. Толстого, как «кулак» в очерке Твардовского «Родина и чужбина»...

Читатель как-то сразу почувствовал, что, ставя в центре повествования этих новых героев, писатель не должен прибегать к искусственным мерам, чтобы внушить к ним читательское расположение: всем им были сразу обеспечены эти симпатии. Очень сильно переданы настроения рядовых советских граждан в стихотворении молодой поэтессы Юлии Нейман «1941», напечатанном в сборнике «Литературная Москва» в 1956 году:

В год затмения и маскировки
 Мы увидали близких без личин,
 И, отшвырнув сомнительные меры:
 Анкеты, стажи, должности, лета,
 Мы полной мерой храбрости и веры
 Измерили, чем жизнь была чиста.
 И нам, свидетелям, доныне святы
 И дышат в нашей памяти поднесь
 Дежурства, крыши, аэростаты —
 Московских буден взрывчатая смесь...

Юлия Нейман принадлежит к молодому поколению поэтов, тех, кому после смерти Сталина удается воссоздать настроения рядовых советских людей начального периода войны. Но в этом послевоенная молодежь не была пионером: еще при жизни Сталина такую попытку предпринял Валентин Овечкин в 1945 году («С фронтовым приветом»), тогда же это сделала ленинградская поэтесса Ольга Бергольц («Возвращение мира»), Василий Гроссман («На рубеже войны и мира»), покойный Андрей Платонов (рассказ «Семья Иванова», 1946 г.). Опустошительный шквал, пронесшийся в виде чистки литературы, начавшийся во второй половине 1946 года, и продолжавшийся больше двух лет, уничтожил ростки начавшегося знаменательного «разговора».

За дымовой завесой этой «чистки» происходила напряженная работа без лести преданных руководителей советской литературы по восстановлению утерянного во время войны авторитета партии. И, хотя авторитет этот частично удалось восстановить, время работало против компартии. Прав оказался капитан Спивак, рассказывающий о своих впечатлениях фронтовому другу Петренко в повести Овечкина «С фронтовым приветом»: чем более приближался конец войны, тем все «больше думают люди о личных своих судьбах, о разбитых семейных очагах, о легких на плечи народа тяжелых задачах восстановления разрушенного», и в этом смысле оба и написали письмо друзьям домой. Аналогичные разговоры слышал Спивак во время своего отпуска на Полтавщине. Вернувшись на фронт, он и рассказывает Петренко: «Смотришь на иного довоенного знакомого, Федот, да не тот». Выводы Спивака не отличаются оптимизмом: «Легко было агитировать за колхозы в тридцатые годы... все еще впереди было, а сейчас та стахановка и мужа и сына потеряла и дочка у нее в Германии, и сама она постарела на десять лет». А на местах многие партийные работники «живут старой памятью о довоенной обстановке. А люди ждут, чтобы с ними по-хорошему, по душам поговорили».

Образчиком такого горе-руководителя, живущего старой памятью, является секретарь Ялтинского райкома Корытов в романе покойного Павленко «Счастье» (1946 г.). К нему яв-

ляется прибывший с фронта и потерявший ногу командир Воропаев. В разговоре с Корытовым Воропаев упрекает секретаря, что «народ» не знает о новой военной сводке. Корытов сейчас же настораживается и возражает: кто-нибудь один не слыхал, а он, Воропаев, уже говорит «народ». Его, Корытова, «отдельный человек не интересует... Меня интересуют люди. Я люблю обобщать»... Воропаев довольно резко возражает Корытову: «Ты до того дообщаешься, что, пожалуй, и себя станешь рассматривать как коллектив. Как это тебя не интересует отдельный человек?»

Смерть Сталина способствовала возобновлению того знаменательного «разговора», который начался вскоре после окончания войны. Но сейчас, оценивая с десятилетнего расстояния значение этого «разговора», убеждаешься в том, что он не был так значителен, как он казался его непосредственным участникам и слушателям. Действительным событием, оказавшим большое влияние на все дальнейшее развитие, был доклад Хрущева в феврале 1956 года на закрытом заседании XX съезда компартии с разоблачением «культы личности» и появление в ту же пору на авансцене литературно-общественной жизни целой группы литературной молодежи с поэтом Евгением Евтушенко во главе (Евгений Винокуров, Роберт Рождественский, Андрей Вознесенский, наряду с ними пришли и молодые прозаики — Юрий Нагибин, Юрий Казаков, Юрий Куранов, Юlian Семенов, критик Станислав Рассадин, и др.), в творчестве которых зазвучали действительно новые нотки.

Еще в 1955 году Евтушенко опубликовал в «Литературной газете» статью «О двух поэтических поколениях». В ней он писал: «Чувство поколения обязательно для начала, как поэтический паспорт». Таким «поэтическим паспортом» молодого поколения явился факт, что все они (в отличие от своих старших сверстников) были детьми во время Второй мировой войны. Сам Евтушенко родился в 1933 году. С раннего детства он привык жить «в себе», оценивать людей не по их словам, а по их делам. Характерной особенностью этого младшего поколения является потребность быть **самим собой**. В стихотворении «Кто только мне советов не давал», Евгений Винокуров (сверстник Евтушенко), пишет:

Чем больше слушал я учителей,
Тем больше я хотел быть сам собой
(«Литер. газета», 12 января 1960 г.).

Винокурову вторит Римма Казакова:

Будь сам собой, какой на деле есть ты.
Не бойся затеряться в жизни. Если
Ты там, где жизнь, всей щедростью отдачи, —
Жизнь там, где ты. Живи! Шагай!
Удачи!
(«Юность», июль, 1960 г.).

Самоопределение молодого поколения происходит — как это не раз бывало в истории русского общества и до и после революции — в рамках своеобразного спора между **отцами и детьми**. Литературное руководство и представители старшего поколения избегают признать наличие этой проблемы в советской жизни, она будто бы характерна только для «буржуазного общества». Но так легко от этой проблемы не отмахнуться. В связи с этим стоит отметить статью Александра Макарова «Серьезная жизнь» (в январской книжке «Знамени» 1961 года). Обозревая литературные новинки, критик отмечает появление большого числа новых писательских имен. Новые писатели не только сами молоды, молоды и их герои, они не только не пережили революции, гражданской войны, коллективизации, но даже «Великая отечественная война их разве что краешком задела! Для них все это — только прошлое, отцовское, а то и дедово...» — В очень циничной и сатирической форме уловлено это драматургом Леонидом Зориным в пьесе «Гости» («Театр», февраль, 1954 г.).

Макаров надеется, что молодые писатели, в отличие от старшего поколения, покажут своих сверстников «изнутри». С оттенком грусти он вспоминает Пушкинские строчки: «и наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас», но он «готов ‘поптесниться’»...

Присматриваясь к творчеству молодых, прежде всего замечаешь, что все они начинают с воспоминаний о своем военном детстве (Евтушенко — «Сапоги», «Армия» и др.). Наибольшее внимание обратила на себя опубликованная в 1956 году (в десятой книжке «Октября») поэма Евтушенко «Станция Зима», где родился и провел детство Евтушенко. Это детство прошло под знаком лишений, о них поэт вспоминает в маленьком стихотворении «Бабушка»:

Меня кормила жизнь не кашей манной,
В очередях я молча мерз в те дни.
Была война.
Была на фронте мама...

В тяжкие минуты сомнений и тревог Евтушенко, как Есенин, любит вспоминать родной городок и своих сверстников:

О, мой ровесник,
друг мой верный!
Моя судьба —
в твоей судьбе.
Давай же будем откровенны
И скажем правду о себе.
Тревоги наши вместе сложим
Себе расскажем и другим,
Какими быть уже не можем,
Какими быть уж не хотим...

Едва ли нужно подробно останавливаться на том, как официальные критики не любят молодых писателей и особенно Евтушенко. Один из них, Б. Сарнов, в статье «Если забыть о 'часовой стрелке'» (Лит. газета, 27 июня и 1-го июля 1961 г.) передает — так говорят в литературных кулаурах — что после Есенина и Маяковского в России не было поэта, который имел бы такую многочисленную аудиторию, как Евтушенко. Критик относится к Евтушенко недружелюбно, но он все же верно отмечает источники популярности его и его ближайших друзей. Эта популярность возникла оттого, что у молодежи остаются «неутоленными душевные потребности». Евтушенко и Вознесенский как-то идут навстречу этим потребностям и те, кто подняли их на щит, «вовсе не чувствуют себя обманутыми».

Андрей Вознесенский, появившийся в литературе в самом конце 50-х годов, как поэт значительнее Евтушенко. Первое его более крупное произведение «Мастера» («Литературная газета», 10-го января 1959 г.) посвящено зодчим, построившим храм Василия Блаженного в Москве и по приказу Ивана Грозного ослепленным, чтобы они никогда не могли создать более прекрасный храм в другом месте. В посвящении к поэме Вознесенский дает как бы кредо настоящего художника:

Художник первородный,
Всегда трибун,
В нем — дух переворота
И вечный бунт.

Не лишена элемента сенсации маленькая заметка о Вознесенском в «Краткой Литературной Энциклопедии»: «Вознесенский в форме сложных лирических ассоциаций утверждает мысль о несовместимости искусства с деспотическим произволом».

Характерной особенностью послесталинской молодежи, наивнейшее отражение в поэзии и прозе молодых, является их чувство неудовлетворенности тем, что сделали «отцы»; они во все не обеспечили своим «детям» легкую жизнь, как они часто уверяют в этом читателей (см. роман В. Кожевникова «Знакомьтесь, Балуев!», или Натальи Давыдовой «Любовь инженера Изотова», 1960 г.). Молодежь считает, что многие кардинальные проблемы жизни — как брак, семья, любовь — не только решены были неправильно, но принятые решения принесли много осложнений.

Еще более определенно поворот внимания к человеку наблюдается в художественной прозе пятидесятых годов. Большое впечатление произвел роман Дудинцева «Не хлебом едим» (он печатался во второй половине 1956 года в «Новом мире»). Успеху романа немало способствовало самое его заглавие. Не меньше этого евангельского изречения действовала глубина внутреннего подтекста романа, непримиримость автора

и его героев в защите одинокого изобретателя Дмитрия Лопаткина против борющихся с ним представителей заводской и трестовской бюрократии.

Настолько сильно было впечатление от романа, что уже во второй половине октября 1956 года (едва закончено было печатание романа в «Новом мире»), в Центральном доме литераторов было организовано его обсуждение. На собрание пришло так много публики, что Дом литераторов не мог вместить всех, желавших принять в нем участие. Открывая собрание, ныне покойный Всеволод Иванов сказал, что многочисленность слушателей напомнила ему дни его молодости, когда только создавалась советская литература и переполненный зал Политехнического музея был «форумом этой новой литературы». Многие из выступавших писателей указывали, что «главное достоинство романа — в его непримиримости». Правда, более дальновидные осторожно намекали на то, что именно эта непримиримость может повредить автору. И они оказались пророками. Вскоре после этого вечера и отчета о нем, в той же «Литературной газете» (24-го ноября) была опубликована статья Б. Платонова «Реальные герои и литературные схемы», в которой ее автор упрекнул Дудинцева в пристрастии к индивидуализму. Аналогичные упреки были выдвинуты в статьях, появившихся в «Известиях», в «Правде» и в «Коммунисте». Очень серьезной проработке подвергся роман и его автор на Пленуме правления Московского отделения Союза писателей СССР («Л. Г.», 19 марта 1957 г.). Наибольший интерес на этом Пленуме вызвало выступление самого Дудинцева. В нем Дудинцев рассказал о том, как и когда у него родилась идея этой книги:

«Я помню первые дни Отечественной войны. Лежу в окопе, и надо мной идет воздушный бой: 'Мессершмитты' сбивают наши самолеты, которых значительно больше. В ту минуту во мне началась какая-то ломка, потому что до той поры я все время слышал, что наша авиация летает лучше всех и быстрее всех.

Говорят, что я выражаю 'очернительские' тенденции. Это не так. Просто хочется, чтобы то, что ты видел, не повторялось. И я имею право так хотеть!»

Еще ярче защита им своего «права» оказалась в той части выступления Дудинцева, в которой он выразил сомнение в возможности проведения настоящих «творческих дискуссий», когда критика выступает в образе человека, «грозно стучащего клюкой»; «Я думаю, — сказал он, — что нас можно было бы пустить, как молодых пловцов, попробовать поплавать самостоятельно, авось, не утонем! Но, увы, я все время чувствую на себе этот ремешок, на котором иногда водят детей. И он мне мешает плавать»...

Охватывая литературное развитие за сорок с лишним лет с целью проследить, как совершился процесс ухода от «коллек-

тива» и «масс» к «человеку», хочется остановиться на одном наблюдении, которое представляется ключевым: в 1917 году в стране и ее литературе произошел геологический **обвал**, сопровождавшийся стремительным аннулированием многих ценностей в области морали, социологии и политики. То, чему мы являемся свидетелями, особенно со времени окончания Второй мировой войны, это по существу внешнее выражение социально-психологического или, может быть, лучше сказать, социального молекулярного процесса, который начался еще в двадцатых годах и резко ускорился под влиянием событий 2-ой мировой войны.

При всей медлительности социальных молекулярных процессов, по сравнению с обвалом, иногда поражаешься результатам этого ничем политически не закрепленного сдвига. Рассказы литературной молодежи, при всей их художественной спорности, поражают категоричностью своих высказываний. В рассказе Анатолия Гладилина «Первый день Нового года» («Юность», февраль 1963 г.) выступают два главных действующих лица — отец, участник индустриализации периода первых двух пятилеток, и его сын, родившийся в середине тридцатых годов. Отец стар и болен, он уже не жилец на этом свете, но прожитой жизнью он доволен. Сын несчастен и растерян, но одно он знает твердо: «Мы не хотим быть толпой — все как один, безголосой фигурой на шахматной доске большой политики. Мы хотим сами понять ‘что такое хорошо и что такое плохо’. Мы не хотим быть маленькими винтиками. Ведь коммунизм начинается тогда, когда человек перестает чувствовать себя бесправной деталью большой машины, когда он считает себя хозяином всего и знает, что ему доверяют и прислушиваются по-настоящему. Мы хотим, чтобы нам доверяли, чтобы у нас было право на поиск»... — Нетрудно почувствовать в мыслях молодого Алексея сходство с настроениями автора «Не хлебом единым» и герояев нашумевших произведений Василия Аксенова («Звездный билет») и Виктора Розова («А.Б.В.Г.Д»).

Это возвращение к человеку у молодых писателей не было бы, может быть, таким заметным, если бы оно не совершилось на фоне тщательно скрываемого, но все же очень явственного современникам кризиса внутри среднего и старшего поколения компартии. Герой пьесы Николая Погодина «Сонет Петrarки» (1956 г.), руководитель большого строительства инженер Суходолов признается своей старой домработнице Марине, что он потерял «горизонт»: «Ведь я, например, с ранней юности учился ненавидеть... Вспомни революцию, чапаевские годы... Но теперь у нас враждебных классов действительно нет. Спрашивается, кого же ненавидеть? Есть негодяи, отребье, воры... Они достойны разве что презрения, а иногда и сожаления. Я ведь говорю о большой ненависти. Кого я должен ненавидеть в своей стране? Может быть, пора учиться любить?»

ОБОЗРЕВАТЕЛЬ

Женщины среди советской элиты

Участие женщин в трудовой жизни страны в Советском Союзе очень велико. По данным последнего статистического ежегодника почти половину всех рабочих и служащих — точнее 48 процентов — составляют женщины (1962 г.). А рабочие и служащие это в Советском Союзе практически все взрослое население страны, кроме «неработающих» членов семей и кроме крестьян, среди которых процент женщин еще выше. Правда, среди всего взрослого населения процент женщин значительно выше пятидесяти (рекордное последствие войны): по данным последней переписи, среди населения 20 лет и выше процент женщин достигал в 1959 году 58,4.

В некоторых отраслях труда, особенно интеллигентского труда, процент женщин еще значительно выше. Так среди врачей (без зубных, среди которых еще больше женщин) в 1962 году насчитывалось 75 процентов женщин, среди педагогов, библиотечных и культурно-просветительных работников с высшим образованием 67 процентов, в том числе среди учителей начальной и средней общеобразовательной школы 69 процентов, среди агрономов, зоотехников (с высшим образованием) и ветеринарных врачей 42 процента, среди экономистов, экономистов-статистиков и товароведов 61 процент и даже среди юристов 32 процента (много женщин народных судей), среди инженеров 31 процент. Правда, — и это характерно для всех отраслей труда — чем выше должность, тем ниже процент женщин.

Возьмем для примера преподавателей общеобразовательной школы. Среди них процент женщин, как мы только что видели, достиг в 1962 году 69, но среди преподавателей первых четырех классов женщины составляют 87 процентов, в средних четырех классах 76 процентов, в высших трех классах 67 процентов. Еще резче сказывается это явление, когда речь идет о руководящих административных должностях в школе: среди заведующих начальными школами 71 процент составляют женщины, среди директоров восьмилетних школ 24 процента, среди директоров средних школ 20 процентов. В органах общей администрации это явление выражено еще резче.

А какова картина участия женщин в общественно-политической жизни? Участие это несравненно меньше, чем участие женщин в трудовой жизни и много меньше участия мужчин; все же формально его нельзя не признать значительным. Среди депутатов местных советов насчитывается большое и притом воз-

растущее количество женщин. При выборах в советы в 1939 году — первых выборах после введения в действие конституции 1937 года — были избраны в местные советы 422.000 женщин, 33,1 процента общего числа членов советов. В 1957 году общее число женщин в составе депутатов местных советов достигло 573,000 или 37 процентов, в 1961 году число это достигло уже 700.000. Среди депутатов Верховного Совета СССР 5-го созыва (выборы 1958 года) было 26,8 процента женщин, среди депутатов Верховного Совета 8-го созыва (выборы 1962 года) 27 процентов.

Но этим импонирующими цифрам не отвечает действительное значение женщин в представительных учреждениях. В Президиуме Верховного Совета СССР среди 32 членов только три женщины. И здесь, как и в аналогичных органах в республиканских, областных, городских и районных советах, участие женщин очень скромно и, главное, они выполняют в сущности декоративные функции, очень редко занимая посты сколько-нибудь серьезного политического значения.

Подлинным стержнем советской политики является компартия. Партия является в самом широком смысле тем резервуаром, из которого рекрутируется элита. В настоящее время женщины составляют 19,6 процента, несколько меньше одной пятой всего состава партии. Это значит, что уже с самого начала женщины имеют в четыре раза меньше шансов попасть в элиту, чем мужчины. В действительности их шансы несравненно меньше и их роль уже в низших звеньях партийной системы, из которых люди постепенно подымаются в элиту, значительно меньше, чем это отвечает их проценту в общем составе партии.

Для понимания этих процессов большой интерес представляют данные о составе XXII съезда компартии в 1961 году. В списках делегатов съезда, приложенных к стенографическому отчету о съезде, приводятся — и это делается впервые — данные о должности или профессии делегата, иногда и другие данные, позволяющие судить о месте делегата в советском обществе. Данные эти позволяют составить известное представление о роли женщины в компартии.

Правда, социально-профессиональная группировка женской части съезда не вполне отвечает социально-профессиональной группировке женской части партии. Уже априори следует допустить, что чем выше социально-профессиональная группа, к которой принадлежит член партии, тем относительно больше он имеет шансов попасть в число делегатов съезда. Это значит, что оперируя данными о социально-профессиональном составе женской части съезда, мы имеем основания считать, что данные об администраторах, партийных секретарях и т. д. среди женщин на съезде рисуют более благоприятную картину, чем это отвечает действительности при анализе всего состава женской части партии.

Из общего числа 934 делегаток съезда (21,2 процента всего состава съезда) почти точно две трети — 621 или 66,5 процента — принадлежали к лицам физического труда — рабочим, бригадирам и мастерам в не-сельскохозяйственном и рабочем, рядовым колхозникам, звеньевым и бригадирам в сельскохозяйственном секторе хозяйства. При этом

— не-сельскохозяйственный женский сектор съезда был представлен 334 работниками физического труда и, кроме того 16 инженерно-техническими работниками, 20 заведующими предприятиями и даже 1 директором треста;

— сельскохозяйственный женский сектор был представлен 287 работниками физического труда и, кроме того, 30 агрономами и зоотехниками, 26 председателями колхозов и 4 директорами совхозов.

Лица интеллигентных профессий были представлены 17 врачами, 28 педагогами и 3 библиотекарями.

Заслуживают внимания данные о женщинах (делегатах съезда), входящих в советский и партийный аппарат, особенно данные об относительном участии женщин в аппарате. Всего среди делегатов съезда было принадлежащих к партийному аппарату 1.072 мужчин и 86 или 7,4 процента женщин и принадлежащих к советскому аппарату 425 мужчин и 40 или 8,6 процента женщин (кроме того комсомольский аппарат был представлен 3 и профсоюзный аппарат 8 женщинами). Но особенно показательна группировка депутатов съезда, принадлежащих к партийному и советскому аппарату, по ступеням административной системы (партийной и советской):

районный (городской) аппарат — 749 м. и 66 ж., или 8,0%,
областной и республиканский аппарат — 583 м. и 21 ж.,
или 3,5%,

центральный аппарат — 101 м. и 1 женщина, или 1%!

Стоит привести несколько более подробных данных о группировке делегаток съезда внутри советского и партийного аппаратов. Данные эти показывают, что на низших ступенях иерархической системы роль женщин уже становится заметной, но на высших ступенях она ничтожна. Среди 40 делегаток съезда, принадлежащих к группе советский аппарат, было 9 председателей сельсоветов и 17 председателей рай- и горисполкомов. Среди 86 делегаток, принадлежащих к группе партийный аппарат, было 29 секретарей первичных партийных организаций, 49 секретарей райкомов и горкомов (в том числе уже немало и первых секретарей) и 8 секретарей обкомов и республиканских ЦК (ни одного первого).

Присмотримся ближе к участие женщин в высших звеньях партийного и советского (государственного) аппарата. Можно отметить некоторые черты, общие почти для всей этой группы

женщин. Остановлюсь прежде всего на женщинах, входящих в состав правительства (Советов Министров) СССР и союзных республик.*

В составе Совета Министров СССР есть только одна женщина министр среди 59 членов правительства и не только нет ни одной женщины заместителя Председателя Совета Министров, но и ни одной женщины среди очень многочисленных заместителей министров.. Но в Советах Министров союзных республик роль женщин гораздо значительнее. Правда, ни в одной из 15 республик нет женщин на постах председателей Советов Министров или первых из заместителей. Но среди 65 заместителей (не первых) председателей Советов Министров союзных республик уже есть 5 женщин, среди 407 министров 24 женщины, среди 1.480 заместителей министров 74 женщины, или в процентах соответственно 7,7, 5,9 и 5,0 процентов. Это еще довольно скромные цифры, особенно если принять во внимание очень высокий процент женщин с хорошим, в частности специальным образованием.

Важно также отметить, что все женщины, входящие в состав республиканских правительств, работают в ведомствах, имеющих в Советском Союзе второстепенное значение; чаще всего это министерство социального обеспечения; несколько женщин на этом высшем уровне работают в министерстве культуры или юстиции. В экономических ведомствах женщины на руководящих постах встречаются лишь в виде редкого исключения и в ведомствах не первостепенного значения. Так в Туркменской ССР женщины управляют министерствами легкой промышленности и совхозов, в Таджикской ССР министерством пищевой промышленности и городского и сельского строительства, в Армении министерством финансов. Это было бы неплохое начало, если бы это было начало и если бы наблюдалась тенденция к расширению женской активности на этом высшем государственном уровне. Сейчас такой тенденции не замечается.

Но при таком положении на вершине государственного аппарата не приходится удивляться, что на самой высокой ступени советской элиты — в ЦК компартии — роль женщины в течение добной четверти века неизменно оставалась более чем скромной и, может быть, даже понизилась по сравнению с более ранним периодом советского развития. За весь период, начиная с XVIII съезда компартии (в 1939 г.) и до последнего, XXII съезда (в 1961 г.) в состав ЦК избиралось лишь ничтожное количество женщин, что особенно бросается в глаза, если принять во внимание значительное увеличение численного состава ЦК. Стоит присмотреться к следующей таблице:

* По данным 1956/57г.

Женщины в составе ЦК КПСС

	1939	1941	1952	1956	1961
Абсолютно 3		2	7	10	9
В % % 2,2		1,5	3,1	4,0	2,8

Кто же эти женщины, избираемые в ЦК? Можно ли отметить какие-либо общие всем или почти всем им черты?

Почти все женщины, входящие в ЦК, относятся к разряду аппаратчиков в строгом смысле слова: они начали свою общественную карьеру в партийном аппарате или в аппарате комсомола и профсоюзов и были избраны в ЦК непосредственно из среды аппарата. Из девяти женщин в теперешнем ЦК семь являются аппаратчиками в чистом виде и только две не могут быть отнесены к этой группе: Насридинова, пришедшая в ЦК из государственного аппарата (сейчас она председатель Президиума Верховного Совета Узбекской ССР; до того, как она перешла на работу в государственном аппарате, она в течение десяти лет работала в качестве инженера-транспортника) и знаменитая ткачиха Валентина Гаганова. В ЦК, избранных на XIX (в 1952 г.) и XX (в 1956 г.) съездах, положение было не лучше. Единственным не-аппаратчиком среди женщин, избранных в ЦК на XIX съезде, можно считать лишь врача М. Д. Ковригину, с 1942 по 1959 год непрерывно работавшую в качестве заместителя министра здравоохранения, затем министра здравоохранения сначала РСФСР, затем СССР. В 1956 году к ней присоединилась в ЦК Насридинова. В 1961 г. Ковригина переизбрана не была.

Тип профессионального аппаратчика очень широко представлен и в мужской части ЦК, но здесь наряду с аппаратчиками есть много людей, которые поднялись не в партаппарате, а в системе хозяйственного управления. Казалось бы, что после того, как в последнюю четверть века очень большое число женщин приобрели и специальные знания и опыт в качестве инженеров и администраторов, среди них могло бы найтись достаточно кандидатов для избрания их в ЦК. Почему никто из них до сих пор не попал в ЦК, нелегко объяснить, как остается не вполне понятным, почему, несмотря на громадное преобладание женщин среди педагогов, в ЦК до сих пор не попала ни одна женщина, выдвинувшаяся на педагогической работе и на работе по организации школьного дела.

Но, с другой стороны, при отборе женщин для включения их в ЦК, повидимому, в одном отношении применяются критерии относительно льготные по сравнению с критериями, применяемыми при тех же обстоятельствах к мужчинам. Другими словами: положение, которое занимает женщина и которое считается достаточным, чтобы она была выдвинута в ЦК, недостаточно для выдвижения в ЦК возможного мужского кандидата. Из девяти женщин в теперешнем ЦК только три занимают положение,

делающее естественным их избрание в ЦК; в трех дальнейших случаях сомнительно, чтобы при аналогичных данных мужчина был бы избран в ЦК; и в трех случаях не может быть сомнений, что мужчина в таком же положении не был бы избран.

В качестве примера можно указать на Я. С. Насриддинову, которая была избрана в ЦК в 1956 году, будучи заместителем (не первым заместителем) председателя Совета Министров Узбекской ССР, хотя председатель Совета Министров и два его первых заместителя в ЦК избраны не были. — Характерно, что при первоначальном избрании Насриддиновой в ЦК — на XX съезде компартии — ее даже не было в числе делегатов съезда. И точно так же, может быть, не столько личными качествами, сколько специальными соображениями было продиктовано избрание в ЦК на XXII съезде даже не участвовавших в съезде секретаря ЦК ВЛКСМ Журавлевой и 2-го секретаря Московского обкома Колчиной.

Но если факт чрезвычайно скромной роли женщины в советской элите и не может вызывать сомнений, чем его можно объяснить?

Прежде всего, может быть, нужно отметить, что в компартии Советского Союза никогда не существовало — ни до революции, ни после — традиции сколько-нибудь значительного участия женщин в руководстве — в руководстве движением до революции и в партийном руководстве и в правительстве со временем революции. Современное положение есть в сущности лишь продолжение того, что всегда было, — сохранение за женской второйстепенных функций в общественных и партийных делах. Для того, чтобы это изменилось, партия должна была бы поставить себе непосредственной задачей добиться этого изменения. Об этом, повидимому, никто пока серьезно и не думает.

Во-вторых, очень скромное участие женщин в элите объясняется в какой-то мере тем, что основные квалифицированные профессии женщин (в области здравоохранения, в школах) не приводят к выработке у них опыта и навыков, которые считаются необходимыми для занятия должностей, требующих организаторского таланта и способности к руководству в разнообразных областях. Повидимому, работа в областях, наиболее популярных среди женщин, нередко заставляет их даже не стремиться переступить за границы их специальной, не-политической профессии.

В-третьих, необходимость сочетать профессиональную работу с работой по дому и с заботой о семье, особенно в трудных советских бытовых условиях, заставляет женщин избирать профессии, которые — как профессии учителей, библиотекарей и др. и в советских условиях позволяют еще в какой-то мере жить нормальной семейной жизнью. Отсюда, как массовое явление, может быть, даже полу-бессознательное стремление женщин

избегать всего, что поставило бы их в положение «ответственных работников», не могущих ограничить свою работу точными рамками.

Наконец, хотя и нельзя сказать, что против женщин проводится политика дискриминации со стороны тех, кто несет ответственность за назначения на политические и административные должности, в особенности на более высоких ступенях партийной и советской иерархии, — трудно освободиться от впечатления, что недоверие к пригодности женщин к выполнению работы, требующей организаторских навыков и способности к руководству, еще очень сильно, особенно в средних и низших звеньях партийного и советского аппарата.

В результате всего этого, хотя и нельзя сказать, что принятие женщин в элиту наталкивается на какие-то формальные препятствия, фактически и практически женщины в целом имеют очень мало шансов занять сколько-нибудь заметное место среди тех нескольких сот, которые составляют основное ядро аппарата власти в советском государстве. И нет оснований, которые позволили бы рассчитывать, что в близком будущем это положение изменится.

* Редакция выражает признательность С. В. Бялеру за предоставленную им автору возможность воспользоваться собранными им материалами по теме настоящей статьи.

ЭРНСТ ГАЛЬПЕРИН

Дилемма Фиделя Кастро

ПИСЬМО ИЗ ГАВАНЫ

Почти каждый день и на протяжении целого дня жителям Гаваны видны далеко в море, за трехмильной зоной, как будто бы неподвижные орудийные башни американского военного корабля. Это только один из моментов, постоянно напоминающих кубинцам, что Куба сегодня все еще является осажденной крепостью. А в осажденную крепость пробраться не легко. С американского континента оставлена лишь одна ведущая туда дорога — воздушная линия «Кубана Эрлайнс», пассажиры которой должны отправляться из Мехико-Сити. Официально запланированы два полета в неделю, но на практике редко бывает больше одного рейса в десять дней, так как количество кубинских пассажирских самолетов дальнего следования сокращено теперь до двух реактивных самолетов типа «Британия», обслуживающих также раз в неделю и линию Гавана-Гандер(на Ньюфаунлэнде)-Прага. Ими пользуются и для многочисленных специальных рейсов государственные чиновники, разные высокие гости, спортивные команды и делегации.

Мексиканская полиция госбезопасности преграждает путь потоку туристов и предотвращает массовое паломничество на Кубу энтузиастов с американского континента. Поездки не-дипломатического характера таким образом ограничены для всех, кроме бизнесменов, немногих репортеров и гостей, которым кубинское правительство оплачивает далекий путь через Европу и обратно. Такие гости из Латинской Америки и других частей света обычно прибывают на Кубу через Прагу. Западные европейцы могут также пользоваться воздушной линией «Иберия», самолет которой раз в неделю совершает рейс в Гавану из Мадрида. Есть еще и третья возможность — это очень продолжительный полет из Москвы в Гавану на советском реактивном самолете.

Как все это ни осложняет положение Кубы, все это пустяки по сравнению с действием эмбарго, наложенного на торговлю с Кубой правительством Соединенных Штатов. Кое-какая торговля еще ведется с Латинской Америкой, но, в основном, снабжение Кубы необходимыми товарами должно теперь идти через восточно-европейские и даже азиатские порты морским путем, в десять раз более длинным, чем прежний путь, по которому Куба получала снабжение из Соединенных Штатов. Кроме того, новые коммунистические торговые партнеры Кубы просто

не в состоянии снабдить ее машинами и товарами, которые она раньше получала из Соединенных Штатов. Все, на что способны коммунистические государства, это дать Кубе основные продукты питания, необходимые для поддержания жизни ее населения, ограниченное количество сырья для кубинской промышленности и кое-какое промышленное оборудование, ценность которого пока-что остается под сомнением. Большинство запасных частей, необходимых для оборудованных американскими машинами кубинских предприятий, как и химикалии для жизненно-необходимых установок для кондиционирования воздуха, не могут производиться на месте или в Восточной Европе; их необходимо приобретать в Канаде или Западной Европе и различными каналами переправлять на Кубу, а это обходится очень дорого.

Ко всем этим трудностям следует еще добавить неизбежные последствия массовой эмиграции людей, обладавших хозяйственным организаторским опытом и техническими знаниями, и спешной реорганизации экономической системы — перехода от частной собственности к обобществлению промышленности и оптовой торговли и от традиционной рыночной экономики к централизованному планированию. В свою очередь, дальнейшие затруднения были созданы самими планировщиками.

В одном из своих удивительно резких и честных выступлений, таких для него характерных, кубинский министр промышленности, Эрнесто Гуэвара, недавно признал две очень серьезных ошибки, которые, по его собственным словам, чрезвычайно типичны для начинающих, не знакомых с основными принципами экономической теории и практики.¹

Гуэвара считает, что первой из этих ошибок явилось решение о внесении разнообразия в сельскохозяйственную продукцию за счет сокращения посевов сахарного тростника. Гуэвара откровенно признал, что площадь плантаций сахарного тростника была сокращена только потому, что кубинские планировщики рассматривали сахар, как «символ колониализма и империалистической эксплуатации». Именно этим решением, по крайней мере отчасти, объясняется резкое снижение производства кубинского сахара, упавшего с обычных 5-6 миллионов тонн до 3 миллионов тонн или даже того меньше и вызвавшее уменьшение экспорта, а следовательно и притока иностранной валюты. Теперь площадь плантаций сахарного тростника снова увеличивается до своих прежних размеров, хотя это и означает, что кубинские планировщики должны были отказаться от своего намерения превратить Кубу в страну, независящую от импорта риса и хлопка, или по крайней мере отложили эти планы на далекое будущее.

¹ См. гаванские газеты Hoy и Revolución от 24 августа 1963 г.

Второй ошибкой, на которую указал Гуэвара, была постройка новых фабрик и заводов без учета сырьевой базы страны. Это повело к тому, что во многих случаях ввоз сырья, необходимого для работы этих промышленных предприятий, обходится почти в такую же сумму, как если бы ввозили готовую продукцию. Как подчеркнул сам Гуэвара, целых два года индустриализации были потеряны впустую из-за этой дорого обходившейся Кубе ошибки. Вся программа индустриализации страны подверглась изменению, и отныне индустриализация будет исходить из природных богатств Кубы, состоящих в основном из сахарного тростника и продуктов животноводства. Честолюбивые планы развития кубинской сталелитейной промышленности очевидно положены под сукно. Проект сооружения большого сталелитейного завода, о постройке которого в ближайшем будущем трубили много раз, по словам Гуэвары, теперь «только изучается».

Неудивительно, что в связи со всем этим условия существования на Кубе нелегки, однако обычная жизнь идет своим чередом. Когда, после двухлетнего отсутствия, я приехал в Гавану, я не мог не удивиться тому, что все обстоит еще так благополучно — по улицам курсируют автобусы и частные автомобили, еще производится уборка самих улиц, люди выглядят не плохо питающимися и прилично одетыми и весь город производит впечатление стоящего на более высоком уровне экономического развития и общего благополучия, чем большинство городов Латинской Америки. Только постепенно начинаешь замечать такие вещи, как ухудшение когда-то образцово действовавшей системы городского транспорта и других видов обслуживания, выход из строя водопровода во многих частях города, горбы и трещины на тротуарах в тех местах, где лопнули водопроводные трубы, запах газа, исходящий из трещин в трубах и пустые полки в магазинах.

Все виды одежды отпускаются по карточкам. Товарная книжка взрослого мужчины содержит талоны на обувь, носки, тельники, трусики, рубахи, брюки, свитры, носовые платки, пижамы и один отрез на костюм, выдаваемый раз в год. Такая же книжка взрослой женщины включает и талоны на бюстгальтеры, пояса с резинками и передники. В ограниченном количестве тоже по карточкам отпускаются ведра и прочая кухонная утварь. До того, как в октябре на Кубу обрушился ураган, **месячный** продовольственный паек состоял из восьмушки фунта коровьего масла, пяти яиц, одного фунта курятины, трех фунтов мяса, шести фунтов риса, шести банок сгущенного молока, двенадцати унций кофе, восьми фунтов картофеля и двух фунтов сала на каждого потребителя. Свежее молоко выдавалось только детям и старикам; овощи и мясо выдавались обладателям продуктовых книжек в зависимости от их поступления. Каждому полагался также кусок туалетного и кусок стирального мыла на месяц. Распределение этих пайков колебалось в зависимости

от района проживания того или иного лица. Во многих случаях выдача какого-либо предмета задерживалась на многие месяцы и в конце концов соответствующие талоны аннулировались в конце года.

После урагана пайки были значительно урезаны и было введено рационирование сахара (по четыре фунта в месяц на человека в самой Гаване и по пять фунтов в восточных провинциях). Я должен отметить, что сейчас когда я пишу эту статью, продажа хлеба еще не ограничена, и хотя есть немало случаев истощения, вызвано оно недостаточным введением в организм витаминов и протеинов. На Кубе нет голода в настоящем понимании этого слова.

Статистика публикует только данные об уменьшении производства сахара, но чрезвычайный недостаток мяса, яиц, овощей и фруктов убедительно свидетельствует, что и в этих областях произошло снижение продукции. Несомненной причиной такого упадка является то, что низкие цены, установленные правительством на сельскохозяйственные продукты, совершиенно убили всякую инициативу. Но настоящую причину следует искать глубже: низкий уровень цен на сельскохозяйственные продукты только показывает, что в продаже нет достаточного количества товаров широкого потребления. Поскольку все основные продукты выдаются по карточкам, общее повышение цен на сельскохозяйственные продукты или же установление свободного рынка советского типа для сбыта излишков, не дало бы крестьянам возможности приобрести на полученные деньги большее количество товаров, но только ускорило бы инфляцию, которой правительству удалось пока-что избежать.

Естественно, что такой необычайно суровый режим экономии вызывает недовольство и раздражение в широких массах, еще более раздуваемые нелепыми утверждениями правительственною пропаганды, что общий жизненный уровень якобы поднялся, а нехватка товаров объясняется повышением покупательной способности населения. На самом же деле широким массам живется теперь хуже и труднее, чем до революции.

Если бы успех революций измерялся тем, насколько та или иная из них повысила материальное благосостояние народа, то кубинскую революцию следовало бы считать полным провалом. Именно таков подход неискушенного среднего человека к оценке революций. Но исходя из такого критерия все великие революции, включая и Американскую, следовало бы считать неудачными, так как все они вначале вызывали длительные периоды нужды и лишений.

Всякая революция является прежде всего разрушением государственной власти, которое может быть вызвано самыми разнообразными материальными и психологическими причинами. Так называемый успех революции определяется тем, насколько она ведет к замещению прежних правителей новой правящей

группой, и какие коренные социальные и политические изменения будут вызваны или принудительно введены этой группой в борьбе за установление и консолидацию своей власти. Любая революция, ведущая к установлению власти совершенно новой группы и вызывающая радикальные перемены в социальной и политической областях, может считаться успешной. Подходя к кубинской революции с такой меркой, нужно сказать, что эта революция пока-что несомненно может считаться успешной.

**

Сегодняшняя Куба совершенно определенно является государством тоталитарной коммунистической диктатуры, но как это ни парадоксально, ею управляет не коммунистическая партия. Летом и осенью 1961 года переход кубинского режима к диктатуре коммунистической партии, общепринятой в странах советского блока, казался неизбежным. В это время такие коммунисты, принадлежащие к старой гвардии, как секретарь коммунистической партии Блас Рока, руководитель профессиональных союзов Лазаро Пенья и Анибал Эскаланте, казалось, занимали одинаковое или почти одинаковое положение с наиболее близкими сотрудниками Фиделя Кастро Раулем Кастро и Эрнесто Гуэварой. Члены коммунистической партии в роли заместителей министров, казалось, контролировали деятельность многих министерств.

Старой коммунистической гвардии было поручено организовать снизу доверху и идеологически вооружить новую марксистско-ленинскую правящую партию под временным названием ОРИ (Organizaciones Revolucionarias Integradas). Казалось также, что эта новая партия будет не чем иным, как только расширенной старой коммунистической партией, Partido Socialista Popular (ПСП), причем старая ПСП должна была превратиться в костяк новой партии.

В те времена официальная легенда о Кубинской революции утверждала, что последователи Кастро и коммунисты вместе боролись с режимом Батисты и совместными усилиями свергли его диктатуру. Тот факт, что коммунистическая партия не стремилась порвать с Батистой и установила связь с Кастро только тогда, когда его победа оказалось неизбежной, всячески замазывался. Неучастие коммунистов во всеобщей стачке, организованной Кастро в апреле 1958 г., было объяснено поведением Фаустино Переса, одного из впавших в немилость фиделистов. Ему вменялось в вину умышленное нежелание войти в контакт с коммунистами.

Насколько обстоятельства изменились с того времени, можно судить по следующему относительно недавнему выступлению «Че» Гуэвары:

«На Кубе коммунистическая партия не возглавила революцию, но ее влияние почувствовалось и ее участие важно для тече-

перешней социалистической стадии развития. На Кубе коммунистическая партия не отдавала себе ясного отчета в происходящем; она не понимала должным образом методов борьбы; она ошибалась в оценке шансов движения на успех. Здесь эта чрезвычайно серьезная (*gravísimo*) ошибка не повела к тяжелым последствиям, потому что у нас был Фидель и группа настоящих революционеров. В других странах такая ошибка может обойтись чрезвычайно дорого. Она может сбить революции с пути». («*Revolución*», от 24 августа 1963 г.).

Тот факт, что подобное заявление могло быть сделано публично и напечатано в кубинской прессе (включая и Ноу, газету Бласа Рока, бывший орган коммунистической партии), несомненно указывает на серьезное падение престижа и влияния старой коммунистической гвардии. Я нашел подтверждение этому, анализируя сообщения кубинской прессы и радио. Блас Рока является членом руководящего комитета партии и главным редактором Ноу, но о нем уже не упоминают, как о «выдающемся революционном вожде», и его уже не видишь рядом с Кастро на снимках различных митингов и торжеств. Лазаро Пенья все еще глава федерации профсоюзов, но за месяц моего пребывания на Кубе я ни разу не натолкнулся на его имя в радиопередачах или в прессе. На плечи Карлоса Рафаэля Родригеса возложена непосильная задача вывести из тупика сельское хозяйство Кубы. Однако, помимо этого он не играет никакой политической роли и, согласно осведомленным источникам, его положение не слишкомочно. Фабио Гробарт, руководивший в свое время политическим воспитанием кадров, является теперь только членом редакционного совета идеологического органа партии, ежемесячника «Социалистическая Куба» («*Cuba Socialista*»). Другой известный представитель старой коммунистической гвардии, писатель Хуан Маринелло, сделал ляпсус, приветствуя в одном публичном выступлении подписание договора о прекращении атомных испытаний. Его удалили с влиятельного поста ректора Гаванского университета и отправили в Париж в качестве посла в ЮНЕСКО — назначение, которое можно считать только почетной ссылкой.

Теперь Кастро очень редко, вернее, почти никогда не показывается в обществе старых коммунистов и ни один из них, видимо, не принадлежит к его ближайшему окружению, тому кругу, от которого зависит принятие того или иного решения. С другой стороны, ряд лиц, бывших явно в немилости два года тому назад, как Фаустино Перес, или же передвинутых на маловажные посты, как Педро Мирет, теперь часто появляются в окружении Кастро и их имена и фотографии мелькают на страницах газет. Такие военные командиры, как Эфигенио Альмехайрас, Серхио дель Валле и Уильям Гальвес (все старые партизаны) теперь гораздо больше на виду, чем раньше. Если не по духу, то во

всяком случае по составу деятелей, режим Кастро сейчас менее коммунистический, чем два года назад.

С полной уверенностью можно отметить момент, когда счастье отвернулось от представителей старой коммунистической гвардии. Таким поворотным пунктом оказалось бурное заседание руководящего комитета партии 26 марта 1962 года, когда Кастро обрушился на политического босса старой гвардии Анибала Эскаланте и снял его с поста организатора партии. С этого момента старые соратники Кастро, не-коммунисты, оттесненные партийцами старой гвардии, начали понемногу возвращаться и занимать видное положение. Коммунистическое влияние на министерства уменьшилось. Вся партийная машина ОРИ (или ПУРС — Partido Unido de la Revolucion Socialista, как теперь стали называть партию) была обновлена в результате того, что можно назвать гигантской чисткой. До нее члены новой партии тщательно подбирались кадрами старой коммунистической партии (ПСП). Теперь система вербовки новых членов была в корне изменена. Члены партии подбираются из среды ударников производства и наиболее отличившихся служащих и окончательное решение о приеме их в партию принимается путем открытого голосования на общем собрании рабочих и служащих. По сути, это равняется радикальной чистке партийных рядов. Так (согласно сообщению в июльском номере «Социалистической Кубы»), в одной партийной организации в провинции Ориенте, только 30 из 180 членов ОРИ были приняты в ряды ПУРС.

Такой способ подбора членов партии не может проводиться ускоренным темпом, и поскольку новая партия находится еще в стадии формирования, она не может пока служить эффективным тоталитарным орудием надзора и контроля. Сегодня эту функцию все еще выполняют старые «Комитеты для защиты революции», имеющиеся на каждой улице и в каждом предприятии. Поскольку теперь эти комитеты тесно связаны с политической полицией или Г2, их эффективность несравненно больше, чем два года тому назад. Террористические акты и другие подрывные действия, еще часто имевшие место в 1961 году, теперь исчезли — активных противников режима раскрывают без особого труда и ссылают в трудовые лагеря, сажают в тюрьму, а то и просто ставят к стенке. Вследствие этого, по крайней мере на первый взгляд, царят значительно большее спокойствие и порядок, чем во время моего последнего пребывания в этой стране в мае-августе 1961 г. Бросается в глаза и упадок энтузиазма — продавщицы уже не напевают «Интернационал», стоя за прилавками магазинов, — но режим кажется более устойчивым, а возможность какого-либо массового восстания — весьма отдаленной.

Другой бросающейся в глаза чертой является понижение роли милиции. Дежурство в милиции стало ежедневной обязанностью, выполняемой без энтузиазма, как нечто обыденное.

Вне службы, мужчины и женщины больше не носят свою милиционную форму и не ходят с оружием. Таким образом, сегодняшняя Куба уже не производит впечатления вооруженной нации. С другой стороны, армия, отступившая далеко на задний план в 1961 году, снова заняла видное положение, и если план введения воинской повинности, объявленный Кастро в речи, произнесенной в университете 26 июля 1963 г., будет претворен в жизнь, значение и удельный вес военных несомненно возрастут. Все эти люди — старые партизаны, не-коммунисты, преданные соратники Кастро. Усиление их позиций является весьма симптоматичным.

Старая коммунистическая гвардия еще сохраняет свои позиции в министерствах. Деятели профсоюзного движения, члены редакции *Ноу* и двух-трех других печатных органов служат опорой коммунизму. Есть коммунисты и в руководящем комитете новой партии. Пользуясь этими каналами, коммунисты старого закала все еще оказывают значительное влияние. Но Кастро уже не следует их советам и даже не спрашивает их мнения, принимая те или иные важные решения. Они не входят в окружение, не «принадлежат к его кругу». Этот круг состоит теперь из старых партизан и руководителей движения сопротивления в городах, а также из нескольких специалистов, принадлежащих к старшему поколению и не являющихся коммунистами, как, например, министр иностранных дел Рауль Роа или министр народного хозяйства Регино Боти.

Однако, серьезной ошибкой было бы считать, что понижение роли старой коммунистической гвардии, наряду с возвращением на сцену не-коммунистических, преданных Кастро элементов, означает поворот к более умеренной внутренней или внешней политике. Представители старой коммунистической гвардии никогда и ни в чем не были наиболее радикальным крылом деятелей кубинской революции. Не они настаивали на ускорении темпов социализации страны. Если сравнить линию органа партии *Ноу* и не-партийной *Revolución*, главным редактором которой состоит Карлос Франки, то окажется, что в критические моменты революции *Ноу* придерживался более умеренной линии как во внутренней, так и во внешней политике.

Коммунисты старой гвардии это политики-практики, обладающие большим опытом, и как бы искаженно они ни представляли картину мирового положения, они по крайней мере обладают известным знанием международной политики, особенно политики Советского Союза. И главное, эти люди откликаются на призыв Советского Союза, если он рекомендует вести более умеренную политику, тогда как непартийные приверженцы Кастро на такие советы обращают мало внимания. Люди старшего поколения среди сторонников Кастро могут давать технические советы по поводу вопросов, входящих в их компетенцию, но, повидимому, ни один из них не является достаточно компе-

тентен, чтобы предложить и защищать какую-либо широкую политическую концепцию, свою собственную последовательную политическую линию. Все эти люди — только соратники, до сих пор, хотя и не без трепета, послушно следовавшие за своим вождем по любому пути, который он для них избирал.

Что касается молодых ветеранов партизанской войны и движения сопротивления, то многие из них не менее, а даже более радикально настроены, и больше ненавидят Америку, чем самые закоренелые коммунисты из рядов старой гвардии. Уровень их образования и полное отсутствие политического опыта не позволяют допустить, чтобы хоть один из них имел ясное и разумное представление о положении дел в мире, которое он мог бы противопоставить картине революционного золотого века в Латинской Америке, которую так ярко расписывают Кастро и Гуэвара.

**

Речь Фиделя Кастро, произнесенная им 26 июля 1963 г. в годовщину попытки восстания, была в значительной степени лекцией, обращенной к коммунистическим партиям Латинской Америки и указывавшей им на их долг следовать примеру Кубы в организации вооруженных восстаний:²

«То, что произошло на Кубе, ни в коем случае не является чудом. Точно такие же события могут произойти во многих странах Латинской Америки. Все, что было сделано на Кубе, и даже больше может быть сделано во многих других странах Латинской Америки. Нам, кубинцам, не стоило бы отмечать эту годовщину с такой радостью и с таким революционным энтузиазмом, если бы она не напомнила об уроке, полезном уроке для десятков и десятков миллионов наших братьев в Латинской Америке.

К тому же во многих странах Латинской Америки предпосылки для революции несравненно благоприятнее тех, которые существовали в нашей стране. В Латинской Америке есть страны, из которых монополии и олигархии выжимают все соки и где голодающие массы населения, доведенные до полного отчаяния, только ждут возможности пробить брешь и войти в историю. Долг революционеров и заключается в том, чтобы пробить эту брешь. Долг революционеров заключается не только в том, чтобы изучать теорию. Долг революционеров не в том, чтобы набивать свои головы революционными теориями, забывая о практической потребности революции. Долг революционеров заключается не только в восприятии, познании и приобретении определенных убеждений и образа жизни, но и в прокладывании пути, в выработке тактики и стратегии, которые поведут к торжеству этих идей. В этом долг революционеров, а не в том, чтобы ждать, что этот путь откроется сам собой и режим эксплуататоров исчезнет в результате какого-то чуда...»

² Hoy, *Revolución* и *El Mundo*, 27 июля 1963 г.

За этими словами кое-что кроется. Это не просто риторические фразы, но и решительное выражение недовольства политикой коммунистического движения в Латинской Америке. В своей Второй Гаванской декларации (опубликованной осенью 1961 г.) Кастро призывал «революционеров» Латинской Америки, т. е. коммунистические партии, к вооруженному восстанию для низвержения режима олигархий и свержения ига империалистов. В речи, произнесенной 16 января 1963 г., он горько сетовал, что «некоторые» братские партии преспокойно положили под сукно Гаванскую декларацию вместо того, чтобы принять ее, как руководство к действию. По сути, только одна из всех латино-американских коммунистических партий, венесуэльская, последовала призыву Кастро. Все же остальные спокойно продолжали свою прежнюю политику, не прибегая к насилию. К тому же устранение Анибала Эскаланте из кубинского руководства весной 1962 года повело к охлаждению отношений между Фиделем Кастро и руководителями латино-американского коммунизма. К началу 1963 года положение настолько обострилось, что вожди латино-американских коммунистических партий постоянно чернили в своих собственных странах настроенных в пользу Кастро людей и целые группировки, называя их «троцкистами», «авантюристами» и «левыми сектантами» и объявляя защиту идеи партизанской войны, пропагандируемой Кастро, проявлением «мелкобуржуазного оппортунизма», что не мешает им все еще твердить о их полной преданности Кубе и безоговорочной ее поддержке.

С недавних пор, положение, с точки зрения Кастро, еще ухудшилось, поскольку латино-американское коммунистическое движение еще больше уклонилось вправо в связи со смягчением советско-американских отношений. Две латино-американские коммунистические партии, а именно в Перу и в Аргентине, призывают теперь к толерированию (а то и к прямой поддержке) президентов этих стран, хотя эти умеренные политики склонны идти на сотрудничество с Союзом для Прогресса. В своей речи от 26 июля прошлого года Кастро совершенно ясно заявил, что он не согласен с этой новой, крайне умеренной, политикой коммунистов.

Для характеристики взаимоотношений, существующих между Кастро и коммунистическими партиями Латинской Америки, весьма показателен тот факт, что хотя на митинге, где Кастро произнес эту речь, присутствовало несколько сот гостей из Латинской Америки, среди них не было ни одного видного представителя какой-либо коммунистической партии или Народного фронта.

Выступая через несколько недель перед группой молодых латино-американцев, «Че» Гуэвара повторил уверения Кастро по адресу коммунистических партий. В уже цитированном мной отрывке он сначала напомнил своим слушателям о «весыма серь-

ееной» ошибке кубинских коммунистов, не принявших участия в вооруженном восстании, а затем подчеркнул, что «в других странах такая ошибка может обойтись очень дорого, она может сбить революцию с пути».

В своей книге «Партизанская война» (1960) Гуэвара впервые изложил свою весьма своеобразную доктрину революции: «Не нужно ждать, пока появятся все условия для проведения революции; восстание может их создать».

В заявлении, сделанном группе северо-американских студентов (1 августа 1963 г.), Гуэвара повторил и дополнил эту свою доктрину:

«В каждой неразвитой стране имеется класс, в большей степени лишенный какого-либо имущества, чем все остальные. Таким бедняком является не рабочий промышленности. В Латинской Америке это сельскохозяйственный рабочий, крестьянин, раб своего клочка земли. Это величайший революционный фермент. Этим людям нечего терять, кроме своих цепей. Но у них нет сознательности, нет политического развития.

Как можно сделать понятной этим крестьянам необходимость борьбы? Они неграмотны, у них нет радио. Но если поблизости есть партизанская группа, они понимают ее язык. Если партизаны убивают тех, кто притесняет крестьян и издевается над ними, они понимают, в чем дело. Тогда крестьянин идет в партизанский отряд, увеличивает его численность, классовый характер отряда выступает все яснее и он приобретает силу. Роль вооруженной борьбы, освободительной войны, это роль катализатора». («El Mundo», 3 августа 1963).

Такова перспектива, исходя из которой режим Кастро намечает свою международную политику: революция в Латинской Америке — революция, которая снимет осаду с Кубы, уничтожит ее изоляцию и превратит Кастро из вожака карибского масштаба в военного и политического вождя целого континента.

Мне кажется, что один интересный отрывок из речи Кастро 26 июля 1963 г. содержит намек на некоторое изменение в его оценке ситуации в Латинской Америке:

«Но то, что произошло в Латинской Америке после высадки в Свиной бухте показывает, что государственные деятели и правительства, занявшие независимую позицию, то-есть относящиеся с уважением к суверенитету Кубы и не ставшие орудием американского империализма в его агрессии против Кубы, оказались наиболее устойчивыми в Латинской Америке. Таким образом мы видим, что правительство Мексики — устойчивое правительство, и мы видим, что бразильским реакционерам не удалось свергнуть правительство Гулярта. В Чили также не было никаких переворотов, как не было переворотов и смен кабинета в Боливии, как не было их и в Уругвае...»

Впервые за два с лишним года Кастро подошел с различной оценкой к правительствам стран Латинской Америки в зависимости от отношения того или иного правительства к Кубе. Это является признаком того, что он понимает необходимость создания дружественных связей с правительствами других стран. Но это не означает, что он отказался от своих надежд распространить революцию и на южно-американский континент.

Попрежнему ведется кампания против демократического правительства Венециэлы и выражается солидарность с борющимися против Бетанкура повстанцами и террористами. Наивно было бы, конечно, предполагать, что поддержка Кубой венециэльских революционеров носит только платонический характер. Свыше трех тонн оружия, спрятанного и предназначенного для этих повстанцев, было найдено в ноябре прошлого года на побережье Венециэлы. Часть винтовок оказалась изготовленной на бельгийском заводе, продавшем их кубинскому правительству в 1959 г.

Венециэльские коммунисты и про-кастровски настроенные элементы, объединенные в подпольном «Фронте национального освобождения», поклялись не допустить до президентских выборов, назначенных на 1 декабря 1963 г. Когда выяснилось, что их партизанская и террористическая организация (ФАЛН, или «Вооруженные силы национального освободительного движения») недостаточно сильна, чтобы достигнуть этого, они призвали своих приверженцев воздержаться от голосования. Однако, в день выборов, свыше девяноста процентов всех избирателей явились к избирательным урнам. Подавляющее большинство голосовало или за двух правительственных кандидатов или за кандидата правых.

Спустя семь дней после выборов Кастро все еще с пеной у рта выступал против венециэльского президента Бетанкура, «кровожадного, жалкого изменника своей страны, продавшего душу американским монополистам», и против венециэльского «избирательного фарса, построенного на кровопролитии и терроре». Возможно, что он действительно верит в это. (Совершенно подобным же образом немецкие коммунисты убедили самих себя своим же красноречием в том, что Веймарский демократический режим был кровавой диктатурой, а немецкие социал-демократы были «социал-фашистами»).

Венециэльские выборы были сокрушительным ударом по режиму Кастро. Они доказали, что к демократическому режиму не может быть применен метод Че Гуэвары, по которому партизаны и террористы являются «катализаторами, вызывающими революцию».

Кубинская внешняя политика сегодня все еще строится на ожидании революции в других странах Латинской Америки; но даже если бы в какой-нибудь из них, скажем, в Венециэле, удалось произвести коммунистический переворот, революционное

правительство могло бы удержаться у власти только в том случае, если бы оно пользовалось поддержкой Советского Союза, совершенно так же, как пользуется этой поддержкой с 1960 г. и революционная Куба.

Таким образом, выдвигаемая Кастро программа революции в Латинской Америке зависит от советской экономической и военной помощи. Но будет ли СССР оказывать такую помощь? Кастро, повидимому, уверен в положительном ответе:

«Мы знаем из опыта и твердо убеждены в том, что каждая нация, действующая так, как действовал кубинский народ, получит прямую поддержку Советского Союза и всего социалистического лагеря».

Это утверждение, видимо, основано на уверенности в том, что поддержка, оказываемая Кастро Советским Союзом, продиктована стремлением СССР помогать делу мировой революции. Но что, если Советский Союз в действительности занят довольно старомодной борьбой с другой великой державой, за счет которой он старается расширить сферу своего влияния? Что если в определенной стадии этой борьбы советские вожди должны будут прийти к заключению, что они слишком выдвинули свои позиции и им следует отступить и окопаться? Что если это отступление поведет за собой какое-либо, хотя бы временное, соглашение с Соединенными Штатами? Что если за это соглашение Советский Союз заплатит отказом от Латинской Америки?

Именно такое развитие событий стало теперь весьма реальной возможностью. Действительно, коммунисты некоторых южно-американских стран, к великому огорчению и негодованию Кастро, уже стараются приспособить свою политику к возможному изменению положения и переходят на позиции нейтралитета, а то и прямой поддержки таких деятелей, как Белаунде в Перу и Иллия в Аргентине, умеренных политиков уже выскавшихся в пользу присоединения к Союзу для Прогресса.

Казалось, что поначалу Кастро готов был идти навстречу этим тенденциям, отвечающим новому положению. Еще до своей поездки в Советский Союз он нашел доброе слово для президента Кеннеди и выразил желание вести переговоры с правительством Соединенных Штатов. По возвращении из Москвы он даже объявил о готовности своего правительства заплатить компенсацию за национализированное американское имущество.

Но когда в Соединенных Штатах были заморожены все кубинские фонды, Кастро, очевидно решил, что Соединенные Штаты нельзя ублаготворить той ценой, которую он готов был заплатить. Тогда он решился на типичный для него вызывающий жест, объявив национализированным здание посольства США в Гаване.

Положение стало более сложным благодаря обострению советско-китайских отношений. Что вожди Кубы питают симпатии к Китаю, было ясно уже в течение некоторого времени. Едва ли можно насчитать хоть один случай разногласий между Пекином и Москвой, когда они безоговорочно стали бы на сторону Москвы. Однако, официально они сохраняют нейтралитет. Так, теоретический орган ПУРС, «Социалистическая Куба» поместил и пресловутое китайское письмо, и советский ответ на него. Официальное отношение Кубы к китайско-советским разногласиям было тонко охарактеризовано Че Гуэварой, заявившем во время своей беседы с северо-американскими студентами буквально следующее:

«Для нас китайско-советские разногласия являются одним из наиболее печальных событий. Мы не принимаем участия в этом споре. Мы стараемся быть посредниками. Но поскольку эти разногласия являются фактом, мы сообщаем о них народу и мы обсуждаем их на партийных собраниях. Наша партия не собирается разбираться в том, кто прав, кто виноват. У нас есть свое собственное лицо и, как говорят в американских кинофильмах, всякое сходство — лишь совершенно случайное совпадение».

Таким образом, отношение Кубы к мирному сосуществованию «совершенно случайно совпадает» с таким же отношением Китая к этому вопросу.

Дальнейшим совпадением является то, что и Пекин, и Гавана очень высоко расценивают так называемую «национально-освободительную борьбу». Пекин считает эту борьбу, включающую анти-колониальные вооруженные восстания, самой важной задачей мирового коммунистического движения, даже более важной, чем борьба за мир. А для Гаваны «национально-освободительная борьба» народов Латинской Америки служит основанием всей ее внешней политики.

Здесь опять-таки «совпадение», но уже другого рода. Саботирование любого советско-американского сближения — в интересах как Пекина, так и Кубы, и оба правительства также жизненно заинтересованы в развитии «национально-освободительной борьбы» в отсталых странах мира.

Вопрос не встает, является ли Куба китайским сателлитом и может ли она когда-либо им стать, оказались ли Кастро и Гуэвара идеологическими последователями Мао, или нет. Куба и коммунистический Китай являются естественными союзниками просто потому, что у них совпадают интересы их внешней политики. Их можно разделить только путем самого жестокого экономического национализма. До сих пор Советский Союз очевидно не хотел или не мог произвести такое давление.

При таком положении, какое существует теперь на Кубе, было бы неосмотрительно делать те или иные прогнозы. Можно

только установить возможный и вероятный ход событий, всегда помня о том, что один из самых важных факторов в формировании истории, является и самым непредвиденным, а именно — случай.

«Произойдет ли там восстание?» — вот вопрос, неизменно возникающий в разговорах о Кубе. «Могут ли там события пойти по венгерскому образцу?» Не только за границей, но даже и на самом острове противники режима часто проводят аналогию с Венгрией.

Но на Кубе вряд ли имеются шансы на восстание по венгерскому образцу. Однако, латино-амericанцы поступают часто совершенно иначе, чем представляют себе люди, выросшие в европейских традициях. Сегодня среди старшего поколения кубинцев есть немало людей, относящихся к режиму с большой горечью, а иногда даже глубоко ненавидящих его. Полностью не исключена, хотя и маловероятна, возможность того, что на Кубе разыграются события, когда мир впервые будет наблюдать восстание, поднятое старшим поколением против молодежи. Также всегда возможны и местные вспышки, вызванные недостатком продовольствия или же действиями какого-нибудь мелкого тирана. Было уже немало таких вспышек, но в целом режим Кастро производит теперь впечатление устойчивого и прочного.

Если на Кубе и произойдут изменения, то скорее всего они будут вызваны изменениями международного положения, а не давлением изнутри.

Было время, когда коммунизм привлекал Кастро двумя сблизительными возможностями: 1) перспективой стать во главе латино-американского коммунистического движения и таким образом оказывать решающее влияние на международную организацию, пользуясь ею для своих планов развития революции в масштабе целого континента, и 2) возможностью стать членом советского блока или «социалистического лагеря», и тем обеспечить Кубе с советской стороны полную поддержку в борьбе с Соединенными Штатами.

Первый из этих планов не был претворен в жизнь. Вожди латино-американского коммунизма отказываются признать Кастро своим главарем и, за исключением венецианцев, отказываются также следовать примеру Кубы в ведении партизанской войны и организации саботажа.

Теперь и второй, казавшийся выгодным, момент вызывает сомнения. Советский Союз уже не безоговорочно враждебен Соединенным Штатам и, очевидно, он оказывает давление на Кастро, стремясь заставить последнего отказаться от своей воинственной анти-американской позиции. Основная масса советских войск, размещенных на Кубе в 1962 г., теперь повидимому отзована. Отказ от честолюбивых планов индустриализации Кубы и заявления Кастро и Гуэвары о необходимости сосредото-

чить внимание на сельском хозяйстве и производстве сахара указывают на то, что поставки оборудования из Советского Союза и стран-сателлитов теперь сократились.

Принимая во внимание все, сказанное выше, я не удивляюсь, что кубинская пропаганда теперь значительно меньше напирает на «дружбу со странами советского блока», чем она это делала еще только год назад.

С другой стороны, дружба с не-коммунистическим Алжиром теперь всячески подчеркивается в кубинских газетах. На последнем праздновании 26 июля, ни советским, ни китайским делегациям, ни даже такому важному гостю, как секретарь Коммунистической партии Индонезии Аидит, не было уделено столько внимания, сколько гостю не-коммунисту — вице-премьеру Алжира Гуари Бумедьенну.

Алжирский вождь Бен Белла часто говорит о Кастро, как о своем «учителе», а о Кубе, как о «примере», которому должен следовать Алжир. В действительности же Алжир является гораздо более привлекательным образцом для Кубы, чем наоборот. Алжир сумел бороться за дело «национального освобождения» и анти-колониализма в Африке и в то же время получать весьма значительную помощь от «колониальных держав». Правительство широко применяет меры репрессии к коммунистам и не поддерживает связей с мировым коммунистическим движением. Тем не менее взаимоотношения с Советским Союзом отличаются сердечностью, а отношения с Китаем и того лучше.

Если взаимоотношения Советского Союза и Соединенных Штатов будут продолжать улучшаться наряду с ухудшением отношений между СССР и Китаем, Кастро может найти «социалистический лагерь» настолько неуютным местом пребывания, что он приложит все усилия, чтобы выбраться из него и приобрести независимое положение, своеобразный анти-империалистический «Алжирский статус».

(«Энкоунтер*»)

* Статья написана до последней поездки Кастро в Советский Союз.

От коммунизма к демократическому социализму

О т р е д а к ц и и: Искус коммунизма играл в последние десятилетия — часто и сейчас играёт — значительную роль в духовном развитии заметной и не худшей части молодежи, особенно рабочей молодежи. Одних коммунистическое движение ассимилирует, часто приучая к пассивному подчинению и превращая в коммунистических роботов. Другие медленно и трудно преодолевают искус движение, обещающего освобождение рабочего класса и всего человечества и приводящего к системе нового социального господства, — и уходят от коммунизма. Но куда уйти? Многие не находят ответа на этот вопрос и, разочарованные, уходят общественно-политически в небытие или — того хуже — просто меняют фронт и вступают в ряды воинствующего и реакционного анти-коммунизма. Другие, оставаясь верны общественно-идеалистическим настроениям, которые привели их к коммунизму, ищут духовного освобождения от коммунизма на новых путях и в той или иной форме приходят к демократическому социализму.

В Германии — в Западной Германии, конечно, — недавно вышла книга, в которой девять таких бывших коммунистов рассказывают каждый о своем пути к коммунизму и к освобождению от его очарования. Большинство авторов этого сборника были детьми ко времени прихода Гитлера к власти, один даже родился уже при Гитлере — в 1934 году. Всем им коммунизм казался наиболее решительным фактором в борьбе против гитлеризма и за лучшие идеалы человечества. Характерно, что почти для всех их — может быть, это результат случайного отбора — уход от коммунизма диктовался не столько преодолением теоретической концепции коммунизма, сколько моральным отталкиванием от характерных черт выродившейся партии и пропитанного психоло-*

* “Das Ende einer Utopie. Hingabe und Selbstbefreiung frueherer Kommunisten”. Eine Dokumentation im zweigeteilten Deutschland. Herausgegeben und eingeleitet von Horst Krueger. Olten und Freiburg im Breisgau, 1963.

гней нового социального господства и социальных привилегий «нового класса» (пользуясь термином Милована Джиласа, которого, однако, авторы сборника избегают), как это особенно отчетливо выступает из обобщающей заключительной статьи в сборнике Каролы Штерн «Итог». Эти черты в Восточной Германии, повидимому, получили даже еще более непривлекательный характер, чем в Советском Союзе. И в тех редких случаях, когда уход от коммунизма диктуется в значительной мере и разочарованием в теории, а как раз в приведенном ниже рассказе этот мотив действительно играет значительную роль, разочарование приходит не «справа», а «слева».

Мы помещаем ниже (с некоторыми сокращениями) рассказ одного из участников этого сборника Германа Вебера, родившегося в 1928 году в Мангейме (в Бадене) в семье рабочего-коммуниста и порвавшего с компартией в 1954 году. Отметим, кстати, недавно вышедшую работу Вагнера *“Der deutsche Kommunismus. Dokumente”*. Herausgegeben und kommentiert von Hermann Weber. Koeln-Berlin, 1963 — большой том, отлично составленный и являющийся неоценимым пособием для серьезного изучения германского коммунизма, начиная с последних лет 1-ой мировой войны до начала шестидесятых годов.

ГЕРМАН ВЕБЕР

Мой путь

Уже в течение почти десяти лет я был активным коммунистическим работником, когда в 1954 году меня исключили из партии. Но убежденным коммунистом я был еще дольше; можно сказать с раннего детства.

Я вырос в напряженной политической атмосфере. Когда в 1928 году я родился, экономический кризис вот-вот готов был разразиться. Мой отец квалифицированный рабочий, вскоре после моего рождения потерял работу — на годы. Он был активным коммунистом, каждую свободную минуту отдававшим партийной работе. Так как большинство родных моей матери — тоже рабочих — были социалдемократы, я часто был свидетелем страстных споров. Уже самые ранние мои воспоминания детства поэтому политически окрашены. Я вспоминаю, как когда я едва достиг четырехлетнего возраста, моя мать пошла со

мной к своим родным. Райхсбаннер и с-д. партия как раз устроили демонстрацию и все родные теснились в окнах, чтобы приветствовать демонстрантов, либо участвовали в шествии. В хор голосов непрерывно кричавших «Фрайхайт» («Свобода»), партийный клич с-д-ии, вдруг вмешался мой детский голос с громким «Рот Фронт» («Красный фронт»). Конечно, меня тотчас отташили от окна. Среди моих родных царило большое возбуждение, которого я не мог понять. Ведь я сделал лишь то, чему меня научил отец перед нашим уходом.

Об эту же пору отец взял меня с собой на другую политическую манифестацию. Гитлеровцы устроили собрание с музыкой и речами на площади в «красном» районе, говорили речи и раздавали листки. Кто-то при бурном одобрении толпы вырвал из рук гитлеровца охапку листков и тут же разорвал их. Возбуждение достигло точки кипения. В этой толпе, которую я и сейчас вижу перед своими глазами, я стоял, держась за руку отца, и вместе с тысячей других кричал, как научил меня отец: «Да здравствует Москва. Гитлер — грязная свинья».

После запрещения компартии в 1933 году отец мой продолжал вести партийную работу нелегально. Часто он брал меня с собой на велосипеде в лес, где мы встречались с другими «дядями». Только много позже я понял, что я служил «маскировкой» этих нелегальных встреч. В 1934 году моего отца арестовали. Рано утром у нас произвели обыск. Гестаповцы меня почти не замечали, и моя мать что-то мне подсунула, что я отнес к знакомым. Это были членские марки компартии, которые сделали бы еще более тяжелым положение моего отца.

Когда через полтора года отец мой вышел из тюрьмы, он ни на иоту не изменил своих убеждений. И опять, — правда, осторожнее — он поддерживал партийные связи. Я был в это время совершенно захвачен политикой. Едва я научился читать, я читал и читал газеты. Отец научил меня искусству читать, между строк. Когда в пятнадцать лет, уже во время войны, я попал в учительскую семинарию в Шварцвальде, я по чувству был уже преданным коммунистом. Я верил, что только в Советском Союзе рабочие свободны и что Россия должна служить для нас примером. Сталина я боготворил.

Большинство учащихся в семинарии составляли дети рабочих. Прошло немного времени и я и еще трое подростков, отцы которых тоже были рабочими, образовали тайный кружок, в котором мы обсуждали политические вопросы. С нетерпением мы ждали конца войны, в исходе которой не сомневались, чтобы иметь, наконец, возможность открыто отстаивать свои убеждения. В конце 1944 года я должен был оставить семинарию и, вернувшись в Мангайм, поступил на завод. Здесь, если только это было возможно, я еще укрепился в своих коммунистических убеждениях.

Само собой понятно, тотчас после окончания войны я вступил в компартию. На первом же собрании местной группы компартии, на котором я присутствовал, говорилось не о борьбе за коммунизм, не о господстве рабочего класса или о других коммунистических принципах, чего я ожидал. Один из ораторов пытался объяснить новую линию «народного фронта» и долго говорил об общей ответственности всего немецкого народа за войну. Политическую дискуссию заменили личные препирательства и «стирка грязного белья». Мне очень скоро стало ясно, что мои романтические представления о коммунистической политике не имеют ничего общего с действительностью. Вскоре я очутился на крайнем левом фланге партии. Для моего эмоционального радикализма участие коммунистов в буржуазных коалиционных правительствах означало измену социализму, точно так же, как «особый немецкий путь» к социализму представлялся мне изменой интернационализму.

Больше всего возмущало меня, что и после разгрома фашизма мы должны были «маскировать» наши коммунистические принципы. Так как при вступлении в партию мне было всего 17 лет, — партия, естественно, немедленно привлекла меня к работе среди молодежи. И как раз здесь нам предписано было обеспечить успех политикой маскировки. Вместе с группой политических единомышленников я протестовал против намерения создать в Западной Германии организацию «Свободная немецкая молодежь» вместо Союза коммунистической молодежи. Нам казалось само собой понятным, что у нас господствует внутрипартийная демократия и решает большинство. И так как мы были в большинстве, мы думали что наше мнение побеждает. Но сначала из Берлина приехали инструктора, которые пытались убедить нас в необходимости создания «Свободной немецкой молодежи». А когда это не удалось, решение было принято через наши головы. Это было для меня особенно тяжелым ударом; мне еще со времен гитлеризма был особенно ненавистен принцип вождизма. Но мои друзья и я подчинились партийной дисциплине и продолжали работать.

Чтобы меня идеологически исправить, меня в 1946 году послали в школу. В течение нескольких недель я прослушал ряд курсов в Высшей школе Свободной немецкой молодежи на Бодензее под Берлином (в Восточной Германии). После школы я вернулся в Западную Германию, где меня перевели в главный аппарат партии. Я познакомился тогда с бывшим оппозиционером, который в 1929 году был сторонником Генриха Брандлера, но сейчас, в 1946 году, опять работал в официальном аппарате. От него я получил много литературы оппозиционных групп, выходившей в годы войны в эмиграции. Оппозиционные взгляды гораздо больше отвечали моим радикальным настроениям, чем официальная линия с ее «маскировкой». Оценка 2-ой мировой войны базировалась здесь на ленинской теории импе-

риализма; теза о «коллективной вине» всех немцев подвергалась здесь суворой критике; вместо политики народного фронта говорилось о классовой борьбе и в качестве последнего решающего критерия политики выдвигались интересы не Советского Союза, а международного рабочего класса. Эта литература толкала меня на путь усердного изучения марксистской литературы и приводила меня к частым спорам со старшими товарищами.

В 1947 году руководство германской компартии послало меня на два года в партийную школу им. Карла Маркса в Либенвальде, позже в Клайн Махнов (в Восточной Германии), которая тогда считалась «кузницей кадров». Так как учение в школе было связано с партийной работой в «зоне», я имел возможность познакомиться здесь с системой Социалистической партии единства (так называется компартия в Восточной Германии), как она существовала в действительности, и с практикой советских оккупационных властей.

Я часто искал тогда у берлинских букинистов старую коммунистическую литературу. Неожиданно я натолкнулся в одной из лавок на Фридрихштрассе на большое число старых изданий — протоколов Коминтерна, много брошюр, в том числе Троцкого, Бухарина и других. Я хотел тотчас же купить их, но владелец лавки отказался продать мне этот «опасный товар» без свидетельства от института. Я рассказал нашей библиотекарше об этой находке, не входя в подробности и не называя имен, и получил у нее необходимое свидетельство. Благодаря случайности я только через несколько дней мог съездить в эту лавку, но, увы, от всего сокровища оставались только три или четыре книжки Троцкого, которые я и купил и принес библиотекарше. Это была старая коммунистка, десятки лет в партии; годы войны она провела в Советском Союзе, в Караганде. Когда я показал ей мои находки, она явно испугалась. «Разве ты не знаешь, что Троцкий был агентом?». — «Но ведь это ничего не меняет в значении этих книг, которые в 1920 году были официально изданы партией. Ведь мы штудируем и Каутского, который потом был объявлен ренегатом». — Моя наивность привела ее в отчаяние. И когда я попросил, чтобы она, если она не может воспользоваться этими книгами, отдала их мне и что я за них заплачу, она уже совсем пришла в ужас. «Что, ты думаешь, сделают с тобой советские солдаты, если эти книги будут найдены у тебя при пограничном контроле при твоем возвращении?» — Она забрала у меня книги. Я уверен, что она их уничтожила.

Наряду с такого рода опытом мой критицизм расширяли и теоретические занятия. До 1947 года меня больше интересовали философские вопросы и в Высшей партийной школе я за писался на философский факультет. Сейчас я занялся главным образом историей коммунизма. Изучая источники, я узнал, что

из семи членов Политбюро при Сталине пятеро были убиты, как «агенты». Политбюро, руководившее партией перед и непосредственно после смерти Ленина тоже состояло из семи лиц, из них даже шесть оказались «агентами». ЦК в период гражданской войны состоял из 25 лиц, в том числе было 18 «агентов». Эта нелепость не давала мне покоя. Если сталинские историки были правы, вся октябрьская революция на 9/10 была проведена «агентами». Это была бессмыслица. Но это не могло быть просто ошибкой в толковании событий и данных, для таких извращений нужны были какие-то мотивы.

Так фальсификация истории заставила меня попытаться выяснить прежде всего проблему со всех сторон. Результаты исторических и теоретических изысканий дополнили мои личные наблюдения в школе и вызвали у меня растущее ощущение глубокого противоречия между теорией и практикой: во мне росло убеждение, что все то, что я уже давно отклонял, не было серией «ошибок», а составляло сущность, самой системы. И что эта система означала не власть рабочего класса, не переход к бесклассовому обществу, а господство аппарата. Я видел теперь в сталинизме не ошибки, не «уклон», а политическую контрреволюцию. Так что же: я оказался на ошибочной стороне?

Здесь опять возникали сомнения. Верны ли мои рассуждения? Эмоциональная связь с движением, мысль, что коллектив больше и лучше видит, чем отдельная личность, факт, что сотни честных борцов продолжают идти по этому пути, — все это удерживало меня. Вопрос оставался лишь теоретически разрешенным. Процесс еще не был закончен. Куда мог так глубоко связанный эмоционально коммунист обратиться, если существовало только одно коммунистическое движение, имевшее значение, но уже переставшее быть коммунистическим?

Мне посчастливилось, что я мог все это пережить и передумать не в одиночку. Уже рано я заметил, что в партийной школе есть различные круги. Тут была группа бывших социалдемократов, крепко державшихся друг за друга и проводивших настоящие совещания. После разрыва Тито с Москвой вокруг Вольфганга Леонгарда собралась группа «Титоистов». И еще раньше участники бывших групп коммунистической оппозиции встречались для свободной дискуссии. К ним и я присоединился. Так как курсанты почти сплошь состояли из опытных партийных работников — я был среди всех по возрасту вторым снизу, — таких бывших оппозиционеров было немало. Конечно, мы не образовали «организованной» оппозиционной группы, но мы подробно обсуждали все проблемы. И прежде всего мне стала доступна, благодаря этим товарищам, обширная оппозиционная литература.

Несколько месяцев спустя Леонгард должен был скрыться. Это стало поворотным пунктом в истории партийной школы. Сталинистская практика, и до того отравлявшая нам жизнь, каза-

лась пустяками по сравнению с тем, что теперь на нас навалилось. «Критика и самокритика» сделались как бы «главным предметом» в школе. Поиски «агентов» превратились в манию, и никто не мог быть гарантирован, не сказал ли он когда-либо кому-либо что-либо, что теперь всплывет на посвященном «самокритике» собрании и явится для него роковым. Не надо упускать из виду, что позже действительно несколько преподавателей и курсантов школы исчезли на годы в тюрьмах полиции безопасности. После бегства Леонгарда появились среди курсантов и такие, от которых раньше при обсуждении различных вопросов почти и слова нельзя было услышать, но у которых теперь обнаружились качества особенно активных разоблачителей «агентов».

Между тем всем уже стало ясно, что обвинение в принадлежности к числу «врагов партии» ведет не только к исключению из школы, но наверняка ведет и в тюрьму. Создалась не-переносимая атмосфера; один другому не доверял; дружеские связи рушились. У меня самого не было другого выхода, как всячески уклоняться от «самокритики» или по крайней мере тщательно обходить серьезные вопросы на систематически созывавшихся собраниях для «самокритики». Поэтому для меня было страшным ударом, когда в конце 1949 года один из курсантов нашел у меня выписки из книг Троцкого. Я знал, что это будет значить, если это дойдет до сведения школьного начальства. «Ты должен понять, что я завтра должен буду рассказать об этом на собрании, посвященном «kritike и самокритике», сказал мне Г., которому это явно было неприятно. У него самого прежде были интимные отношения с одной из курсанток, что у нас строго запрещалось, и он всегда опасался, что я когда-нибудь расскажу об этом его «проступке». Конечно, я никогда и не думал, вытаскивать на свет его личные дела. Но сейчас что мне оставалось? Я отдавал себе отчет, что это вымогательство, но у меня не было другого выхода. Поставленный перед перспективой «разоблачить» меня, как «врага партии», но и самому оказаться вынужденным заняться «самокритикой», которая разрушила бы его карьеру, Г. отступил.

В этой атмосфере и теоретические соображения и практический опыт привели меня — внутренно — к полному разрыву со сталинизмом. Я был теперь убежден, что социалистическая партия единства борется не за то, чего я ждал от коммунизма, ее антирабочая политика стала мне ясна: я пришел к убеждению, что марксистские формулы являются для нее лишь идеологическим прикрытием и оправданием господства аппарата.

Внутренно с социалистической партией единства и с компартией у меня было покончено. Но организационно я не рвал с партией. Почему? К этому времени я уже достаточно хорошо знал историю и методы сталинизма, чтобы понимать, что имеются только две возможности: либо все принять, либо порвать

полностью. Оппозиции в коммунистическом движении больше существовать не могло.

Но порвать с партией можно только, если имеешь какой-то выход. Сознания, что ты следуешь по пути ошибочной политики, было недостаточно. Я все еще верил в теорию «двух лагерей». Мне казалось аксиомой, что либо ты борешься на стороне социализма, либо «на другой стороне баррикады». Но на другой стороне — это означало для меня капитализм, который опять приведет к фашизму. В социалдемократии и профсоюзах я видел тогда лишь инструмент капитализма. Я был убежден, что новая война очень близка и что я буду все же служить делу мира, если, несмотря на внутреннее сопротивление, буду продолжать работать для СПЕ-КПГ:

Безвыходность положения сохранила партии еще на несколько лет работника, пытавшегося в практической работе забыть о проблематическом характере его деятельности. Не я один находился в таком безвыходном положении. Мы часто обсуждали в тесном кругу, что же делать, и вновь и вновь приходили к старой дилемме, так как мы все еще видели только два выхода: сталинизм, который мы все еще продолжали считать изуродованным социализмом, и капитализм, от которого мы просто ничего не ожидали. И мы находили утешение в иллюзии, что все же когда-нибудь победит «социалистическая основа Советского Союза».

Мне лично пошло на пользу, что в конце 1949 года я вернулся в Западную Германию. Здесь мое положение было проще. Здесь у власти стояла не моя собственная партия и я мог поэтому свободно говорить, критикуя имеющиеся недостатки. Я был назначен главным редактором журнала Свободной немецкой молодежи. Но уже в середине 1950 года возник первый кризис. В Берлине Свободной немецкой молодежью был организован «Германский слет», в котором приняли участие несколько сот тысяч людей, в том числе много и из Западной Германии. Мы издали специальный номер нашего журнала и я распорядился, чтобы приветствие Сталина «слету», хотя и появилось на первой странице, но не так, чтобы сразу бросаться в глаза. Так как культ Сталина был в это время в расцвете, это было признано тяжелой ошибкой. В течение недель продолжались дискуссии об этом. Из Берлина приехали уполномоченные Центрального Совета Свободной немецкой молодежи и Управления кадров СПЕ для расследования «преступления».

Я подверг себя «самокритике» и дело ограничилось строгим выговором. Кроме того я был снят с должности главного редактора и переведен в журнале на должность редактора отдела культуры. Я был этим доволен, так как это удаляло меня от «линии огня». В это время после продолжительного обсуждения, я с моей женой, с которой я познакомился в партийной школе, где она тоже была курсанткой, решили, что разрыв с

партией для нас неизбежен. Мы к этому времени пришли к убеждению, что наше представление о только двух возможных путях ошибочно, что есть и третий путь, а, может быть, и четвертый, и пятый и больше. Но в 1951 году Союз немецкой молодежи подвергся в Западной Германии запрещению и мне казалось неморальным и похожим на трусость как раз в такой момент рвать с партией. В 1952 году я серьезно заболел: постоянный внутренний конфликт довел меня до страшного упадка сил. В доме отдыха в Восточной Германии я узнал о чудовищных обвинениях, выдвинутых на процессе Сланского. Все говорило за то, что кровавая советская чистка тридцатых годов повторится во всех странах восточного блока. Переживать это и продолжать молчать стало немыслимо. Вернувшись в Западную Германию я с женой готовился к окончательному разрыву с партией. Я уже обеспечил себе работу на заводе и нашел новую квартиру, когда 12-го марта 1953 года я был арестован за нелегальную деятельность в Союзе немецкой молодежи. Несколько позже была арестована и моя жена. Рвать в этих условиях с партией мне представлялось невозможным, и на предварительном следствии я солидаризировался с официальной линией партии. В октябре, после окончания предварительного следствия я, как и большинство арестованных вместе со мною, былпущен на свободу. Теперь, наконец, я не видел препятствий к тому, чтобы высказать мое мнение открыто. Восстание рабочих в Восточной Германии 17-го июня 1953 года — я в это время находился в Эссенской тюрьме — было последним толчком для моего решения. Рабочие показали, что они, находясь «на той стороне баррикады» и в то же время не идут с СПЕ. Мое место было не с бюрократами СПЕ, а с рабочими. Многие из моих тогдашних партийных товарищ думали почти так же, как я, но все же мне трудно было убедить их порвать с партией. Большинство среди них находилось под следствием за коммунистическую деятельность. Суровая обстановка в лагерях не могла расположить их смягчить свое мнение о Западе. Так как к тому же при предстоящих процессах они только от компартии могли ждать присылки им защитников, самый факт, что в Западной Германии никогда не было объявлено политической амнистии, оказался очень полезным Ульбрихту.

Все же мне удалось убедить целую местную организацию компартии высказаться против линии партии. Мы не только потребовали от правления партии, чтобы оно «начало там, где начинается существо марксизма — с беспощадной и серьезной критики нашего положения», мы требовали также, что компартия Германии «дистанцировалась от того, что происходит в Германской Демократической Республике и в Советском Союзе и не имеет ничего общего с социализмом». Ответом партийного правления было мое исключение из партии.

В 1956 году, во время интервью, на вопрос, какова моя политическая позиция, я ответил: «Я остался социалистом. Но социализм возможен только при обеспеченной свободе личности. Псевдо-социализм Москвы ведет к подавлению всякой свободной политической и профсоюзной активности рабочих. Безоговорочным отстаиванием этой системы коммунистические партии показали, что они стремятся не к социализму, а к системе господства небольшой бюрократической касты».

В результате систематического изучения истории коммунизма я понял, что причины моего разрыва с компартией лежали глубже, чем мне тогда казалось. Я убедился, что многие проблемы общественной жизни не укладываются в схему и что если все видеть только в двух красках — черной или белой, многое остается непонятным. Иные иллюзии о героическом прошлом партии рассеялись. Но конец иллюзий отнюдь не означает конца на дежд. В восточном блоке за это время произошли события, которые десять лет назад показались бы немыслимыми. Выяснилось, что сталинское средневековье не вечно, что и советское общество, несмотря на все сопротивление бюрократического аппарата власти, обнаруживает признаки развития в сторону либерализации и демократии, как бы не удовлетворительно еще ни было современное положение. К счастью, безнадежная обстановка ульбрихтовского режима в Восточной Германии не типична более для всего Восточного блока.

Сознание, что десять лет я шел по неверному пути, заставило меня глубже задуматься над основными целями прогрессивной политики. Бывают разуверившиеся, которые, разрушив позади себя все мосты и рассчитавшись с «Богом, который им не был», — с таким же рвением обращаются к другому, или еще к гораздо более старому Богу, о котором они, оказывается, теперь точно знают, что он-то и есть настоящий Бог. Я к таким не принадлежу. Я попрежнему убежден, что в марксистском социализме, при всей ограниченности в каждый данный момент его исторического горизонта, лучшее, что было в гуманизме нового вермени, приняло новую практическую форму, которая не может потерять свою ценность из-за того, что те или иные партии оказались неспособны разрешить вставшие перед ними задачи.

Мой разрыв с системой взглядов СПЕ-КПГ произошел не потому, что я отверг основы марксистской теории. Напротив, именно потому, что я принимаю основы марксизма и его цели, я порвал с официальным коммунизмом. «Конец утопии» означает конец иллюзии, будто коммунизм московской формации способен привести к созданию лучшего мира. Нужно искать новых путей и нужно найти их.

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

С. ШВАРЦ

К истории формирования меньшевизма и большевизма

Организационные проблемы социалдемократии в 1904-1905 годах

(Статья первая)

Огромный подъем массового рабочего движения с конца 1904 года и особенно в 1905 году с чрезвычайной остротой поставил перед социалдемократией вопрос об основах ее собственной организации. Для всего 1904 года был характерен глубокий контраст между чрезвычайной слабостью огромного большинства социалдемократических организаций и значительным политическим влиянием социалдемократии в рабочих массах и в стране вообще; или иначе: между организационной слабостью партии и огромными стоящими перед нею задачами. Преодоление этого противоречия было жизненной необходимостью для партии и придавало «организационному вопросу» исключительное значение и спорам об основах организации чрезвычайную напряженность.

Началось это рано, еще летом 1903 года, на 2-ом съезде партии, — кстати тоже в момент огромного и в таких масштабах неожиданного подъема массового движения, — когда зарождающиеся разногласия по организационному вопросу прорвались в споре — о «параграфе первом устава». Кого признавать членом партии? По Ленину: «Членом РСДРП считается всякий, признающий ее программу и поддерживающий партию личным участием в одной из партийных организаций». По Мартову: «Членом РСДРП считается всякий, принимающий ее программу, поддерживающий партию материальными средствами и оказывающий ей регулярное личное содействие под руководством одной из ее организаций». Спор велся о том, нужно ли считать членами партии лишь людей **непосредственно входящих в партийную организацию**, — в тяжких условиях подполья фак-

* Из книги автора «1905 год в России. Социалдемократия и массовое рабочее движение», подготовляемой к печати (по-английски) издательством Чикаго Юниверсити Пресс.

тически очень ограниченное число лиц, в основном «профессиональных революционеров», — или также и большое число лиц, хотя непосредственно в подпольную организацию не входящих, но с нею связанных и оказывающих ей постоянное содействие.

Сколько изобретательности было затрачено на разрешение этого спора! «Я думаю, что нам нужно разграничить понятия партия и организация» и партия должна быть гораздо шире, чем в условиях суповой конспирации по необходимости оказывается партийная организация, говорил Аксельрод, поддерживая формулу Мартова. «Мы можем только радоваться, если каждый стачечник, каждый демонстрант, отвечая за свои действия, сможет объявить себя членом партии», говорил Мартов. — Нет, отвечал Ленин: «Лучше чтобы десять работающих не называли себя членами партии, чем чтобы один болтающий имел право и возможность быть членом партии». Это слишком сужает рамки партии? Ничего подобного: «Нам нужны самые разнообразные организации всех видов, рангов и оттенков, начиная от чрезвычайно узких и конспиративных и кончая весьма широкими, свободными, *lose Organisationen*»; но все они нуждаются в одном — в «утверждении Центрального Комитета». — Об этом в течение почти двух заседаний съезда велись страстные дебаты, в которых, кроме Ленина и Мартова, приняли участие 18 делегатов съезда, в том числе почти вся его элита — Плеханов, Аксельрод, Троцкий, рабочедельцы Мартынов и Акимов, вожди Бунда Либер и Медем, вождь кавказских социалдемократов Ной Жордания и другие, — и которые закончились принятием 28 голосами против 23 формулы Мартова.

Среди участников этих дебатов было немало людей остро-го ума и большого партийного опыта, но на их аргументах, — как читатель мог убедиться из приведенных выше образцов, — лежала какая-то печать нереальности. Точно у всех споривших было неопределенное ощущение глубокого организационного неблагополучия в партии и они почти ощупью искали выхода из тягостного положения, но ни сущность и причины переживаемых партией затруднений, ни пути к преодолению их еще не были ими полностью осознаны.

С этого времени «организационный вопрос» по крайней мере на полтора года — до январских событий 1905 года, выдвинувших другие вопросы более общего характера, — стал центральным вопросом, вокруг которого велась в партии все обостряющаяся внутренняя борьба. В этой борьбе и кристаллизовались две фракции в партии — большевиков и меньшевиков.

Споры о «централизме», «дисциплине» и «самодеятельности»

В спорах (после съезда) между формирующимиися фракциями аргументы, которые каждой из сторон выдвигались на съезде, вскоре были почти забыты. На съезде те и другие выступа-

ли в роли решительных централистов. Но Ленин пытался смягчить свой централизм, аргументом о «разнообразных организациях всех видов, рангов и оттенков» — вплоть до «lose Organisationen», — входящих в партию. А Мартов и его сторонники, хотя и искали такого решения организационного вопроса, которое вывело бы партийную организацию из узкого, почти замкнутого круга «профессиональных революционеров», настаивали на своей верности строгому централизму. «Наш организационный принцип — не широкая автономия, а строгий централизм», говорил на съезде Мартов, правда, в споре не с Лениным, а с Бундом. После съезда все это начало быстро меняться и действительные позиции обеих спорящих сторон начали выясняться — выясняться прежде всего им самим.

Основной организационной идеей большевиков в спорах 1903-1904 годов стало развитие партии, как строго централизованной организации, объединяющей главным образом людей, для которых революционная работа составляет основное содержание их жизни («профессиональных революционеров»), подчиняющихся суровой организационной дисциплине и в свою очередь воспитывающих рабочие массы в духе беспрекословного доверия и строгого подчинения по отношению к партии, в которую сами они при существующих условиях даже и входить не могут и на решения которой они ни в какой мере не имеют прямого влияния.

Основной организационной идеей меньшевиков было привлечение к активному и решающему участию в партийной организации и партийной жизни в возможно большом числе передовых элементов рабочего класса и преодоление таким образом определяющего влияния на партийную жизнь «профессиональных революционеров», неизбежно придающего партии замкнутый «заговорнический» характер и мешающего превращению ее в действительный авангард рабочего класса.

Основная организационная концепция **большевиков** нашла свое чрезвычайно выпуклое выражение в «Письме к товарищу о наших организационных задачах» (Ленин «Сочинения», изд. 4-ое, т. 6, стр. 205-224). «Письмо» было написано Лениным осенью 1902 года в связи с обращением к нему петербургских товарищей с просьбой подвергнуть критическому анализу выработанный ими проект устава петербургской организации партии. «Письмо» это тогда было размножено только на гектографе и оставалось внутренним документом в партии, но в начале 1904 года оно было переиздано Центральным Комитетом — тогда сплошь большевистским — уже типографским способом, получило очень широкое распространение и в течение всего 1904 года играло значительную роль в спорах об основах организации партии.

Весь изложенный в «Письме» организационный план проникнут идеей строгой централизации всего руководства партийной работой — общероссийской и местной — в ведении центрального и местных комитетов. Местные комитеты образуются «при участии» и «с согласия» Центрального Комитета (211). В состав их входят «вполне сознательные социалдемократы, посвящающие себя целиком социалдемократической деятельности» (это и есть «профессиональные революционеры») (211). Комитету подчиняются организуемые им районные группы, заводские комитеты и «разнообразные группы, обслуживающие движение, — и группы студенческой и гимназической молодежи, и группы, скажем, содействующих чиновников, и группы транспортная, типографская, паспортная, группы по устройству конспиративных квартир, группы по слежению за шпионами, группы военных, группы по снабжению оружием, группы по организации, напр., 'доходного финансового предприятия' и т. д.» (215). Все они находятся в строгом подчинении комитету, частью входят, частью не входят в партию и организация их строится по авторитарному принципу. Остановлюсь здесь на самом важном: на районных группах и на заводских комитетах.

«Районные группы» (не районные «комитеты»!) это непосредственные органы местного комитета. «Состав районной группы должен определяться комитетом, т. е. комитет **назначает** одного-двух своих членов (или даже не членов) в делегаты по такому-то району и поручает этим делегатам **составить районную группу**, все члены которой опять-таки комитетом **утверждаются**, так сказать, в должности.

То же — может быть, даже с еще большим преобладанием авторитарного начала — с заводскими комитетами или, как Ленин часто их называет, заводскими подкомитетами (в отличие от местного, т. е. главного, комитета; в приведенной ниже цитате я всюду местный комитет, в отличие от заводских комитетов, отмечаю большой буквой С. Ш.):

«Заводская группа или заводской (фабричный) комитет должен состоять из очень небольшого числа *революционеров*, получающих *непосредственно от Комитета* поручения и полномочия вести всю социалдемократическую работу на заводе. Все члены заводского комитета должны смотреть на себя, как на *агентов Комитета, обязанных соблюдать все 'законы и обычай'* той 'действующей армии', в которую они вступили и из которой они в военное время не имеют права уйти без разрешения *начальства...* Комитет поручает таким-то своим членам (плюс, допустим, такие-то лица из рабочих, лица, не вошедшие в Комитет по тем или иным причинам, но могущие быть полезными по своему опыту, знанию людей, уму, по своим связям) сорганизовать *везде* заводские подкомитеты. Комиссия совещается с районными *уполномоченными*, назначает ряд свиданий, испытывает хо-

рошенько кандидатов в члены заводских подкомитетов, подвергает их перекрестному допросу 'с пристрастием', подвергает их, буде надобно, искусу, старается при этом посмотреть и испытать сама непосредственно возможно большее число кандидатов в заводской подкомитет данного завода и, наконец, предлагаєт Комитету утвердить такой-то состав каждого заводского кружка или уполномочить такого-то рабочего составить, наметить, подобрать целый подкомитет... Наконец, не лишнее, может быть оговориться, что иногда вместо заводского подкомитета из нескольких членов нужно будет или удобнее будет ограничиться назначением одного агента от Комитета (и кандидата к нему). (217-218; курсив здесь и ниже большою частью мой.

— С. Ш.).

Эта революционно-бюрократическая утопия дополняется ответственной регламентацией отношений между местными организациями — не только местным комитетом, но и всеми группами, работающими под руководством местного комитета, — и Центральным Комитетом. Центральный Комитет должен во всех деталях быть осведомлен о всей местной работе. Это относится не только к местному комитету, но и ко всем образованным им «группам» — и партийным, и даже остающимся вне партии. Только при такой «децентрализации» осведомления центра он сможет успешно выполнять задачу руководства партией:

«Чтобы центр мог не только советовать, убеждать и спорить (как делалось до сих пор), а действительно дирижировать оркестром, для этого необходимо, чтобы было в точности известно, кто, где и какую скрипку ведет, где и как какому инструменту обучался и обучается, где и почему фальшивит (когда музыка начинает ухо драть), и кого, как и куда нужно для исправления диссонанса перевести и т. п.» (222-223).

С этого времени вопрос о «дирижировании оркестром» — и эмоционально гораздо острее: о «дирижерской палочке» — постоянно вновь и вновь возникал в полемической внутрипартийной литературе.

«Письмо» требовало не только обязательного систематического осведомления центра о составе и о «механизме работы» каждой из «филиальных групп», но и «обязательной передачи в сохранное место (и в бюро партии при ЦО и ЦК) связей с этим кружком, т. е. имен и адресов нескольких членов этого кружка», — конечно, передачи путем конспиративной, шифрованной переписки.

Эта предельно централистическая концепция нашла свое выражение и в книге Ленина «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» (Ленин, т. 7, стр. 185-392), вышедшей весною 1904 года и посвященной детальному анализу прений и голосований на 2-ом съезде. Изложение здесь чрезвычайно за-

гружене деталями, ориентироваться в которых читатель может нередко, лишь пользуясь одновременно протоколами съезда. Это очень сузило возможность непосредственного влияния книги на широкие — конечно, относительно широкие — партийные круги, особенно в России, и обеспечило здесь за «Письмом к товарищу» роль основного орудия идеиного воспитания молодых большевиков в вопросах построения партийной организации.

Влияние этой концепции на организационные взгляды местных работников-большевиков было очень значительно. Яркой иллюстрацией этого может служить «Ответ на письмо ЦО представителей Уфимского, Средне-Уральского и Пермского комитетов», напечатанное в приложении к № 63 «Искры» (от 1-го апреля 1904 года) и получившее широкую известность в партии под именем «письма уральцев». Откликаясь на «официальное предложение редакции ЦО в письме, разосланном по комитетам», в котором комитеты призывались высказаться о положении в партии, письмо уральцев резко полемизирует против «новых взглядов 'Искры'» и формулирует свой символ веры:

«Предвидеть пролетарскую политическую борьбу, подготовиться к ней, идти впереди масс может только общё-русская централизованная организация революционеров, в *полном распоряжении* которой находятся местные комитеты... И комитеты, и отдельные члены партии могут получать очень широкие полномочия, но это должно зависеть от центрального комитета. Центральный комитет может и наоборот — если найдет нужным и полезным — своею властью *раскассировать комитет или другую организацию*, он может лишить того или иного члена партии его прав. Иначе нельзя успешно организовать дело пролетарской борьбы.»

«Уральцы» решительно отстаивают мысль о необходимости воспитания партии в духе «беспрекословного повиновения». Это может казаться невероятным, но вот подлинные слова «уральцев»:

«Подготовка пролетариата к диктатуре — такая важная организационная задача, что ей должны быть подчинены все прочие. Подготовка состоит, между прочим, в создании настроения в пользу сильной *властной* пролетарской организации, выяснении всего значения ее. *Можно возразить, что диктаторы являются и являются сами собой. Но так не всегда бывало, и не стихийно, не оппортунистически должно быть в пролетарской партии.* Здесь должны сочетаться высшая степень сознательности с *беспрекословным повиновением*.»

Авторы письма настойчиво требуют изгнания из партии всех «неисправимых ревизионистов, оппортунистов и хвостистов», настаивают на «собакевичевском наступлении на ноги» всем «не-

дорослям партии и поссибилистам — и опять: на создании в партии «добровольного, сознательного и необходимого **беспрекословного подчинения**» центру. «Довольно мы плыли на утлых ладьях по воле течений; мы строим большой корабль, последнее слово знания и искусства, для него **нам нужен хороший командир**».

Конечно, это было крайнее выражение взглядов «твёрдо-каменных» — по тогдашней терминологии — централистов, но в основе оно отвечало очень распространенным в среде большевистских практиков настроениям. Стоит отметить здесь приведенную П. Б. Аксельродом в его статье в «Искре» от 15-го декабря 1903 года (об этой статье еще будет речь ниже) — т. е. задолго до «письма уральцев» — выдержку из устава (!) одной из местных организаций: «Признавая, что при настоящих условиях насильственный переворот в России можно провести лишь опираясь на **готовую к повиновению** и открытому восстанию рабочую массу крупных промышленных центров, мы главным центром нашей работы ставим организацию рабочего класса».

Сложнее было развитие организационных взглядов **меньшевиков**. И будущие меньшевики стояли ко времени второго съезда на почве строгого централизма. Партии, как сколько-нибудь целостной организации, до второго съезда вообще не существовало, но необходимость в ней и в преодолении «анархии» и «кустарщины» чувствовались с начавшимся подъемом стихийного массового движения очень остро. Аксельрод писал об этом времени в названной только что статье, в конце 1903 года: «...скоро лозунг ‘долой организационную анархию и да здравствует сплочение всех сил социалдемократии в одну строго централизованную организацию!’ стал общим кличом большинства членов нашей партии».

Но в понимании централизма и, главное, в оценке его значения для дальнейшего развития партии после её организационного оформления на 2-ом съезде, как объединенного целого, между будущими большевиками и будущими меньшевиками еще до съезда намечались разногласия. На съезде они прорвались с неожиданной, кажется, для всех участников споров остротой при обсуждении первого параграфа устава. Выше уже упоминалась попытка Аксельрода «разграничить понятия партия и организация» — понятия широкой партии и по необходимости узкой, замкнутой организации. Это была попытка вернуться к терминологии популярной в семидесятых и восьмидесятых годах, когда термин «революционная партия» употреблялся в очень широком смысле, охватывая всех сторонников революционных идей и покрывая и всю совокупность разных революционных организаций. Но ведь речь на съезде шла именно об организации и ее уставе — «партия» в указанном широком смысле

ле вообще не может иметь устава. Аксельрод верно почувствовал, что централизм, как его исповедывал Ленин, ведет партию в тупик, и он по существу был прав в своем бунте против этого централизма. Но аргументация его, хотя она и была поддержанна на съезде Мартовым, Троцким и другими, явно била мимо цели. И формально был прав Ленин, когда в «Шаге вперед», отвечая на замечание Мартова на съезде, что для него «заговорщическая организация имеет смысл лишь постольку, поскольку ее облекает широкая социалдемократическая рабочая партия», он писал: «Надо было сказать, чтобы быть точным: поскольку ее облекает широкое социалдемократическое рабочее движение» (т. 7, стр. 242).

Бунт вождей меньшевиков против ленинского централизма был естественной реакцией на уродство замкнутой, централизованной организации. Но замкнутый и централизованный характер организации навязывался социалдемократии самыми условиями ее нелегального существования в обстановке тяжелых полицейских преследований. И разница между большевиками и меньшевиками в отношении к построению организации на началах замкнутости и строгого централизма заключалась главным образом в том, что большевики возводили этот характер организации в принцип и стремились придать этим чертам организации наиболее резко выраженный характер; меньшевики же, принимали их, как неизбежное — до поры до времени неизбежное — зло, и всюду, где только открывалась возможность, стремились вносить в организацию элементы демократизма, содействовать развитию **самодеятельности** рабочих масс, в максимальной возможной степени привлекать активные элементы рабочего класса к участию в партийной жизни.

Критически анализируя ленинский «Шаг вперед», Мартов писал (в «Искре», приложение к № 69 от 10-го июля 1904 г.).

«Организация, которая на втором съезде составила себе устав, в определенном смысле толкуемый 'большинством', есть, на европейский масштаб, всего только организация **руководителей** пролетарской борьбы, а не организация борющихся пролетариев.

Политика Российской Социалдемократической Рабочей Партии должна не 'идеально' лишь, не со стороны чистоты руководящих ее 'вождями' принципов, а реально, на деле, стать активной политикой сознательного слоя российского пролетариата, уполномоченными которого являлись бы эти 'вожди'; этот сознательный слой пролетариата должен принимать, следовательно, активное участие во всех проявлениях партийной жизни, в процессе выработки партией ее программы, принципов ее тактики и методов ее организации. Когда это будет налицо тогда мы сможем с полным правом назвать себя *авангардом* российского пролетариата».

Только так партия из «организации руководителей» превратится в «остов самостоятельной классовой пролетарской партии».

Еще решительнее формулировал те же мысли Аксельрод в письме к Каутскому от 6-го июня 1904 года («Искра» № 68, от 25-го июня 1904 г.):

«Путем самокритики (прошедшего и настоящего партии, ее односторонностей и проч.) мы обращаем внимание товарищей на жизненный вопрос нашей партии: *что и как должны мы сделать для того, чтобы русская социалдемократия (прежде чем наступит решительный момент в борьбе с абсолютизмом) из промежуточного в политическом отношении существа превратилась хоть отчасти в действительную пролетарскую классовую партию?* Не решив этой задачи, мы рискуем, что в решительный момент крупные события сметут ее с исторической сцены».

Социалдемократия должна со всей энергией стремиться к разрешению этой задачи **«прежде чем наступит решительный момент в борьбе с абсолютизмом»**, подчеркивает Аксельрод. Чтобы отдать себе отчет в значении этих замечаний, надо вспомнить политическую обстановку того времени, когда уже чувствовалось приближение революционной бури и явно начали колебаться основы старого порядка.

В этот спор были вовлечены и некоторые авторитетные деятели германской социалдемократии. Со времени возникновения Группы Освобождения Труда и до 1-ой мировой войны германская социалдемократия была как бы школой и образцом для российской социалдемократии, и после 2-го съезда обе спорящие стороны в РСДРП пытались опираться на авторитет теоретиков и публицистов германской социалдемократии — в особенности на «ортодоксальных», «антибернштейнианских» теоретиков и публицистов. Конечно, в первую очередь на Карла Каутского, в те годы международно признанного теоретика революционной социалдемократии, и на владевших русским языком и особенно популярных в международной социалистической левой Розу Люксембург и Парвуса. Все трое солидаризировались с концепцией, отстаивавшейся меньшевиками, и в особенности статья Розы Люксембург «Организационные вопросы социалдемократии», написанная для редактировавшегося Каутским еженедельника «Die Neue Zeit» (1903-04, №№ 42 и 43) и присланная одновременно и в «Искру» (№ 69 от 10-го июля 1904 г.), оказала влияние и на социалдемократические круги в России. .

Роза Люксембург решительно отвергает «ультрацентрализм» Ленина и настаивает на глубокой, принципиальной разнице между социалдемократическим и якобинско-бланкистским централизмом:

«Социалдемократическое движение есть первое в истории классовых обществ, рассчитанное всеми своими сторонами и общим своим ходом на организацию и непосредственную самодеятельность масс.

В этом отношении социалдемократия создает совсем другой тип организации, чем прежние социалистические движения, напр., якобинско-бланкистского типа.

Ленин, кажется, недооценивает этого, когда в своей книге думает, что революционный социалдемократ есть не что иное, как 'якобинец, неразрывно связанный с *организацией* пролетариата, *сознавшего* свои классовые интересы'.

Бланкизм не опирался на непосредственную классовую деятельность рабочих масс и не нуждался поэтому в организации масс. Напротив, так как широкие народные массы должны были появиться впервые на поле борьбы лишь в момент революции, а предварительная деятельность состояла в подготовлении революционного удара небольшим меньшинством, то резкое ограничение предназначенных для этой определенной деятельности личностей от народной массы было прямо необходимо для удачного выполнения их задачи...

В корне отличны условия социалдемократической деятельности. Последняя исторически вырастает из элементарной классовой борьбы... Организация, рост сознания и борьба являются здесь не особыми и во времени разделенными моментами, как в бланкистском движении, это — только различные стороны того же самого процесса... Уже отсюда следует, что социалдемократическая централизация не может основываться ни на слепом повиновении, ни на механическом подчинении борцов партии ее центральной власти».

Организационный план Ленина поэтому кажется Розе Люксембург «механическим перенесением организационных принципов бланкистского движения заговорщических кружков на социалдемократическое движение рабочих масс»; и «социалдемократический централизм должен быть по существу другого характера, чем бланкистский».

Правда, для такого социалдемократического централизма «в России в настоящее время не может существовать в полной мере необходимых условий», но элементы его создаются в процессе развития рабочего движения, и

«было бы ошибкой думать, что неосуществимое еще господство большинства сознательных рабочих внутри их партийной организации может быть 'пока что' заменено 'по доверию' единовластием центрального учреждения партии, и что отсутствие публичного контроля рабочих масс над тем, что делают и чего не

делают партийные органы, может быть так же хорошо возмещено обратным контролем ЦК над деятельностью революционного пролетариата.*

Споры о роли интеллигентов и рабочих в партии

Внимательный читатель не мог не заметить, что организационные споры между меньшевиками и большевиками в период между 2-ым съездом и началом революции постоянно подводили к вопросу о роли, которую должны играть в партии интеллигенты и рабочие. Это были споры не об интеллигенции, как широко очерченной социальной группе, а о партийных интеллигентах, выходцах из буржуазной и мелкобуржуазной среды, с одной стороны, и о рабочих и выросшей из рабочего движения рабочей интеллигенцией, с другой.

Аксельрод в цитированной уже статье «Объединение российской социалдемократии и ее задачи» («Искра» №№ 55 и 57 от 15 декабря 1903 и 15 января 1904 г.) вставил этот вопрос в широкую историческую рамку. РСДРП «только стремится стать политической организацией рабочих масс, в действительности же, по составу своих руководящих элементов, она, пока **является еще преимущественно организацией лишь принципиальных сторонников пролетариата среди революционной интеллигенции**». И это не случайно. «Само тяготение радикальной интеллигенции к социализму и к пролетариату объективно, исторически в конечном счете вызывается и обуславливается не классовой борьбой последнего, а общедемократической потребностью нации и классов избавиться от гнета пережитков крепостнического

* Ленин во второй половине сентября послал в «Die Neue Zeit» ответную статью на критику Розы Люксембург, но вместо того, чтобы попытаться со своей точки зрения осветить в ней существование организационных разногласий внутри российской социалдемократии, заполнил статью множеством частных замечаний о том, что Роза Люксембург все развитие на 2-ом съезде и после съезда излагает совершенно неверно. Каутский отказался поместить эту статью и — что поразительно — Ленин, может быть сам неудовлетворенный статьей, не опубликовал ее ни листовкой в имевшемся у него тогда издательстве, ни в начавшем выходить тремя месяцами позже «Вперед». Статья эта вообще в течение более четверти века оставалась неизвестной и впервые была опубликована в 1930 году в т. XV «Ленинского Сборника», после чего вошла и в собрание сочинений Ленина. См. т. 7, стр. 439-450. — Ленин, видимо, болезненно воспринял критику Люксембург и не раз в течение 1905 года мимоходом возвращался к «пресловутой теории организации-процесса (см. особенно статьи Розы Люксембург)», к «теории Розы Люксембург, открывшей 'организацию-процесс'», к «премудрой аксельродовской (или люксембурговской?) теории организации-процесса». См. Ленин, «Сочинения», т. 8, стр. 45, 131, 260.

ской эпохи». И, с другой стороны, «историческая стихия, некоторыми своими сторонами, сама толкает наше движение в сторону буржуазного революционизма — наперекор нашим желаниям и нашему сознанию». В этой обстановке встает опасность, что «наше рабочее движение низведено будет до роли простого орудия в процессе нашей буржуазной революции».

На западе социалдемократия возникла, когда задачи буржуазной революции были уже разрешены — в революционном или эволюционном порядке. В России вставала еще задача осуществления буржуазной революции и завоевания самых основ буржуазного порядка. Отсюда громадная разница в общем характере условий формирования социалдемократии тут и там:

«На западе социалдемократия составляет и с самого начала составляла не что иное, как часть *самого пролетариата*, плоть от плоти его и кость от кости его. Он в одно и то же время — субъект и объект своего собственного классового воспитания и объединения. Планомерное воздействие западной социалдемократии на рабочие массы это — воздействие их наиболее передовых, наиболее принципиально-сознательных и организованных слоев на еще сравнительно отсталые слои тех же рабочих масс. Развитие классового самосознания и самодеятельности пролетариата является поэтому на западе процессом *саморазвития, самовоспитания* рабочего класса. У нас планомерное воздействие социалдемократии на эти массы означало воздействие на них *извне*, со стороны чуждого им социального элемента, воспитание их равнозначно было подчинению их руководству радикальной интеллигенции».

Это имеет глубокие политico-социальные последствия. Аксельрод рисует гипотетическую перспективу:

«Вообразим на минуту, что движение наше во всех этих отношениях (т. е. и в отношении привлечения симпатий революционной интеллигенции, и в отношении вовлечения рабочих в сферу влияния революционной интеллигенции. — С. Ш.) достигает идеальных результатов. Все радикальные элементы интеллигенции стали под знамя социалдемократии, группируются вокруг ее центральной организации, поддерживают последнюю всячески и доставляют ей непрерывно увеличивающийся контингент профессиональных революционеров, которые одни только могут входить в эти организации. Это с одной стороны. А с другой — рабочие массы, в еще большем масштабе, чем теперь, следуют ее указаниям и готовы повиноваться ей, как того требует цитированный в предыдущей главе (см. выше. — С. Ш.) устав одного из наших провинциальных комитетов. Что это означало бы? Какой социально-политический смысл скрывался бы под этим гипотетическим случаем? ...Мы имели бы в данном

случае революционно-политическую организацию демократической буржуазии, ведущую за собою в качестве боевой армии рабочие массы России. А для довершения своей злой иронии история, пожалуй, поставила бы нам еще во главе этой буржуазно-революционной организации не просто социалдемократа, а самого что ни на есть 'ортодоксального' (по его происхождению) марксиста».

Общественный подъем в 1904 году придал проблеме о социальном составе руководящих кадров социалдемократии, особенно вопросу о социальной характеристике руководителей местных организаций партии, большую остроту. Большевики отвергали самое существование этой проблемы и считали в русских условиях естественным и необходимым построение партийного аппарата, как аппарата, руководимого сверху до низу испытанными «профессиональными революционерами», т. е. за очень редкими исключениями выходцами из буржуазной и мелкобуржуазной среды. Концепция меньшевиков, впервые нашедшая себе отчетливое выражение в статьях Аксельрода в №№ 55 и 57 «Искры» и очень быстро воспринятая всей меньшевистской частью партии, как идеальная основа организационных — и в значительной мере и политических — взглядов меньшевизма, — непосредственно ставила в порядок дня задачу привлечения передовых рабочих к активному участию в организации, приближения руководящих партийных органов на местах к рабочим массам. Правда, все это в обстановке нелегального существования партии и чрезвычайно развитой системы полицейских преследований (и провокации) наталкивалось на огромные, часто непреодолимые трудности, и фактически руководимые меньшевиками организации **по социальному составу своих руководителей** мало отличались от организаций, руководимых большевиками. Но что резко отличало их друг от друга это принципиальная разница в отношении тех и других организаций к вопросу о роли в них интеллигентов и рабочих. Для большевиков самая постановка этого вопроса являлась проявлением «оппортунизма». Большевистская организационная концепция и в этом вопросе нашла свое предельное — и упрощенное — выражение в цитированном уже выше «письме уральцев», которое **прямо отождествляло «революционную социалдемократию с интеллигенцией** (и принимало как должное это тождество). Меньшевики принимали громадное преобладание интеллигентов в руководстве партийной работой на местах как пока **неизбежное зло**, пытались смягчить его, пользоваться каждой возможностью, чтобы стимулировать активность самих рабочих в организации. Во многих местах, где в партийных комитетах решительно преобладали большевики, это создавало трения между комитетом и «периферией», тяготевшей к меньшевикам, и во второй половине 1904 года трения эти привели к образованию

наряду с большевистскими «комитетами» значительно более влиятельных в рабочей среде меньшевистских «групп».*

* Положение это очень обострилось в связи с чрезвычайно напряженной борьбой в партии вокруг вопроса о созыве третьего партийного съезда. Мартов писал об этом в статье «Партийный съезд или съезд кружков?» («Искра», № 94 от 25-го марта 1905 года):

«Ни для кого не тайна, что в целом ряде комитетов вот уже целый год только почти и занимаются, что 'раскассированием' организованного пролетариата ради одной специальной цели — сохранить мандат для съезда за определенной группой. Работа эта увенчалась столь блестящим успехом, что во всех почти главных центрах, рядом с 'твердокаменными' комитетами, образовались разные 'группы', составившиеся из разного рода 'изгоев', причем эти группы *всегда* гораздо сильнее, многочисленнее и влиятельнее комитетов и несут на себе всю тяжесть действительного руководства движением масс. Чтобы не быть голословным, достаточно напомнить, что в памятные январские дни все усилия социалдемократической агитации во время массового стихийного подъема петербургского пролетариата явились результатом энергичной работы 'группы', и эта же группа в последнее время сумела закончить кампанию по поводу комиссии Шидловского блестящим успехом — принятием со стороны большинства выборщиков 'манIFESTA', которое означает принципиальное присоединение большинства этих свободно-выбранных представителей 100 тысяч рабочих к нашей партии. Неудивительно, что петербургская 'группа' объединяет в своей организации вдвое большее количество рабочих (около 500), чем официальный комитет; превосходство ее организаторских, пропагандистских и агитаторских сил еще более значительно. То, что наблюдается в Петербурге, мы встречаем и в других городах. В Риге вынужденная отойти от комитета группа в короткое время организует до 300 рабочих (у комитета их гораздо меньше) и сейчас же по своему возникновению оказывается во главе стачки русских рабочих, среди которых за год своего существования комитет не приобрел прочных связей. В Баку декабрьская всеобщая стачка не только подготовлена 'Балаханской и Бибиэйбатской организацией', составившейся из товарищей, 'раскассированных' комитетом, но и проведена ею же, вопреки активному противодействию комитета, который 'увлекся' до того, что заключил за спиной организации с капиталистами-промышленниками договор о прекращении стачки на самых жалких условиях и 'предписал' стачечникам принять эти условия... В Екатеринославе, как все знают, 'твердокаменный' комитет просто сошел со сцены, когда пришло известие о 9-ом января: ему нечего было делать с массой, с которой он, благодаря убийственному методу 'раскассировки', успел порвать все связи. Комитетская 'печать' перешла в руки работавших в массе меньшевиков, использовавших стачечные дни, как следует социалдемократам. В Николаеве, давней 'твердыне' впередовцев, точно также с началом массовой стачки комитет оказывается в руках меньшевиков. В Одессе изгнанные из

Но и меньшевики не могли в полной мере удовлетворить потребность активных элементов рабочего класса к превращению социалдемократии и в организационном отношении — по своему социальному составу — в их партию. На этой почве в меньшевистской и околоменьшевистской среде, особенно начиная со второй половины 1904 года, велись горячие споры об интеллигентах и рабочих. В этих спорах очень наглядно сказалось, как в среде активных элементов рабочего класса, в связи с пробудившимся у них ощущением своей неполноценности в партии, начало складываться какое-то чувство горечи, иногда враждебное, по отношению к партийной интеллигенции, уже не только большевистской, но и меньшевистской. Эти **анти-интеллигентские настроения** нашли свое резкое выражение в брошюре Рабочего «Рабочие и интеллигенты в наших организациях», выпущенной в самом конце 1904 года партийным (меньшевистским) издательством в Женеве вместе с обширной статьей П. Б. Аксельрода («Письмо к товарищам-рабочим. Вместо предисловия»), в которой автор разбирает аргументацию Рабочего и, хотя частью и дружелюбно, но очень решительно показывает нездоровий ее характер.** На этой брошюре и на статье Аксельрода необходимо остановиться.

Вопрос поставлен в брошюре, как читатель сейчас убедится, с чрезвычайной остротой. В какой-то мере она, вероятно, является отголоском недавней — два-три года назад — борьбы внутри российской социалдемократии между «экономистами» и «политиками» (в основном представленными «Искрой»), завершившейся на 2-ом съезде полной победой «политиков». Во время этой борьбы вопросы, касавшиеся непосредственных эконо-

комитетской организации меньшевики и 'примиренцы', образовав группу в январе, уже через два месяца стали во много раз сильнее комитета и распространили в массах за это время в несколько раз больше прокламаций, чем комитет. В Москве 'меньшевисты' и 'примиренцы', оживившие всю работу в январе, теперь подвергаются турецким, виноват! одесско-бакинским 'зверствам' со стороны твердого комитета, который считает долгом тратить свою драгоценную энергию на то, чтобы препятствовать развитию стачечного и политического движения масс, так как — стачки и манифестации мешают 'готовить восстание'. Можно привести 2-3 места, где 'твердокаменные' товарищи далеки от столь преступного отношения к интересам движения и работают очень хорошо (Тверь, Батум, Кутаис). Но исключение только подтверждает правило...

** Еще до выхода брошюры в свет «Вместо предисловия» Аксельрода появилось в виде статьи в № 80 «Искры» (от 15-го декабря 1904 г.) под заглавием: «Письма к товарищам-рабочим». Письмо первое: «Интеллигенты и рабочие в нашей партии». В брошюре эта статья была несколько расширена.

мических интересов рабочих, отступили на задний план перед вопросами «политики», и это всюду сказалось уменьшением и без того скромного влияния рабочих в руководстве партийной работой на местах. После 2-го съезда меньшевики пытались преодолеть неблагоприятные последствия этого развития, но при сложившейся обстановке это была трудная задача, особенно осложненная благодаря острой борьбе между большевиками и меньшевиками, в которой местным работникам и тем более рабочим, не имевшим возможности сколько-нибудь полнознакомиться с полемической литературой, было очень трудно разобраться, что приводило к тому, что рабочие часто склонны были относиться к этим спорам, как к интеллигентским «дрязгам».

Для автора брошюры основным вопросом («имеющим чуть ли не самое важное значение в нашей партийной жизни»), разрешение которого необходимо для «обеспечения здорового и успешного развития нашей партии», является вопрос «о взаимных отношениях рабочих и интеллигентов в наших организациях» (стр. 18). Ставит его он очень остро, прямо обвиняя «наших практиков», «интеллигентов» тож, в прямом желании не допускать передовых рабочих к сколько-нибудь заметному влиянию в руководстве местной работой. Кстати сказать, это относится только к местной работе; о центральном, главным образом «теоретическом», руководстве автор говорит совсем иначе, о чем еще будет речь ниже. Но по отношению к «нашим практикам» автор в своих обвинениях не знает границ:

«Наши руководители-интеллигенты никогда или почти никогда не ставили себе задачей на первом плане развивать сознание и самодеятельность даже тех рабочих, с которыми им приходилось более или менее близко соприкасаться. Более того, в последнее время положение это приняло даже такой характер, что наши практики не только не старались вовлечь сознательных рабочих в руководство партией, но все подобные их стремления к самодеятельности снизу вверх, сознательно или бессознательно, систематически преследовались. На такой то неблагодарной почве и вырос тот злосчастный антагонизм между рабочими и интеллигенцией, который особенно теперь требует своей ликвидации.

И если в период 'экономизма' рабочие в своих профessionально-цеховых организациях пользовались известной самостоятельностью, которая дала могучий толчек развитию в них стремлений к самодеятельности, то последовавший за ним период — 'период политицизма' — с водой из ванны выплеснул и ребенка. Наши практики-политики, вступая в ожесточенную борьбу с этими сложившимися рабочими организациями, не только не старались поднимать и приспособлять их к выполнению более сложных назревших в то время задач и тем обеспечить

за имевшимися уже тогда сознательными рабочими дальнейшее, более правильное развитие их самодеятельности, но эти стремления рабочих стали почему-то казаться нашим практикам столь подозрительными, что некоторые чуть не с гордостью стали констатировать тот факт, что в руководящих учреждениях партии нет рабочего элемента!

Итак, комитеты наши праздновали победу: враг был побежден!» (стр. 19-20).

Добившись «поражения рабочих», «интеллигенция» обеспечила себе положение, которое «позволяло ей быть независимой от рабочих в деле руководства, и тем самым с легким сердцем идти в сторону 'генеральства'» (стр. 36). И сейчас «наши нынешние практики-интеллигенты, — приходится сознаться в этом, — являются в массе своей проводниками антипролетарских тенденций» (стр. 37).

Автор пытается даже дать этому развитию социологическое объяснение. Обращаясь к «практикам-интеллигентам», он пишет: «Такое ваше отношение к рабочим, а, следовательно, к пролетарскому движению, не есть продукт вашей воли, а является для вас продуктом психики вашей, которая в свою очередь есть не что иное, как **продукт вашего классового, группового инстинкта**» (стр. 50). И он — несколько идиллически — пытается убедить эту классово-враждебную пролетариату интеллигенцию «освободиться» от влияния своего классового «инстинкта» путем «чистосердечного сознания в ошибке, если данные поступки ваши направлены против 'самодеятельных' стремлений пролетариата» (стр. 50).

Все это относится отнюдь не только к большевистской, «ленинской» интеллигенции: «не нужно предаваться излишним иллюзиям и относительно интеллигенции так наз. мартовской» (стр. 42).

Правда, — и тут автор, может быть, непоследователен, — все это относится к «практикам», к руководителям партийной работы на местах. К «теоретикам», по крайней мере, к меньшевистским «теоретикам», у него совсем иное отношение, «Сознательные пролетарии, не получая отклика на свои законные стремления от наших нынешних практиков-интеллигентов, естественно ждут этого отклика от наших теоретиков» (стр. 33). «К счастью, наша партия за долгие годы разброда все же не утратила, хотя бы в лице теоретиков 'меньшинства', тех истинно-пролетарских вождей, без которых ей, как пролетарской, не существовать» (стр. 29).

В чем же выход? Автор решительно подчеркивает, что речь идет о чем-то гораздо большем, чем пополнение комитетов рабочими: «Я, конечно, не говорю о том, чтобы ввести дюжину, другую рабочих в комитеты, а о том, чтобы перенести сознатель-

ную работу руководства от верхов партии в слой сознательных рабочих» (стр. 34). Под «верхами партии», автор, видимо, понимает здесь верхи местных организаций. Вопроса, как осуществить его идею, автор уже не касается.

Аксельрод в своем «Вместо предисловия» к брошюре подчеркивает решающее значение «широкой инициативы и активности» передовых рабочих для судеб рабочего класса и социалдемократии в русской революции и полностью солидаризируется с автором брошюры в этом вопросе. Но автор брошюры объясняет фактически ничтожную роль рабочих в руководстве местной социалдемократической работой антирабочими в основе своей настроениями социалдемократической интеллигенции и, как показано выше, пытается даже дать этим настроениям «классовое» объяснение. Аксельрод эту концепцию решительно отвергает:

«В высшей степени прогрессивное и отрадное стремление наших передовых социалдемократических рабочих обеспечить себе полную возможность активного участия в обсуждении и решении всех дел своей партии принимает в брошюре форму одностороннего протesta против как бы сознательного намерения 'интеллигентов'-социалдемократов во что бы то ни стало закрепить за собой привилегированное положение в партии и всякими средствами удерживать пролетариев в роли подчиненных и послушных им 'помощников'» (стр. 5-6).

И это далеко не только теоретическая ошибка автора; ошибка эта может иметь и очень тяжелые практические последствия:

«К чему должна была бы привести на практике, в чем должна была бы выразиться тенденция сводить все наши очередные задачи к изменению состава 'наших партийных организаций' и самый вопрос о поднятии инициативы и самодеятельности рабочих внутри партии формулировать и решать, как вопрос о доставлении последним численного преобладания в этих организациях над 'интеллигентами'? Во-первых, воскрес бы к новой жизни блаженной памяти 'демократизм', несовместимый с условиями существования революционных организаций при абсолютизме и потому на практике всегда вырождающийся в противоположность, служа при этом ширмой для честолюбивых интриганов и открывая даже доступ в организацию ловким провокаторам. Во-вторых, разгорелась бы борьба сторонников минимого 'демократизма' в партийной организации с его противниками. И в еще гораздо большей степени, чем лозунг 'чисто рабочее движение' эпохи 'экономизма', клич 'да здравствуют истинные пролетарии, долой интеллигентов!' стал бы для всевозможных демагогов средством развращения рабочих и дезорганиза-

ции партии. Читатели, помнящие подвиги полицейских демагогов зубатовской школы, легко представят себе, в каком смысле могли бы использовать партийные междуусобия на указанной почве представители реакции» (стр. 6-7).

Аксельрод показывает, как с первых же своих шагов, со временем Группы Освобождения Труда, российская социалдемократия стремилась пробудить общественно-политическую активность передовых элементов рабочего класса и на этой основе создать рабочую партию. Развитие пошло иным путем в силу причин, не раз освещавшихся в литературе; но сейчас проблема активной роли передовых рабочих в партии встает вновь в условиях, позволяющих рассчитывать на благоприятное ее развитие.

Процесс преодоления кризиса, переживаемого социалдемократией, сложнее, чем это кажется автору брошюры. Как ни важен вопрос, — пользуясь терминологией автора брошюры, — об «антагонизме между рабочими и интеллигентами» «в наших организациях», вопрос этот, пишет Аксельрод, «не только не охватывает главных, или точнее главной очередной нашей задачи, но наоборот, входит в нее, как составная часть, и вне ее, самостоятельно, в социалдемократическом смысле, радикально не может быть и разрешен» (стр. 5). Аксельрод развивает свою мысль:

«Вопрос, специально занимающий автора брошюры, радикально может быть разрешен только в процессе сознательной коллективной работы нашей партии, систематически направленной на организацию и на вовлечение все более и более широких масс пролетариата в сознательную и организованную борьбу за свои классовые интересы... Только на почве и в атмосфере этой борьбы происходит процесс развития классового самосознания и объединения пролетарских масс в самостоятельную политическую партию... И именно в процессе развития классовой самодеятельности рабочих масс, выступая инициаторами, руководителями и организаторами их в борьбе за экономические, политические и умственные интересы пролетариата, наша 'рабочая интеллигенция' может, — поглощая в себе 'интеллигентов' и тем самым сливаюсь с ними, — приобрести то положение в российской социалдемократии, которое вполне соответствовало бы ее программе и ее принципиальному назначению, как партии пролетариата» (стр. 9).

Здесь — иногда кажется, что еще почти ощущаю, — намечается мысль о путях «реформирования партии», которая в течение всего 1905 года будет усиленно занимать руководящие круги меньшевиков. Это была в сущности меньшевистская проблема. Большевикам самая мысль о «реформировании» партийной организации казалась еретической и «оппортунистической».

Конечно, и большевики чувствовали растущее недовольство рабочих сложившейся формой партийной организации, обеспечивавшей в партии всю «власть» на местах организуемым и контролируемым сверху «комитетам», в которых безраздельно господствовали «профессиональные революционеры». Поэтому и большевики ставили вопрос о привлечении в комитеты рабочих. Но это не должно было ни в какой степени изменить характер организации, а должно было лишь улучшить связь комитетов с рабочими и часто в основном преследовало лишь социально-«декоративные» цели.*

(Статья вторая следует: Организационный консерватизм или реформирование партии. — Проблема рабочего съезда. — Партийные организации в «дни свободы». — Разгром).

* Очень наглядно это сказалось в письме в Женеву секретаря Петербургского Комитета и Бюро Комитетов Большинства Гусева в марте 1905 года. В. Невский «Рабочее движение в январские дни 1905 года» (Москва, 1930 г., стр. 159) рассказывает об этом:

«Только в марте (1905 г.) большевистская организация под ударами действительности учитывает огромное стремление рабочих масс к самодеятельности и самостоятельности, пытается оживить свою интеллигентскую организацию притоком живых сил из самой рабочей среды:

«Необходим циркуляр по организационным вопросам — пишет товарищ Гусев заграницу — и специально по вопросу о введении рабочих в комитеты. Необходимо подчеркнуть важность условия, при котором это может быть сделано. Рабочих следует вводить не по степени их начитанности, а по степени их революционности, преданности, энергичности и влиянию. Теперь таких много и *большую частью из неорганизованных рабочих*, которые большую частью очень молоды, и хотя начитаны в социалдемократической литературе, но не обладают политическими качествами политических вождей. Затем я уже писал вам о перенесении базиса организации — конспиративной работы — на рабочие квартиры. Конкретно это означает, что *часть наших нелегальных лучших сил должна внешним образом оработаться*» (Подчеркнуто мною. — С. Ш.).

На заре Коминтерна

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Тов. Томас», записи рассказов которого печатаются ниже, это — партийно-политический, внутри-коминтерновский псевдоним человека, который в первые годы существования Коминтерна, в 1919-25 г. г., сыграл весьма значительную роль во внутренней жизни последнего. Важно не только то, что он был первым официальным представителем Исп. Ком. Коминтерна на Западную Европу и одновременно первым же представителем ЦК РКП(б) при компартии Германии, — еще важнее, что он был центральной фигурой по распределению средств, которые советское правительство, в разных формах и под различными официальными титулами, передавало коммунистам Запада. А именно через эти ворота, — при помощи денежных субсидий из Москвы, — пришло подчинение компартий Запада политическому контролю советской диктатуры, — пришло превращение этих компартий в послушные орудия советской внешней политики.

Весь этот ранний период Коминтерна, когда «тов. Томас» играл в его деятельности такую решающую роль (в рассказах ветеранов коминтерновского строительства он совсем не случайно известен под именем «эпохи тов. Томаса»), — до сих пор по существу совершенно неизвестен историкам: в официальных и официозных работах по истории Коминтерна имя «тов. Томаса» вообще не упоминается, — историки же не коммунистические о нем или знают очень мало, или опасаются пускаться в плавание по морю внутренних интриг и сложных (часто скандальных) денежных историй. А между тем значение этого периода исключительно важно: в те годы, когда бюрократическая машина Коминтерна ни заграницей, ни в Москве еще не успела прочно закрепиться, многие внутри-коминтерновские линии развития выступали с большей ясностью и простотой.

Печатаемые ниже записи рассказов «тов. Томаса», впервые дающие более или менее связное представление о деятельности последнего (точнее: о первых годах этой его деятельности), нуждаются в пояснениях, — как в отношении их происхождения, так и в отношении их значения. Они были сделаны автором этих строк почти 30 лет тому назад, — и притом сделаны крайне наспех, без необходимой последовательности и не доведены до конца. Все это — результат тогдашней обстановки, — и знать эту обстановку, помимо всего прочего, необходимо для понимания необычной откровенности рассказчика-коммуниста.

В мае 1935 г. мне пришлось побывать в Праге, где Форштанд немецкой с.-д. партии тогда имел свой центр для подпольной работы на гитлеровскую Германию. Один из работников этого центра, — не помню точно, кто именно — знаяший что я собираю материалы по истории Коминтерна, сообщил мне, что в Праге находится «тов. Томас», который недавно выбрался из Германии и очень хотел бы со мною повидаться. С этим «тов. Томасом» до того я лично не встречался, но о нем, конечно, знал немало — и прежде всего знал, что он осведомлен о многих секретах из истории раннего Коминтерна. Это определило мой ответ: я действительно был крайне занят, но готов был найти время для встречи, если «тов. Томас» будет откровенно рассказывать о прошлом... Буквально через 5-10 минут меня позвали к телефону: говорил «тов. Томас», который был готов рассказывать обо всем, что меня интересует, но предупреждал, что и у него имеется просьба ко мне.

Наша встреча состоялась в тот же вечер, 20 мая 1935 г. Его просьба была действительно большой: он собрал огромную библиотеку по истории Коминтерна и революций русской и немецкой, а также ценнейший архив с документами и письмами Ленина, Троцкого, Зиновьева, Бухарина, Радека и многих других, с полным подбором его собственной переписки с Москвою, с массою других важных документов. По словам «тов. Томаса» все это он собирал для будущей «документальной истории Коминтерна», которую собирался написать, и хранил в Германии, в месте, которое считал вполне надежным. Приход Гитлера его испугал сравнительно мало: у него были влиятельные друзья, которые уверяли, что гарантируют архив от всяких неприятных неожиданностей. Теперь он видит, что его надежды были ошибочны: многих из тех, кто его успокаивал, уже нет, и все их гарантии, конечно, недействительны... В этом основа его просьбы ко мне: он знал, что я сумел в 1933 г. вывезти из Берлина архив с.-д. партии, и теперь спрашивал, нет ли возможности то же сделать с его архивом. Он был согласен на любые условия, готов был передать свой архив на хранение в архив германской с.-д. партии, который тогда находился в Париже под моим хранением; надеялся найти деньги, необходимые на расходы по вывозу, — только бы спасти от гибели собранные им материалы...*

Нет нужды говорить, что мое сочувствие было полностью на стороне «тов. Томаса». Я был готов сделать все, что от меня зависело, — но вывоз архива из гитлеровской Германии, который в силу особых условий оказался возможным в мае 1933 г., никак не мог быть повторен в мае 1935 г. Я был готов сделать шаги для выяснения обстановки, — но шансов на успех не ви-

* Каково было к этому времени его отношение к компартии, я его не спросил, но мне было очевидно, что в этом вопросе он пережил глубокий кризис.

дел... Забегая вперед, скажу здесь же, что эти шаги не дали результатов и весь архив «тov. Томаса» погиб в годы войны. Часть библиотеки уцелела, — не самая ценная. После войны она была привезена в Америку и здесь, уже после смерти «тov. Томаса», по его завещанию, передана одному из молодых американских университетов (ознакомиться с нею мне не удалось). Сам «тov. Томас» умер в Америке, — лет 10-12 тому назад. «Документальная история Коминтерна» им не была написана, — похоже, она не была даже начата писанием, — и печатаемая теперь моя запись его рассказов, повидимому, единственное, что осталось об его деятельности, — конечно, не считая документов, которые хранятся в Москве, но которые историкам станут доступны, конечно, лишь очень не скоро...

Разговоры об архиве скоро переросли в разговоры о прошлом. «Тов. Томас», действительно, имел о чем рассказать, и как ни был я тогда ограничен временем, я должен был признать, что одного вечера никак не хватит для этих разговоров, — и до сих пор не могу себе простить, что не задержался в Праге еще на несколько дней для доведения их до конца.

Память у «тov. Томаса» была хорошая, цепкая, — она удерживала не только внешние факты и даты, но и содержание старых споров, различие формулировок. Он не был ни теоретиком, ни политиком. Ко всем вопросам он подходил, как практик, — но как практик достаточно широкого размаха, умевший видеть связь частного с общим. Быстро выяснилась и основная трудность его рассказов: у него было слишком много интересного материала, — о людях, о политических спорах, о закулисных отношениях. Конечно, весь этот материал никак нельзя было втиснуть даже в два вечера самых уплотненных бесед. Поэтому мы установили определенные рамки: все частные вопросы, касавшиеся деятельности Коминтерна в отдельных странах, решено было из рассказа устраниТЬ; особенно это важно было с вопросами деятельности компартии немецкой, где отношения были особенно запутанными и сложными, — а в центр рассказа поставить вопросы, касавшиеся деятельности центра Коминтерна, сношений этого центра с отдельными партиями, и специальный вопрос о личной роли Ленина.

Был ли «тov. Томас» полностью откровенен в своих рассказах и оценках? Он все время подчеркивал, что не собирается ничего скрывать и затушевывать, — и у меня сложилось впечатление, что он действительно стремится передавать дело так, как оно в действительности было. Я сильно сомневаюсь, что это ему полностью удавалось: его настроения 1935 г., конечно, существенно отличались от его настроений 1919-20 г. г. Он настойчиво подчеркивал свое почти постоянное согласие с позицией Радека, который в те времена был наиболее последовательным противником всяких авантюров, — и я не вполне уверен, что в этом вопросе «тov. Томас» свои позднейшие оценки не переносил на

прошлое. Но такое перенесение могло относиться только к частностям, к деталям. В основном, по всему своему складу «тов. Томас» не мог не принадлежать к противникам авантюр, — и поэтому его общая характеристика своей позиции, мне кажется, вполне правильной.

Но есть одна группа вопросов, в освещении которой, как я теперь склонен думать, «тов. Томас» сознательно не был со мною откровенен, — и этот момент я считаю необходимым здесь отметить.

Выше я сказал, что приход Гитлера ко власти в 1933 г. сравнительно мало напугал «тов. Томаса» и об отъезде из Германии он тогда не думал, хотя он был и евреем, и коммунистическим издателем, охота за которыми гитлеровцами велась с самого начала. Настроения «тов. Томаса» изменились с конца 1934 или начала 1935 г., когда он решил уехать за границу и спасти свой архив. Что произошло за эти два года такого, что так радикально изменило настроения «тов. Томаса»? Ответ на этот вопрос найти не так трудно: летом 1934 г. Гитлер провел разгром не только своих штурмовиков во главе с кап. Ремом, но и «политических генералов», возглавляемых Шлейхером и Бредовым, т. е. ту самую силу, которая в течение всех послевоенных лет строила в Германии политику союза рейхсвера с советской диктатурой для совместной борьбы против западных демократий. «Влиятельные друзья», которые перед приходом Гитлера к власти давали «тов. Томасу» гарантии его личной безопасности и сохранности его архива, но которые оказались бессильными выполнять свои обещания в 1935 г., могли принадлежать только к этой группировке. Только она одна имела достаточно авторитета, чтобы давать подобные гарантии, — а «тов. Томас» не был чрезмерно легкомысленным человеком, чтобы принимать на веру слова людей, не имевших достаточной силы...

Я подчеркиваю, что «тов. Томас» мне ничего об этой стороне своей биографии не рассказывал. Это — **мой** вывод, но я убежден, что этот вывод правилен: человек, который начиная с 1919 г. занимал ответственнейшие посты представителя в Берлине и Исп. Ком. Коминтерна, и ЦК РКП(б); который покупал аэропланы для посылки в Москву Энвера и устраивал взрывы шедших из Франции эшелонов с артиллерийским снаряжением в дни совето-польской войны, не мог не быть посвященным в тайну секретных сношений между советской диктатурой и немецкими реваншистами. Останавливаться на этой стороне биографии «тов. Томаса» я теперь не имею возможности, но я считаю нужным подчеркнуть, что многое в этой биографии можно будет понять только при учете этой стороны деятельности «тов. Томаса», которая полностью выпала из его рассказов мне. В беседе со мною он был, — я полагаю, — полностью откровенен во всем, что касалось **политической** деятельности и ЦК РКП(б),

и Коминтерна, — но он полностью умалчивал о своей причастности к сложной и азартной игре немецких и советских реваншистов...

Должен добавить, что я, конечно, пытался контролировать правильность рассказов «тов. Томаса», — результаты моих поисков в этих направлениях отражены в печатаемых комментариях. Конечно, в его рассказах могут быть и неточности, и прямые ошибки, — в тех условиях, в которых шли наши беседы, было бы странно, если бы ошибок не было. Наверное, какая то часть из них ложится на мою ответственность: в течение двух вечеров наши беседы растягивались на много часов, — и записи я делал наспех, отрывочно, не владея стенографией. Правда, записи первого вечера я тогда же перебелил и прочел «тов. Томасу», — причем в основе их он одобрил, сделав большое количество дополнений и уточнений. Не сомневаюсь, что записи второго вечера в дополнениях и уточнениях нуждались еще больше, — тем не менее, я убежден, что и в их теперешнем виде, при всех несомненных недочетах, печатаемые записи являются цкенным документом для понимания ранней истории Коминтерна.

В заключение я должен обратить внимание еще на одну сторону печатаемых записей: я всюду называю рассказчика только его официальным коминтерновским псевдонимом: «тов. Томас», — нигде не делая попыток установить его настоящую фамилию. Я делаю это вполне сознательно, т. к. установить совершенно точно настоящее имя «тов. Томаса» мне так и не удалось: я знаю, под каким именем этот «тов. Томас» жил перед революцией в Берне; знаю, на какое имя был сделан тот же «железный» паспорт, позаботиться о котором в 1919 г. Ленин поручил лично Дзержинскому; я знаю, наконец, какой паспорт получил «тов. Томас» в 1926 г. в Москве, когда он покинул последнюю, ликвидировав свои официальные отношения с Коминтерном, и с которым он позже приехал в Америку, — но имею основание считать не настоящими все те имена, которые стоят в этих документах. Я понимаю, что невыяснение этого вопроса является существенным недочетом: настоящая фамилия «тов. Томаса», конечно, была бы крайне полезна для понимания, откуда именно «тов. Томас» пришел на коминтерновскую работу, — какое именно революционное прошлое стояло за его плечами. К сожалению, выяснить этот вопрос с необходимой точностью не удалось, — а в этих условиях, по моему мнению, прямое признание вопроса нерешенным лучше, чем решение, которое не может быть бесспорно доказано. Важно одно: крестным отцом «тов. Томаса», который снарядил его на коммунистическую работу в Европе, вручив ему чемоданчик с бриллиантами и другими драгоценными камнями, был — по прямому поручению Ленина — Фюрстенберг-Ганецкий.

Бор. Николаевский

РАССКАЗ «ТОВАРИЩА ТОМАСА»

В 1918 г. я работал в советской миссии в Берне, редактировал «Руссише Нахрихтен» и пр.¹. В ноябре 1918 г., после известной стачки,² был арестован. Предавать нас суду швейцарское правительство не захотело, и все, имевшие отношение к советской миссии, были высланы из Швейцарии. На пути, в Базеле, от Велти³ я узнал о расстреле Розы Люксембург и Карла Либкнехта, — это позволяет установить точную дату высылки.⁴

Через Германию ехали 18 дней. Это была скачка с препятствиями. В Котбусе нас чуть не расстреляли правые немцы. В Минске мы едва не попали в руки петлюровцев.^{4а} В Москву приехали в начале февраля 1919 г. Здесь на вокзале нас встретили Литвинов, Каракан и др. Повезли в Метрополь. Приехал я утром, а вечером, в 5 час., я уже работал в НКИД у Чичерина. Но работы там по существу никакой не было. Как то раз зашел Свердлов и забрал меня: здесь вам делать нечего, а у нас отдел советской пропаганды без руководства.⁵ После того, как Радек уехал в Германию,⁶ в этом отделе с работниками дело, действительно, обстояло крайне плохо: вся работа лежала на Осинском-Оболенском,⁷ который с нею неправлялся. Так я перешел к Свердлову. В отделе, кроме Осинского, работал также Любарский, бывший секретарь советской миссии в Швейцарии.⁸ Издавали бюллетени, посыпали через Север (Финляндия) и пр. Дела и здесь было мало.

Внезапно встал вопрос о международной коммунистической конференции. Как точно началось дело, я сейчас не могу припомнить. Кажется, приехала Анжелика Балабанова из Стокгольма с рассказом о работе Циммервальдской комиссии.⁹ Ильич загорелся своей старой идеей: надо ломать социалистические партии, которые, по его словам, все прогнили и куплены штабами. Ему удалось уговорить Троцкого и Балабанову. Последняя жила сентиментами. С Зиновьевым у Ленина, повидимому, сговор был еще раньше. Легко согласился Карл Моор¹⁰ Он приехал в Россию искать русских красивых девиц (слаб был на это старик) и получать деньги, которые когда то давал в долг русским эмигрантам. Потом приехал Раковский и его быстро уломали на это предприятие.

Согласие Раковского и Моора, повидимому, решило дело, и вскоре наш отдел советской пропаганды получил указание: снести с левыми группами и пригласить их на конференцию. Организовывали дело практически мы трое: Осинский, Любарский и я. Сначала наметили: кого нужно пытаться звать. Это были: Лорио, Суварин во Франции, Пелузо в Испании, Сератти в Италии, итальянский эмигрант-дезертир Мисиано в Швейца-

рии, Коричонер в Австрии. Помню, говорили о «тесняках» болгарских (кажется, о Благоеве), об Иозефе Штрассере из Австрии, об Юлиусе Альпари и др. Вообще имели в виду всех, кто во время войны зарекомендовал себя, как левый. Серб Мильчић, — депутат с.-д., противник войны, заочно приговоренный к смертной казни, приехал еще со мной.

Особенно трудным был вопрос о Германии. Там была оформленная коммунистическая ячейка, но Ильич боялся, что она будет против его плана. Поэтому он специально настаивал на необходимости снестись не только с берлинским центром «Спартака», но и с провинциальными группами, — в частности с бременцами «Арбейтерполитик» и с Гамбургом, где работал тогда Закс-Гладнев, собравший вокруг себя целую группу.

Приглашения были посланы с курьерами. Среди них не было ни одного хотя бы в малой мере политически подготовленного, — хотя бы только для того, чтобы рассказать о положении дел в России. Все это были военнопленные, торопившиеся домой и сочувствовавшие коммунистам (или только говорившие, что сочувствуют). Им давали деньги, зашивали написанные на шелке письма в шапки или в брюки. Просили только об одном: передать по назначению. Было послано, как я помню, 24 таких курьера, — после мы подсчитали, что письма перевезли и по адресам доставили только 3-4 человека. Что стало с остальными, мы так и не узнали.

Опасения Ленина относительно немецких спартаковцев оказались основательными. Роза Люксембург не доверяла Ленину и боялась, что западно-европейские коммунисты попадут в плен Москвы. Это настроение осталось и у ее преемников, во главе которых в это время стоял Лео Иогихес (Тышко). От них делегатом приехал Гуго Эберлейн с твердым и ясным мандатом: «Спартак» против создания нового Интернационала. Они исходили из убеждения, что твердых коммунистических партий на Западе еще нет, — что их надо еще создать. Пауль Леви мне потом (это было еще до его разрыва с Коминтерном) говорил, что Иогихес ему объяснял, почему он выбрал именно Эберлейна: он был известен, как очень ограниченный, даже тупой человек, но упрямый и настойчивый, а потому его, уверял Иогихес, в Москве переубедить не удастся. Это верно. Эберлейн оказался крепким орехом. Сразу же после приезда он заявил Ленину, что приехал только с информационными целями и в создании нового Интернационала ни в коем случае участия не примет. Все над ним бились, — и Троцкий, и Ленин, не говоря уже об иных, более мелких. Все доводы отскакивали, как от стены горох.

Его поселили у жены Мархлевского, в Первом доме Советов (Националь), и ей, вместе с Балабановой дали инструкции, как обрабатывать. С большим трудом достигли соглашения: он должен был заявить, что, ознакомившись в Москве с положением, он лично пришел к выводу о правильности московского проекта,

но не может голосовать за создание Коммунистического Интернационала, так как имеет императивный мандат. Сколько ни старались, как его ни обхаживали, ничего не удавалось. Единогласие при решающем голосовании по этому вопросу на конгрессе было достигнуто при помощи трюка, о котором речь будет дальше.

Чтобы не получилось впечатления, будто вся германская коммунистическая партия против создания Коммун. Интернационала, был заранее подготовлен и второй немецкий делегат, Клингер, немец из Поволжья, который никогда никакого отношения к германской коммунистической партии не имел. Так как с Эберлейном дело устроилось, то Клингер в качестве представителя Германской партии не выступал, — ему дали голос от немцев коммунистов из поволжских колоний.

Подготовительной работы для Конгресса не велось никакой: не было ни совещаний, ни докладов, ни дискуссий. Только подбирали публику из бывших русских эмигрантов, которые имели хотя бы отдаленное отношение к рабочему движению этих стран и потому могли бы с какой-то видимостью основания выступать в качестве делегатов. Таким образом Борис Рейнштейн¹¹ попал в делегаты от Американской Социалистической Рабочей партии.

С другой стороны, очень заботились, чтобы делегации отдельных стран не составлялись из людей, сколько-нибудь самостоятельных. Помню случай со швейцарцами. Из Швейцарии приехал Фриц Платтен, — человек, казалось бы, вполне надежный. Но про него говорили, что он имеет свои мнения. Поэтому к нам, в тройку технических организаторов конгресса, как-то приходит Чичерин и ошарашивает вопросом: где товарищ Катчер? Эта Катчер — женщина с авантюристической жилкой играла в оппозицию в швейцарском женском движении, в Россию приехала вместе с Платтеном, — конечно, без намека на какие-либо мандаты. К тому же она вообще имела плохое имя. Платтен был возмущен, — но без результата: Ленин настоял на своем, и на конгрессе Катчер¹² присутствовала.

Колоритной фигурой на конгрессе был Рутгерс, — голландский инженер, в высоких охотничьих сапогах, пробравшийся в Москву из голландских колоний через Японию-Сибирь.¹³

С открытием конгресса несколько задержались: ждали прибытия Гильбо, чтобы в числе участников был какой-либо француз. Не дождались и открыли. А затем вдруг вызов по Морзе из Минска от Иоффе, который сидел там и ждал, что его вот-вот пустят в Берлин: Гильбо приехал. Ленин оживился: при всем своем опыте, он сильно переоценивал Гильбо. Положение на железных дорогах было исключительно трудным, но за Гильбо послали специальный паровоз, который топили дровами. На этом паровозе и привезли Гильбо с женой (заурядной француженкой, которая никакого отношения ни к чему не имела).¹⁴

В самый разгар подготовки конгресса пронесся слух, что

в Россию едет делегация западно-европейских социалистов во главе с Карлом Каутским.¹⁵ Эти слухи вызвали настоящий переполох. Ленин как раз перед тем кончил писать свою книгу о «ренегате Каутском» и сдал мне рукопись для организации перевода на немецкий. Переводила Фрида Любинер, и Ленин, как только узнал о предстоящем приезде Каутского, начал торопить. Он взволнованно говорил: необходимо, чтобы Каутский тотчас же после переезда границы получил эту брошюру в качестве первого подарка... Другой заботой Ленина в связи с этой делегацией была подготовка приема и квартир. Это дело он поручил лично Каракану, который должен был взять его в свои руки: Ленин требовал, чтобы прием был устроен как можно лучше. В тогдашних условиях это было очень не легко. Дом Каракан нашел, — это был особняк какого-то сахарозаводчика на Софийской набережной (кажется, это был дом Терещенко). С продовольствием обстояло многое труднее. Помню, как мне Каракан раз похвастался, что имел большую удачу: достал мешок риса и несколько кур...

Как известно, делегация с Каутским не приехала, — куры и рис пошли делегатам Коминтерна...

**

Сам конгресс не представлял большого интереса. Заседали в малом зале дома Судебных Установлений. Порядок дня и все документы легко найти в протоколах. Отмечу, что доклад о белом и красном терроре делал Чicherин, выступивший под псевдонимом. Никаких фракционных совещаний и обсуждений не было. Тезисы Ленина даже не были предварительно прочитаны. Манифест писал Троцкий, который для этого во время заседания уходил в боковую комнатушку. Писал он по-немецки прямо набело, — по написании тотчас же, без обсуждения с кем-либо, огласил. Приняли без дебатов.

Единственная проблема, которая всех занимала, был вопрос об Эберлейне (на конгрессе был под псевдонимом Альберт): как провести голосование, чтобы несогласие немецких коммунистов не было подчеркнуто? Ведь в конце концов он был единственным делегатом из Западной Европы, который представлял какую-то группу...

Обстановка на конгрессе была довольно серая. Подъем вызвало появление австрийца Губерта-Штейнхардта. Оно было действительно картино и хорошо инсценировано. Во время какой-то речи, когда все дремали, с шумом распахнулась дверь и в зал, предшествуемый кем-то из служителей, ворвался человек в походной форме австрийского солдата. Обросший бородой, в порванной шинели (одна пола совсем оторвана), он прошел прямо к президиуму:

«Я — делегат от австрийских коммунистов».

Затем вынул нож и стал вспарывать шинель, откуда извлек мандат. Произнес речь, почти плача, рассказывал, что ему при-

шлось перенести, когда он пробирался через фронты на Украине. Было, действительно, жутко. Когда кончил, кто-то из-за стола президиума шепнул:

— Провозгласите: «Да здравствует конгресс Коммунистического Интернационала!»

Австриец так и сделал. Это было впервые, когда слово «Конгресс Коммунистического Интернационала» было сказано.

Затем был доклад Балабановой о работе Циммервальдской комиссии, после чего она вместе с Раковским внесла предложение о ликвидации циммервальдского объединения. Тогда кто-то, — или Ленин, или Зиновьев, — внес предложение принять постановление о создании Коминтерна, и объявить себя первым конгрессом последнего. Об этом предложении часть делегатов была заранее осведомлена и тотчас же устроила овацию. Все встали и подняли руки, запев Интернационал. Общая атмосфера захватила и Эберлейна, который тоже поднял руку. Председатель воспользовался этим и констатировал, что предложение принято единогласно.

Эберлейн был очень смущен, но протестовать не мог.

После этого встал вопрос об исполнительном органе. Это был единственный вопрос, по которому было что-то похожее на совещание фракции. Вышло более или менее случайно: Ленин, Зиновьев, Бухарин, Раковский и я. На место секретаря выдвинули Воровского. Был вопрос о Балабановой. Что делать? УстраниТЬ неловко: она так хорошо себя вела. Но Зиновьев категорически заявил, что с ней работать нельзя. Раковский предложил отправить ее на Украину, где он даст ей ответственную работу. Кто-то указал, что можно будет это сочетать с работой для Коминтерна... Ухватились, — и тут же решили создать украинское бюро Коминтерна во главе с Балабановой и с задачей сношений с балканскими и вообще пограничными странами.

Бюро Коминтерна было сконструировано в следующем составе: Зиновьев (председатель), Воровский (официальный секретарь, — но болел и мало работал), Берзин-Винтер (его заместитель), Клингер (технический секретарь), Бухарин, Любарский («Карло») и я.¹⁶ Отвели нам дом, где раньше жил Мирбах:¹⁷ огромный особняк, — не знали, что делать.

Я вскоре уехал в Петроград — печатать № 1 «Коммунистического Интернационала». Повез два мешка хлеба для наборщиков. Получив хлеб, работали быстро, — конечно, относительно быстро. Но все же работа затянулась. Я жил в «Астории». Передовая была написана Зиновьевым: революция идет и через год разве только в Америке и в экзотических странах социалистическая революция не станет актуальной проблемой. Моя статья о положении в Германии была выдержана в том же духе... Перепечатывая этот номер через несколько месяцев в Германии, я мою статью вообще выкинул: было стыдно за ее оптимизм....¹⁸

**

После напечатания в Петрограде № 1 «Коммунистического Интернационала» я вернулся в Москву. Это было в начале весны, — повидимому, в начале мая. Секретариат Коминтерна был готов, но никакого дела у него не было: никаких связей, никаких писем, никаких вообще известий из заграницы. Делегаты конгресса разъехались — и как в воду канули. Вообще никакой работы. Почти никого не осталось и из людей. Всех ответственных перебросили на другую работу, — осталось только несколько второстепенных работников, которым нечего было делать в огромном особняке Мирбаха. Надо вспомнить, что это было время очень бурных событий в России, — апрель-май 1919 г. Советская власть на Украине буквально тонула в болоте крестьянских восстаний. В Одессе и Крыму стоял французский флот, — матросы которого то и дело бунтовались. Деникин начинал свое наступление в Донбассе. Юденич шел на Петроград. Колчак подходил к Самаре...

Я пытался работать над подбирианием материала для второго и следующих номеров «Коммунистического Интернационала», но статьи поступали плохо. Для журнала были нужны статьи, конечно, первоклассных авторов, — чтобы поднять авторитет нового Интернационала, — а эти первоклассные авторы были заняты по горло российскими делами. Настроение было, конечно, совсем неважное... Именно в это время меня как-то ночью вызвал к себе Ленин, — и с места в карьер: Вы должны ехать в Германию. Я сразу же согласился. По существу, это был тот самый вывод, к которому пришел и я сам, — только не сформулировал еще его даже для себя. Ставить работу Коминтерна надо именно на Западе, — и прежде всего в Германии. А там ее без опытных старых подпольщиков не поставить. Их надо посыпать из Москвы.

Инструкции Ленина были кратки:

«Возьмите как можно больше денег, присылайте отчеты и, если можно, газеты, — а вообще делайте, что покажет обстановка. Только делайте!»

Сразу же написал соответствующие записки: Ганецкому, Дзержинскому. Ганецкому тут же позвонил по телефону. Ганецкий в это время заведывал партийной кассой, — не официальной, которой распоряжался ЦК партии, и не правительственный, которой ведали соответствующие инстанции, а секретной партийной кассой, которая была в личном распоряжении Ленина и которой он распоряжался единолично, по своему усмотрению, ни перед кем не отчитываясь. Ганецкий был человеком, которому Ленин передоверил технику хранения этой кассы...

Я знал Ганецкого уже много лет и он меня принял, как старого товарища. Выдал 1 миллион рублей в валюте, — немецкой и шведской. Затем он повел меня в кладовую секретной партийной кассы. Она помещалась в подвале того же дома Су-

дебных Установлений, в одном из парадных зал которого заседал первый конгресс Коминтерна. Шли разными запутанными переходами, с фонарем, в темноте. Тяжелая дверь, которую Ганецкий отпирал несколькими ключами. Попали в большую подвальную комнату, — без окон, плохо освещенную. Рассмотрел не сразу: по стенам какие-то стелажи, чем то заполненные, на полу всякие ящики и чемоданы. Повсюду золото и драгоценности: драгоценные камни, вынутые из оправы, лежали кучками на полках, — кто то явно пытался сортировать и бросил. В ящике около входа полно колец. В других золотая оправа, из которой уже вынуты камни. Ганецкий обвел фонарем вокруг и, улыбаясь, говорит: «выбирайте!» Потом он объяснил, что это все драгоценности, отобранные ЧК у частных лиц, — по указанию Ленина, Дзержинский их сдал сюда на секретные нужды партии. «Все это — добыто капиталистами путем ограбления народа, — теперь должно быть употреблено на дело экспроприации экспроприаторов», — так будто бы сказал Ленин.

Мне было очень неловко отбирать: как производить оценку? Ведь я в камнях ничего не понимаю. «А я, думаете, понимаю больше? — ответил Ганецкий. — Сюда попадают только те, кому Ильич доверяет. Отбирайте на глаз, — сколько считаете нужным. Ильич написал, чтобы вы взяли побольше».

Мне некуда было класть, — Ганецкий прошел в один из углов, отобрал небольшой чемодан хорошей кожи, правда, с немного попорченным замком, но который все же можно было закрывать; выбросил из него какие-то вещи и дал мне. Я стал накладывать, — Ганецкий все приговаривал: берите побольше, — и советовал в Германии продавать не сразу, а по мере потребности. И действительно я продавал их потом в течение ряда лет... Наложил полный чемодан камнями, — золота не брал: громоздко.

Никакой расписки на камни у меня не спрашивали,¹⁹ — на валюту, конечно, расписку я выдал...

Уехать было не легко: всюду фронты. Нужно было устраивать хорошие бумаги. В этом помогали лучшие специалисты, которых имел Дзержинский. Документы устроили очень хорошие, — «железные»: из меня сделали торгового атташе мексиканского консульства. Но задержаться пришлось неделю на 6-8. Уезжал уже в дни наступления Деникина. Это наступление вызвало большую панику в Москве. Речь шла об эвакуации на Волгу или Урал. В Москве устраивали убежища и тайники. Прятали золото, валюту и камни. Этим делом ведать поручили Карпову, химику, который года через два умер. Он советовался со мною. Если б в Москве произошло крушение, моя роль в Германии многое выросла бы...

Для поездки я взял с собою украинского дипломата..., который перешел к нам на службу, его сагиттировали чекисты.²⁰ Думали, что он поможет при переправе через границу. Оказа-

лось, наоборот, что мне пришлось за него хлопотать в Берлине: меня пропустили через латышско-литовскую и немецкую границы, а его, с его странными украинскими печатями, задержали...

**

В Берлин я попал поздней осенью 1919 г. Никакой прочной коммунистической организации тогда там не было. Все было разгромлено арестами. Полицейские строгости на каждом шагу, и в то же время всюду бросавшийся в глаза развал аппарата власти. Все и все подкуплены, — вопрос только в сумме...

Радек к этому времени был уже выпущен из тюрьмы и жил «под домашним арестом» на квартире у какого то полицейского комиссара, — кажется, по фамилии Мюллер.²¹ Целые дни в доме сидел сыщик от полицей-президиума, но все они, начиная от Мюллера, были куплены и в свои доклады вносили только то, что им диктовал Радек. Делалось это просто и откровенно: каждый вечер, перед своим уходом, сыщик приходил к Радеку и спрашивал, кого из посетителей он должен упомянуть в своем докладе. Радек диктовал: были-де проф. Гетч, Филипп Прайс, фон Райбниц, фон Хинтце и др. У Радека тогда бывали настоящие «большие дни» посетителей. Для беседы с ним приезжали политические деятели самых разных лагерей, — больше всего правых, начинавших мечтать о реванше против Запада с помощью большевистской России. Их и поименовывали в докладах. О посещении Радека коммунистами и левыми вообще в докладах не упоминали.

Конечно, я установил самую тесную связь с Радеком, которого хорошо знал и раньше. Подробно рассказал ему обо всем, что произошло в Москве после его отъезда, а он, со своей стороны, много мне рассказывал о пережитом. В Берлин он попал незадолго до январского восстания (1919 г.) и всеми силами старался его предотвратить. Написал большое письмо Розе Люксембург, умоляя ее, отказаться от планов восстания и напоминал опыт июльского выступления в Петрограде в 1917 г. Люксембург это письмо получила и передатчику, на вопрос, какой будет ответ, — сказала: «Ответ он, — т. е. Радек, — прочтет завтра в „Роте Фане“». А в номере газеты была статья Розы с призывом к восстанию...

Когда Радек вскоре после этого арестовали, у его секретарши нашли ее дневник и в нем запись: писала под диктовку Радека письмо к Розе, — о том-то и о том-то. Потрясена. Следователь допрашивал Радека, что именно он писал, — Радек, по его рассказу отвечать отказался. Копию этого письма Радек тогда мне передал, — она должна быть в моем архиве, в Германии.²²

Когда мы с ним встречались, Радек тоже был решительным противником восстаний и вообще авантюр. Я с ним постоянно советовался, и моя тогдашняя линия в основном совпадала с политикой Радека.

Мне быстро удалось наладить секретариат и издательство (в Гамбурге), которое начало прежде всего выпускать немецкое издание «Коммунист. Интернационал» (№ 1 был выпущен вскоре же после моего приезда).²³ Очень скоро удалось собрать первую конференцию западных партий и групп, которые тяготели к Коминтерну. На эту конференцию приглашали не только партии, но и группы и даже отдельных лиц. Состоялась она во Франкфурте на Майне. Участие в ней приняли Клара Цеткин (от немецкой партии), Бронский (от поляков), Валериу Марку (от румын), Карл Франк (от австрийцев), Сильвия Панкхерст (от англичан). Французы, — Лорио и еще кто-то,²⁴ — сидели в Висбадене, который тогда входил в зону французской оккупации, и не могли пробраться во Франкфурт.

Основной доклад сделал я, — он носил главным образом организационный характер: я сообщил о создании Зап.-Европ. Бюро Коминтерна, центр которого будет находиться в Берлине, и о том, что уже налажено печатание журнала «Коммун. Интернационал» на немецком, французском и английском языках, номера которого могут поставляться в желательном количестве экземпляров. Предложил всем примыкающим группам присыпать регулярные отчеты (ежемесячные) и указал на возможность материальной помощи. Затем были обсуждены и одобрены тезисы Зап.-Европ. Секретариата Коминтерна, — автором их был Тальгеймер (позднее эти тезисы были одобрены Москвою и напечатаны в «Ком. Интер.», как тезисы Зап.-Евр. Секретариата).²⁵ Была принята резолюция о России и привет Ленину. Вопрос о поддержке России вообще был первым и основным не только на конференции, но и во всей деятельности Зап.-Евр. Секретариата. Ни теоретических споров, ни обсуждения вопросов, связанных с деятельностью коммунистов в других странах, на конференции не было, — хотя делегаты свои доклады на конференции делали. Помню, что тут же дал некоторую денежную субсидию Сильвии Панкхерст на издание журнала, — несколько тысяч.

Бюро Зап. Европ. Секретариата не было выбрано на конференции, — оно было составлено до конференции мною совместно с Радеком, — в следующем составе: Радек (пока он остается в Германии), Пауль Леви, Клара Цеткин, Тальгеймер, Бронский, Вилли Мюнценберг и Эд. Фукс (казначай).²⁶

Много времени и сил отнимала, — особенно вначале, — работа по организации сношений с Москвою. Все приходилось отправлять курьерами, а для этого почти всегда было необходимо добывать подложные документы. Приходилось подкупать. Незаменимым помощником в этом деле был Сливкин,²⁷ ставший своего рода знаменитостью благодаря своему настоящему таланту давать людям взятки. У него на жаловании были все нужные люди, — от мелких полицейских до полицей-президентов. Я помню, когда вернулся в 1920 г. из Москвы в Штетин, на

пароход пришел сам местный полицей-президент, который уже знал обо мне, и, поставив визу на мой паспорт (фальшивый), прямо спросил, нет ли у меня каких-либо других паспортов, которые нужно так же проштемпелевать.

Для сношений с Москвой я завел даже два аэроплана. Первый полет на одном из них был сделан Энвер-пашою. Он приехал в Берлин в конце 1919 г., бежав из Константинополя, разыскал меня и заявил, что ему крайне важно попасть в Москву. Я снесся с Москвой и получил оттуда директиву: как можно скорее переправить его туда. Ехать обычным путем было опасно. Если бы Энвера арестовали в Польше или Прибалтике, его выдали бы Антанте и расстреляли, как военного преступника. Отправили на аэроплане, но неудачно: во время перелета над Литвой, аэроплан был обстрелян и вынужден был опуститься. Всех задержали. Пришлось посыпать специальных людей на выручку. Очень тревожились, как бы Энвера не опознали. Потратили много денег и добились его освобождения. Он уехал обратно в Германию, оттуда другим путем попал в Москву и позднее выступал в Баку, на конгрессе народов Востока.²⁸

С аэропланом, который вез Энвера, я послал большое письмо с отчетом о делах, — в нем я, между прочим, сообщал, что дальше буду подписываться Томас. Это письмо было взято при аресте. Оно было шифрованное. В Литве разобрать его не могли, — бились, бились и послали в Англию. В 1933 или 1934 г. я видел его напечатанным в одном из иллюстрированных французских журналов, выходивших в Париже.²⁹

В дни Капповского путча, в 1920 г., на советских представителей в Германии были гонения. Копп³⁰ был вынужден скрываться, — за его голову была назначена награда (кажется, в 20 тыс. марок). Спасали его Райх и..... Никакого намека на соглашение с большевиками о совместных действиях против Польши и Версальского договора у организаторов этого путча не было и в помине. Если какие-либо переговоры этого рода и велись, то вернее всего это были разговоры, которые вел Радек с кем-либо из его правых гостей. Сам Радек во время этого путча был уже в Москве.

В качестве «ока Москвы», т. е. представителя Президиума Коминтерна и ЦК РКП(б), я тогда постоянно присутствовал на заседаниях ЦК КП Германии. Внутренние группировки в этом последнем тогда были таковы: Бронский стоял за политику лояльной оппозиции по отношению с.-д. Полностью с ним был Пауль Леви. Против них был Кеннен. Я писал регулярные доклады в ЦК РКП((б), в Москву, не только совершенно откровенно излагая положение дел в партии, но и давая откровенные характеристики отдельных лиц. Личный состав немецкого ЦК меня не удовлетворял. Политически выше других был Пауль Леви, но он был индивидуалистом и дилетантом. На заседаниях ЦК, расходясь с его большинством, он не раз заявлял, что, если не

сделают так, как он считает нужным, он уедет во Франкфурт и займется адвокатской практикой. Особенно резко это поведение Пауля Леви выступило во время дискуссии с³¹ Оставшись в меньшинстве, Леви заявил: «*Dann gehe ich nicht mit. Macht ihren Dreck allein!*». Такое поведение лидера действовало крайне плохо на остальных.

Обо всем этом я, конечно, не мог не писать в моих докладах в Москву. Эти доклады считались особо секретными. Их должны были читать Ленин, Зиновьев и члены малого бюро Коминтерна, так что я считал себя не только имеющим право, но и обязанным писать с полной откровенностью, ничего не утавая. Ведь именно для этого я и посещал заседания ЦК в качестве представителя Коминтерна и ЦК РКП(б): контроль Коминтерна над деятельностью отдельных партий был основою организационной структуры Коминтерна. Вскоре из-за этих моих докладов вышел большой конфликт, — но о нем дальше.

С начала 1920 г. мне удалось поставить издание журнала «*Russische Korrespondenz*», который давал подробную информацию о жизни Советской России, — в особенности об экономике.³²

Должен добавить, что к этому времени относится первая значительная по размерам финансовая история: после больших переговоров я дал значительную сумму денег (помнится, 30 тыс. дол.) одному американскому коммунисту на издание ежедневной коммунистической газеты. Имя этого коммуниста — Луи Фрейна, им была написана хорошая книга о русской революции. По приезде в Америку, он сообщил, что деньги у него украли. Никаких доказательств он не представил, и от коммунистического движения отошел.³³

(Окончание следует)

ПРИМЕЧАНИЯ Б. НИКОЛАЕВСКОГО

¹ После подписания Брестского мира, Швейцария признала советское правительство и приняла дипломатических представителей последнего во главе с Я. Берзином и А. Балабановой, став таким образом единственной страной в Зап. Европе, в которой советские дипломаты обладали всеми правами. Пользуясь этим положением, советское представительство в Берне развернуло широкую издательскую деятельность, выпускало информационный бюллетень «*Russische Nachrichten*» на немецком и французском языках, много брошюр и т. д. превратив Швейцарию в центр советской пропаганды для всей Запад. Европы. Руководителем всей этой издательской деятельности был стов. Томас.

² Революционные настроения, назревавшие в Швейцарии в течение всех военных лет, осенью 1918 г. вызвали всеобщую стачку с требованием 8-часового рабочего дня, пропорционального представи-

тельства при выборах в парламент и т. д. Большую роль в наростании революционных настроений сыграло не столько личное участие в движении эмигрантов-большевиков, сколько общие известия о событиях в России. Руководителями стачки были левые с.-д. В самый разгар движения, 5 ноября была арестована и немедленно выслана вся руководящая группа деятелей советского посольства (все, кто имел советские дипломатические паспорта). Несколько позднее были арестованы и другие работники полпредства, в том числе и «тov. Томас». В газетах были сообщения о предании их суду, но и для них дело закончилось высылкой в Россию.

³ Франц Вельти — старый швейцарский с.-д. из Базеля, примыкал к «левым» и принимал активное участие в движении ноября 1918 г., но к коммунистам не перешел.

⁴ Роза Люксембург и Карл Либкнехт были убиты 15 января 1919 г.

^{4а} Минск никогда не был в руках петлюровцев. Советская Красная Армия в него вошла 11 декабря 1918 г. и до августа 1919 г. Минск все время находился под советской властью. Но бои вокруг Минска с различными отрядами анти-советских групп в это время шли (в начале 1919 г. это были отряды «савинковцев», возглавляемые Булак-Булаховичем). Повидимому, именно их и имеет в виду «тov Томас».

⁵ Я. М. Свердлов тогда был одновременно и председателем ВЦИК Советов, и секретарем ЦК РКП(б). Отдел советской пропаганды за границей формально существовал в качестве органа президиума ВЦИК Советов, но фактически он был в то же время и иностранным отделом ЦК РКП(б).

⁶ В Германию Радек выехал почти немедленно после революции в Берлине в составе советской делегации на съезд немецких советов, но до Берлина он добрался только в конце декабря 1918 г. (См. его воспоминания: «Ноябрь» в «Кр. Нови» октябрь 1926 г.)

⁷ Н. Осинский (Валер. Валер. Оболенский, 1887-1938), — в своей автобиографии пишет, что «после отъезда Радека в Германию» он работал «в отделе советской пропаганды ВЦИК, выступал с докладом по международному положению на первом съезде Коминтерна и пр. «Энцикл. Словарь» Граната, особое приложение «Деятели СССР и октябрябрьской революции», ч. 2, стр. 96-97). — В ранние издания протоколов I конгресса Коминтерна доклад Осинского не был включен, — он вошел только в издание 1933 г. стр. 149-159.

⁸ И. Любарский (лит. псев. И. Ларский), — плехановец, перешедший в годы войны к ленинцам, эмигрант в Женеве, сотрудник «Совр. Мира», «Звезды» и др. С 1918 г. работал как советский дипломат. В 1937 г. попал под «ежовщину» и погиб на Воркуте.

⁹ Как указано в предисловии, подлинную предисторию Коминтерна «тov. Томас» излагает неполно и не вполне точно (т. к. часть соответствующих шагов была сделана до его приезда в Москву, возможно, что он и не обо всем был осведомлен). Первые шаги в этом направлении по указаниям Ленина были сделаны еще в конце 1918 г., но тогда

подготовка конгресса была рассчитана на значительно большие сроки. Ускорение созыва конгресса и назначение его на начало марта 1919 г. ни в какой связи с приездом Балабановой из Стокгольма не стояло. Подлинной причиной ускорения было желание Ленина во что бы то ни стало обострить борьбу против социалистов Запада, устроивших 9-10 февраля 1919 г. международную конференцию в Берне, на которой было принято решение о восстановлении Социалистического Интернационала.

¹⁰ Карл Моор, 1852-1932, швейцарский социалист, игравший в этом движении не малую, но крайне спорную роль, настоящее значение которой выясняется только теперь, в свете документов секретных немецких архивов. Изучение этих архивов далеко еще не закончено, и в биографии Карла Моора остается очень много темных страниц, расшифровка которых необходима, но уже теперь можно считать установленным, что Карл Моор в течение многих лет находился в таких отношениях с органами немецкой военно-политической разведки, что эти органы смотрели на Карла Моора, как на своего особо доверенного агента («Фертрауенсманн'а»), которому они давали особо ответственные поручения. В период первой мировой войны и непосредственно после нее Карл Моор «работал» под руководством др-а Вальтера Нассе, помощника немецкого военного атташе в Берне, и в секретной переписке **последнего фигурировал** под псевдонимом «Baier» или «Beier». Этот факт документально установил Отто-Эрнст Шюдекопф («Архив социальной истории», Ганновер, т. 3, 1963), который опубликовал секретный доклад К. Моора от 1 авг. 1918 г. о его доверительных беседах с советским послом в Берлине Иоффе и другими видными советскими деятелями, и в примечании цитирует письмо к государственному секретарю фон Хинтце, устанавливающее тождественность Карла Моора с «Фертрауенсманн'ом» Байером (стр. 286, прим. 31).

«Работа» Карла Моора на немецкую военную разведку ни в какой мере не мешала ему заводить возможно более широкие связи с социалистами-эмигрантами, проживавшими в Швейцарии, — весьма вероятно, что она даже обязывала его к установлению таких связей. Особенно широкими были его связи с русскими большевиками, которым он оказывал ряд всевозможных услуг. (Так, по воспоминаниям К. Радека, именно Карл Моор поручился перед швейцарскими властями за Ленина и Зиновьева, когда те в начале войны 1914 г. были высланы из Австрии в Швейцарию; см. К. Радек: «Ноябрь», «Красная Ноя», Москва, окт. 1926, стр. 163). Некоторым из них К. Моор оказывал и небольшую материальную помощь, — позднее это дало ему основание предъявить к советскому правительству требование о выплате ему какой-то значительной суммы в возмещение его расходов на помощь эмигрантам-большевикам.

После победы большевиков К. Моор много жил в России, — а после немецкой революции Россия вообще становится (до 1927 г.) местом его постоянного жительства, — и это открывает новый период в биографии Карла Моора.

Указание «тов. Томаса» об участии К. Моора в работах первого конгресса Коминтерна, насколько нам известно, является единственным: ни в официальных протоколах этого конгресса, ни в литературе о нем никаких упоминаний о Мооре нет, равно как нет упоминаний о нем в коминтерновской литературе вообще. В дни первого конгресса он действительно был в Москве: туда он приехал в августе 1918 г. и оставался там до конца конгресса, чтобы 7 марта 1919 г. появиться в Стокгольме, а затем в Берлине. Нет сомнения, что рассказ «тов. Томаса» об участии К. Моора в разных совещаниях вокруг конгресса правилен. Ленин в тогдашней трудной обстановке не мог не использовать в числе и других также и К. Моора. Но использовал он его для других целей: связи К. Моора с правыми кругами Ленин использовал для пропаганды в этих правых кругах идеи союза немецких националистов с советским правительством для совместной борьбы против Версальской конференции... Роль, которую в этом вопросе сыграл Карл Моор, была весьма значительной.

¹¹ Борис Рейнштейн — член одного из поздних народовольческих кружков в Вильно, который был связан с петербургским народовольческим кружком, подготовившим покушение на Александра III в марте 1887 г. (т. наз. «дело второго 1 марта»). Эмигрировав в Америку, Рейнштейн был там рядовым членом Американской Социалистической партии, в Россию приехал в 1917 г. без каких-либо мандатов.

¹² В списке делегатов первого конгресса Коминтерна она фигурировала в качестве представительницы «швейцарской коммунистической группы» (без каких-либо уточнений; см. «Протоколы», изд. 1933 г., стр. 251).

¹³ См. воспоминания С. Рутгерса: «Встречи с Лениным», «Историк-марксист», 1935 г. № 2-3, стр. 85-96.

¹⁴ Гильбо позднее перешел к фашистам.

¹⁵ Решение о посылке в Москву особой международной социалистической комиссии было принято на международной социалистической конференции в Берне (9-10 февраля 1919 г.). Инициатором постановки на ней этого вопроса был П. Б. Аксельрод. В состав этой комиссии были включены наиболее авторитетные имена лидеров социалистического движения: К. Каутский, Жан Лонг, Р. Макдоальд и др., — но в Россию она никогда не приезжала. На вопрос автора этих строк о причинах срыва этой комиссии, К. Каутский в 1930-х г-г. с возмущением ответил: «какой точно был предлог, я теперь припомнить не могу, но действительной причиной было нежелание некоторых социалистов Запада узнать правду о событиях в России» (цитирую на память, оригинал письма, повидимому, погиб).

¹⁶ Резолюция, опубликованная после I конгресса, говорила о бюро «в составе 5 человек», причем имена их названы не были («Протоколы», изд. 1933 г., стр. 169).

¹⁷ Граф Мирбах, германский посол в Москве, был убит в июле 1918 г. левыми соц.-рев.

¹⁸ В статье Зиновьева говорилось: «Победа коммунизма по всей

Германии совершенно неизбежна... И притом — уже в ближайшие месяцы, может быть даже недели. Движение идет так головокружительно быстро, что можно с уверенностью сказать: через год мы уже начнем забывать, что в Европе была борьба за коммунизм, ибо через год вся Европа будет коммунистической. И борьба за коммунизм перенесется уже в Америку, а, может быть, и в Азию, и в другие части света» (стр. 42).

Статья «тов. Томаса» была напечатана за подписью Джемс Гордон: «Последние известия из Германии», оценки которой, конечно, не отличались от оценок Зиновьева. — Издания № 1 «Коммунист. Интернационала» на немецком языке, выпущенное в Германии, в котором статья «Джемса Гордона» была опущена, нам найти не удалось.

¹⁹ Известно еще несколько случаев, когда из указанной секретной кассы ЦК приблизительно таким же путем были выданы весьма значительные суммы, — об одном из них рассказала Анж. Балабанова в ее недавней книге о Ленине. По ее рассказу, агент Коминтерна, получивший эту сумму, присвоил ее и открыл ювелирный магазин в Вене.

²⁰ Мы не имеем возможности проверить правильность этого утверждения, а потому опускаем фамилию «украинского дипломата».

²¹ В этом пункте рассказ «тов. Томаса» несколько расходится с рассказом Радека: последний в своих воспоминаниях утверждает, что «Томас» явился к нему, Радеку, еще в тюрьму («Красная Новь», октябрь 1926 г., стр. 168). — Точные имена лиц, у кого жил Радек после освобождения его из тюрьмы, даны в статье О. Е. Шюдекопф: «Карл Радек в Берлине» в «Архиве социальной истории», Ганновер, 1962, т. 2, стр. 98-99. .

²² «Тов. Томас» был большим любителем-собирателем исторических документов и много рассказывал автору этих строк о сокровищах, которые имелись в его большом берлинском архиве, — и все пытался убедить меня в необходимости сделать попытку спасти этот архив. К сожалению, это предприятие было крайне рискованным, организовать вывоз архива не удалось — и архив этот погиб. Секретаршой, которой Радек диктовал свое письмо к Розе Люксембург, была Фанни Езерская, которая в прошлом была одной из секретарш Р. Люксембург (в 1919-20 г.г. она была секретаршой «тов. Томаса»). В годы второй мировой войны она умерла в Соед. Штатах.

²³ Издательство это существовало под названием: Verlag "Kommunistische Internationale", первый каталог его был выпущен в 1920 г., — Кроме этого гамбургского издательства, «тов. Томас» поставил свои издательства в Лейпциге ("Westliche Secretariat des Kommunistischen Internationale". Kommissions. Verlag) и в Вене (здесь издательская деятельность была начата группой венгерских эмигрантов-коммунистов).

²⁴ Вторым делегатом от Франции был Борис Суварин. — По сообщению последнего, он и Ф. Лорио во время конференции находились не в Висбадене, а в Берлине, но попасть на конференцию не смогли ввиду ряда недоразумений.

²⁵ «Воззвание зап.-евр. секретариата Коммунистического Интернационала» было напечатано в № 7-8 «Коммунистического Интернационала» (русское издание) от ноября-декабря 1919 г. — Здесь рассказ «тов. Томаса» расходится с рассказом Радека, который называет себя автором этого воззвания.

²⁶ Eduard Fuchs — известный адвокат и автор ряда книг по истории немецкой политической карикатуры, по истории нравов и т. д.

²⁷ Этот Сливкин в первые месяцы после ухода немцев был комиссаром продовольствия в СНК Литовско-Белорусской республики (Вильно). О его тогдашних подвигах «Пролет. революция», официальный орган центрального Исппарта, писал буквально следующее: «Сливкин — отвратительнейший персонаж из плеяды примазавшихся к советской власти и компартии... Типичный мещанин, толстый, красный: с плутоватыми глазами, производил с первого взгляда отталкивающее впечатление. Но время было горячее, некогда было заниматься физиономистикой. Пробравшись в комиссары, Сливкин, не дожидаясь национализации торговли, занялся производством 'реквизиции' в лучших магазинах, совершая обыски в частных домах и даже на улице, забирая ценности и, скопив приличную сумму в золоте, отправился в Германию» (С. Гинсбург-Гириник: «Канун и сумерки советской власти на Литве», «Прол. Револ.», № 8 за 1922 г., стр. 84). Состоялось постановление о предании его суду, но он скрылся в Берлин, где работал для Зап.-Евр. секретариата Коминтерна.

²⁸ Энвер-паша, главный политический руководитель того турецкого правительства, которое добилось вступления Турции в мировую войну и затем такой же руководитель военной политики Турции. Именно на нем больше, чем на ком-либо другом лежала политическая и моральная ответственность за истребление турецким правительством почти всего армянского населения Турции. По приезде в Россию Энвер предложил Ленину, с которым он имел личное свидание, план направить националистические настроения мусульманского населения средней Азии против Англии. Ленин был превосходно осведомлен обо всей деятельности Энвера в годы войны, но предложение Энвера принял. Для проведения плана Энвера в Баку был создан так наз. «Съезд народов Востока» (1-8 сент. 1920 г.), на котором должен был выступить Энвер. Это выступление не состоялось, т. к. появление Энвера вызвало за кулисами взрыв армяно-турецких конфликтов. Есть указания о покушении на Энвера, которое едва было предупреждено. После закулисных переговоров, от официального выступления Энвера на самом «Съезде народов востока» решено было воздержаться, но Энвер выступал на специальном митинге «трудящихся мусульман», который был создан в здании бакинского театра и прошел под лозунгом «Смерть империализму». После этого выступления Энвер поехал в Бухару, где тогда еще существовало особое Бухарское правительство, формально независимое от большевиков, которое должно было сделать Бухару плацдармом для военно-политического наступления против Индии. Однако, после ознакомления на месте с положением дел

Энвер изменил свои планы и при поддержке части членов Бухарского правительства решил прежде всего свергнуть власть советов в Туркестане. Когда организованный им заговор был раскрыт, Энвер бежал в горы и объявил «священную войну» против большевиков, во время которой был убит (об этой деятельности Энвера существует обширная литература, — советская сторона событий полнее всего освещена в книгах Г. Агабекова: «Г.П.У., — записки чекиста», Берлин, 1930, стр. 46-47, с одной стороны, и Я. В. Мелькумова: «Туркестанцы», Военное изд. Москва, 1960, с другой).

29 Найти журнал, где это факсимile было напечатано, не удалось.

30 Копп, В. Л., 1880-1927, быв. меньшевик, затем сторонник Троцкого, в 1919-20 г.г. состоял в Берлине представителем советского Красного Креста по обмену военнопленными. Играя видную роль в установлении связей советского правительства с немецкими правыми военными кругами, — в частности лично с К. Хаусхофером. — Райх — старый бундовец, друг Коппа по до-революционным временам. — Имея второго старого друга Коппа, который помогал последнему скрываться в дни капповского путча, выяснить не удалось.

31 В моих черновых записях рассказов «тов. Томаса» имя коммуниста, с которым вел споры Пауль Леви, прочесть не удается, а литература о тогдашних спорах (прежде всего обе брошюры самого П. Леви: "Unser Weg" и "Wer ist Verbrecher?") установить его не позволяет. Запись очень похожа на Ланге. Коммунист, носивший это имя, тогда существовал, но следов споров с ним найти не удалось.

32 "Russische Korrespondenz" — еженедельный журнал, выходивший с начала 1920 г. тетрадями по 80-120 стр.

33 Л. Фрайна (Louis Fraina), редактор журнала "Revolut. Age" (орган клуба латвийских рабочих в Гоксборо, Масс.) автор статьи о «положении в Америке», напечатанной в № 18 «Коммунист. Интернационала» от 8 окт. 1921 г. (русское издание). После истории с деньгами Л. Фрайна отошел от коммунистической деятельности и от политической деятельности вообще, заняв под другим именем место профессора одного из провинциальных американских университетов (умер года два тому назад).

Все права на перепечатки, переводы и т. д. закреплены за Б. И. Николаевским.

Следующий выпуск сборника выйдет в октябре 1964 года.

Цена 1 долл. 25 цент.

Адрес редакции и конторы:
THE SOCIALIST COURIER
7 East 15th Street, Room 407
New York 3, N. Y.